

СИБИРСКИЕ ОГНИ

**Литературно-художественный
и общественно-политический
ежемесячный журнал**

ВЫХОДИТ С МАРТА 1922 ГОДА

Главный редактор:
М. Н. ЩУКИН

Редакционная коллегия:

Н. М. Ахпашева (Абакан)
А. Г. Байбородин (Иркутск)
П. В. Басинский (Москва)
А. В. Кирилин (Барнаул)
В. М. Костин (Томск)
А. К. Лаптев (Иркутск)
Г. М. Прашкевич (Новосибирск)
Р. В. Сенчин (Екатеринбург)
М. А. Тарковский (Красноярск)
А. Н. Тимофеев (Москва)
М. В. Хлебников (Новосибирск)
А. Б. Шалин (Новосибирск)

Владимир Титов
ответственный секретарь

Михаил Косарев
начальник отдела художественной литературы

Марина Акимова
редактор отдела художественной литературы

Лариса Подистова
редактор отдела художественной литературы

Дмитрий Рябов
начальник отдела общественно-политической жизни

Елена Богданова
редактор отдела общественно-политической жизни

Корректурa: Т. Л. Седлецкая
Верстка: О. Н. Вялкова

5/2021

Содержание

ПРОЗА

Александр ВЕГНЕР. Экстрасенс. Повесть.	3
Татьяна АНДРЕЕВА. Маршруты нашего детства. Повесть.	40
Дмитрий ЗАРУБИН. Старший прапорщик Аврора. Рассказ.	87

ПОЭЗИЯ

Галина ПОГОЖЕВА. Мученик века. Стихи.	36
Владимир КОСОГОВ. Потому что тьма. Стихи.	84
Евгений БАБИКОВ. Рябиновые песни. Стихи.	110

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Геннадий ПРАШКЕВИЧ. Архипелаг исчезающих островов. <i>Поиски литературной среды и жизнь в ней. ....</i>	113
---	------------

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Павел ОРЛОВ. Сибирские бронепоезда. Битва за Кавказ.	157
Тамара БУСАРГИНА. Мир и война моего детства.	176

КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ «СИБИРСКИХ ОГНЕЙ»

Елена БОГДАНОВА. Сибирские лица Бориса Смирнова.	189
--	------------

<i>Авторы номера</i>	191
----------------------------	------------

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ранее опубликованные (в том числе в газетах и сети Интернет) произведения не рассматриваются. Редакция оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. При перепечатке материалов ссылка на «Сибирские огни» обязательна.

Главный редактор, директор ГБУК НСО «Редакция журнала «Сибирские огни»» М. Н. Щукин.

Александр ВЕГНЕР

ЭКСТРАСЕНС

П о в е с т ь

Соседство с ясновидящим

Мимо моего дома с запада на восток в низких зеленых берегах течет светло-серая речка асфальта. Вскоре она поворачивает на север и через километр впадает в широкий свинцовый поток трассы, ведущей в Город.

Июль двухтысячного года. Семь часов утра. В воздухе еще держатся остатки ночной прохлады, но чувствуется, день будет жарким — как и предыдущие, счет которым уже потерял.

Сосед напротив, Иван Иванович Чебак, выгнал из гаража свой «москвич» с прицепом: хочет успеть до жары накосить травы телятам. Иван Иванович высок, толст, и чуб его вечно торчит дыбом — «как у бешеного на хате», говорит его жена Таисия Пантелеевна — Таська, или просто Чебачиха.

Чебаки — одни из немногих, кто не извели коров. Больше того, они даже увеличили свое стадо. Встают соседи рано. Хозяин уже отогнал на выпас четыре коровы, телку и двух быков. Сейчас он несет и устраивает в прицепе косу и грабли. Взмахом руки здоровается со мной через дорогу. Таисия Пантелеевна выходит со двора на тонких ножках, в руке сумка с большой баклагой воды: муж ее, когда работает, пьет как конь.

— Все заперла? — спрашивает Иван Иванович.

Положительный ответ — сигнал к отправлению. Поехали.

Мои соседи через стенку тоже давно встали. Хозяйка Надежда Васильевна Черемшанова с дочерью Светланой снуют между домом и летней кухней то со сковородкой, то с чашками, накрытыми полотенцем, то с кофейником. Струющийся с той стороны ветерок пахнет жареным мясом и — сногшибательно — настоящим, а не растворимым, кофе.

Стараются дамы не для себя — для своего квартиранта. Зовут его Павел Иванович Загогулин. Он не простой человек: без мяса не завтракает и не обедает. И кофе требует варить себе не на водопроводной, а на колодезной воде. Ему надо успеть как следует поесть: рабочий день у него с восьми, не то что у нас — отпускников, совершенно свободных до августовских педагогических совещаний.

Не успели мы с женой допить чай, как проснулся телефон.

— Начаина-а-ается! — протянул я с досадою и пошел в комнату. —
Слушаю.

— Скажите, пожалуйста, Павел Иванович принимает?

— Да-да, принимает.

— Извините, что побеспокоила. Мне Надежда Васильевна дала ваш телефон. Мы живем далеко. Вдруг он сегодня не работает, а мы приедем. Только бензин и время потратим.

— Я понимаю. До свидания! — сказал я дружелюбно в трубку, а положив ее, добавил со злостью: — Какого черта она дает всем наш номер? Что мы — справочное бюро?

Напротив нашего окна какой-то мужичок привязывал к забору гнедую лошадку и при этом старался рассмотреть нас сквозь тюлевые занавески. Я поспешил выйти, и вовремя: незнакомец уже открывал калитку.

— Здорово, добрый человек, — сказал он, приподняв фуражку. — Электросенс здесь принимает?

— Нет, вам туда, к соседям.

— А? Ну пойдем к соседям. Слышь, бабка? К соседям надо итить. Давай слезай, поплетемся потихоньку.

Мужичок был невысок ростом; коричневое лицо, выдубленное сибирскими морозами, ветрами и солнцем, все в глубоких морщинах; на правой щеке и вокруг уха след от ожога. Черная рубашка — чтобы не очень бросался в глаза грязный воротничок, пыльные брюки, стоптанные ботинки, наверняка купленные еще при советской власти, фуражка — и того старее, такие давно не носят. Сразу было видно: жизнь его потеряла жестко.

Он помог слезть с телеги женщине лет шестидесяти, исхудавшей, с обвисшей на шее и руках желтоватой кожей. На ней было далеко не новое ситцевое платье в полоску, с короткими рукавами; голова повязана белым платочком, тонкие ноги обуты в галоши. На лице читалось страдание. Она перевалилась, охнув, через грядку телеги и вцепилась в подставленное мужем плечо.

— Палочку возьмешь? — спросил он.

— Да что ж я к людям с палкой запрუსя?

— Ничего, потерпят. Ты делай, как тебе лучше.

— Не... Я уж так.

Она пошла, при каждом шаге охая и заваливаясь на правую сторону, с которой ее придерживал муж.

Я поспешил вперед, открыл и подержал калитку.

Калитка у Черемшановых на легкой пружине, чтобы закрывалась, но не хлопала. К дому ведет дорожка, выложенная плиткой; справа за забором — садик с ранетками, черемухой, вишней, малиной и смородиной; дальше, параллельно дому, летняя кухня, через стенку с моей; за ней в дальнем углу стояла «тойота», на которой приехал экстрасенс.

Во дворе никого не было. Когда мы подошли к высокому крыльцу, я подставил болящей плечо, она обхватила мою шею, и мы с мужичком подняли ее по ступенькам и ввели в широкие светлые сени.

В сенях на диване за столиком сидела Светка — восемнадцатилетняя девица, крашенная в блондинку, с серьгами в ушах, тупая, как пень,

хоть и дочь учительницы. Глядясь в зеркальце, она подмазывала ресницы. Губы и ногти успела покрасить до нас.

Перед ней лежала общая тетрадь и шариковая авторучка.

— Вы записаны? — спросила она, не ответив на наши приветствия и будто не узнавая меня — своего учителя и соседа.

— Не, мы первый раз, — сказала женщина.

— Что так рано? Нет еще приема. Ладно, пойду спрошу у Павла Ивановича.

И Светка ушла в дом, оставив нас стоять.

— Он вас примет, — сказала она, вернувшись. — Как ваша фамилия?

— Лыкова. Евдокия Сергеевна, — сказал за жену мужичок.

Светка записала.

— Прием стоит пятьдесят рублей. Платите.

— Кому?

— Конечно, мне! Кому ж еще?

Лыков достал из кармана кошелек, такой же потертый, как он сам, вынул три смятые десятки и, покопавшись и близоруко щурясь, четыре пятирублевые монеты.

— Проходите, — сказала Светка женщине, а нам бросила: — Вы подождите во дворе.

Мы вышли.

— Важная секретарша у электросенса, — сказал мужичок.

Я вовремя заметил у дверей летней кухни Надежду Васильевну и ничего ему не ответил. А мог бы сказать, что выпускной экзамен по математике важная секретарша провалила, но мы поставили ей даже не тройку, а четверку, как дочке коллеги. И в то время как умники и умницы нашей сельской школы с опухшими головами и страхом в сердце готовились к вступительным экзаменам в вузы, Светка уже зарабатывала приличные деньги и плевала на институт: надо будет — диплом она купит.

— Что с женой-то? — спросил я, садясь с Лыковым на крылечко.

— Да плохи дела... Прошлым летом захворала. Управилась маленько с хозяйством: картошку убрали, сено заготовили, — повез ее в районную больницу. Дали направление в Город. Поехали туда после Нового года, а мне говорят: «Ты чего, дед, раньше-то думал? Теперь поздно...» А на днях соседки рассказали ей про электросенса. «Давай, — она говорит, — поедем. Умирать-то страшно. Авось поможет». Да куда там — поможет! Ну, испыткок не убыток. Сосед недавно «запорожец» разбил, так я у него колеса выпросил, присобачил к телеге, чтоб не трясло, да и двинули спозаранку. Люди-то говорят, очередь больно большая, надо пораньше занять.

— Погодите. Лыковы... Лыковы... Лет пятнадцать назад в районке писали о пожаре на ферме. Как вы скот спасли.

— Было дело.

Я смотрю на его обожженную щеку и вспоминаю Василия Павловича Черемшанова — отца Надежды Васильевны. Он был танкистом, воевал на Курской дуге, и у него щека была обожжена так же, как у Лыкова. Мой отец был с ним очень дружен: Василий Павлович работал в совхозе парторгом, а мой отец — заведующим мастерской.

— На пенсии? — спросил я Лыкова.

— Бабка моя уже на пенсии, а мне еще пять месяцев. Работал бы, да негде. Ферму закрыли, скот порезали... Да и это бы ничего. Одному остаться — вот что страшно!

— А близких больше никого нет?

— Дочка была. Хорошенькая такая, беленькая, ласковая. Ниночкой звали. Померла от лейкоза. Сильно мучилась. Спрашивала все: «Папка, почему мне такая доля? Сильно жить хочется!» Двадцать лет всего и пожила. Оставила нас с бабушкой одних. Только и делаем, что ее вспоминаем... А вдруг все-таки поможет экстрасенс? Не знаю, правда или врут, но говорят, будто он человека насквозь видит. Сразу упрется взглядом, где рак, да так и сверлит его, сверлит, пока весь не высверлит. А потом говорит: «Все! Вы здоровы и будете жить до глубокой старости!» Хорошо, если так. Я б вперед бабушки помер — и не о чем печалиться. Как думаешь, есть надежда?

— Надеяться нужно всегда. Бывают очень даже счастливые случаи.

Я, конечно, ни в каких экстрасенсов не верил и крепко подозревал, что Павел Иванович изрядный прохвост, но вслух разоблачать его считал для себя невозможным. Никто не знает, какую роль могут сыграть надежда и вера. Зачем же отнимать их у больного человека?

По асфальтовой речке между тем приплыл знатный челнок — темно-зеленый красавец с четырьмя кольцами на решетке радиатора. Затормозил в десяти сантиметрах от ограды черемшановского двора. Глухой, едва слышный рокоток двигателя смолк, настала тишина.

Мы с мужичком устались на произведение немецкого автопрома, вытянув шеи. Внутри долго возились, наконец дверцы распахнулись: из одной вылез важный господин лет пятидесяти в дорогом сером костюме, из другой — высокая брюнетка, от роду не более тридцати пяти лет, одетая по-городскому, со всякими побрякушками и посверкушками в ушах, на шее и на пальцах. Господин нес пакет, из которого на белый свет высунилось бутылочное горлышко, обернутое в фольгу. Господа не удостоили нас не только приветствием, но даже взглядом, тем более что им навстречу с присущей ей резвостью уже спешила Надежда Васильевна.

— Мы приехали из Города, — сообщил важный господин. — Слышали, что здесь ясновидящий принимает. Хотим узнать, будет ли счастливым наш брак с Ириной Николаевной. Ну и так, кое-что по бизнесу...

По их виду Надежда Васильевна сразу определила, что это люди, которые не сидят в очередях, а проходят сразу.

— Да-да, конечно. Сюда, пожалуйста!

Мы с Лыковым, сметенные с пути важной пары неведомой силой, смотрели, как гости поднимались в дом.

— А как же моя бабушка? — спросил растерявшийся Лыков.

Евдокия Сергеевна уже стояла на крыльчке. Я и муж кинулись ей навстречу и повели со двора.

— Ну что? — спросил Лыков, едва мы оказались за калиткой.

— Сказал, чтоб завтра опять приехала — вечером, в пять часов. Говорит: «Вылечу вас. Поживете». Сейчас велел десять раз приехать, а осенью — на проверку.

— И как себя чувствуешь?

— Ой хорошо! Как начал махать надо мной руками, так важно стало. Прямо восторг в горле! И вроде полегчало.

— Ну дай бог, дай бог! Поживем с тобой еще! Я же, бабка, без тебя быстро скovyрнусь. Живи уж! Ты ведь...

Он запнулся, махнул рукой и уселся в телегу впереди своей «бабки».

— Ну, до свиданья, добрый человек. Храни тебя Бог!

И обутые в резину колеса зашуршали по траве к дороге.

На синих «жигулях» приехал Лева — племянник Надежды Васильевны, которого все звали Левчик. В свои двадцать три года он пользовался неограниченной свободой. Ни единой минуты не работал, а учиться был просто не способен. Да и зачем — работать ведь не собирался.

— Левчик, — крикнула из летней кухни Надежда Васильевна, — сгоняй к колодцу за водой!

— Срочно, что ли?

— Конечно, срочно! Обед буду готовить. Павлу Ивановичу надо только из колодезной воды. В трубах-то ржавая.

— Успеется.

— Не «успеется», а марш сейчас же!

— Теть, на пиво-то хоть дай.

— Воду привезешь — дам.

— Ну, где бутылки? — Левчик сделал ударение на первом слоге.

Скользкий тип! Не работает, а разъезжает на автомобиле и при этом пьян почти каждый день. Одним пьянство в убыток, а Левчику — в прибыль.

Еще год назад никакой машины у него не имелось, да и откуда ей взяться, если он вырос без отца, а его мать — простая школьная техничка? Зато был у Левчика закадычный друг, беззаветный пьяница Сережа Коробкин. Жил он в соседнем Степном совхозе, в двадцати пяти километрах от нас. Родители у Сережи — неисправимые трудоголики, и всего у них много, и все для него: на, Сережа, телочку; на, Сережа, десять ульев; держи пасеку и живи как кум королю, а чтобы на пасеку ездить, вот тебе «жигули» почти новые.

Но всем удовольствиям жизни Сережа предпочитал водку. Выпив ее в большом количестве, обычно пришибленный Сережа переходил в новое качество. Хотелось тогда его душе развернуться, явить широту необыкновенную, бескорыстие неслыханное. Собрался вокруг него тесный круг ушлых товарищей, которые несколько месяцев разгульно жили за счет Сережиных родителей, чьи ульи и телочки в конце концов превратились в пустые бутылочки.

И наступил день, когда пьяный Левчик подсунил пьяному Сереже бумаги, которые тот подписал, не читая, и по которым потом вышло, что Сережа продал Левчику свои «жигули» за одну тысячу денонмированных рублей.

Родители Сережи устроили скандал, но утерлись, так как их великовозрастный сынок, верный духу товарищества, настоял, что продал автомобиль добровольно, находясь в здравом уме и твердой памяти.

Подслушанный разговор

Через час вся поляна перед черемшановским и соседними дворами была заставлена машинами. И каких только не было: от наших привычных «запорожцев», «москвичей» и «жигулей» до недавно появившихся в России «тойот» и «мерседесов». Рядом с ними парковались старинные мотоциклы «Иж» и «Уралы», их усталые водители стаскивали шлемы и помогали выбраться из колясок кряхтящим и охающим пассажирам и пассажирам.

Личный прием у экстрасенса продолжался не больше десяти минут, но поток страждущих не иссякал с утра до позднего вечера. Обычно Павел Иванович рекомендовал каждому клиенту по десять сеансов. Секретарша Светка назначала посетителям время и аккуратно записывала всех в свою тетрадку. Кроме того, многие являлись без предварительной записи и ждали приема в порядке живой очереди. Приезжали заранее, чтобы не опоздать из-за непредвиденной поломки: советские машины и мотоциклы, на которых в основном передвигался тогда сельский люд, отказывали в самый неподходящий момент.

Поэтому вокруг нашего дома каждый день собиралось множество народа. Пациенты Павла Ивановича, почти все — женщины, сидели на ступенях крыльца Черемшановых, как на трибунах стадиона, и на любезно вынесенных Надеждой Васильевной скамейках в тени дома, а доставившие их водители томились за оградой: кто за рулем, кто прислонившись к капоту, кто похаживая вокруг машин и ведя разговоры с коллегами по ожиданию.

Нам, соседям, это страшно не нравилось, потому что в результате в самое лучшее время года, коим является в Сибири лето, мы не знали ни единого дня покоя.

Представьте, что против вашего окна останавливается автомобиль и чужой человек часами глазееет в ваше окно. Моя жена несколько раз прогоняла таких автомобилистов, но куда им было деваться? Они переезжали на другую сторону улицы — и оказывались под окнами дома Чебаков, откуда их гнала уже Чебачиха, то есть Таисия Пантелеевна.

В час дня у Павла Ивановича наступал обед. Посетителей, судорожно глотавших слюнки от вкусных мясных запахов, выпроваживали со двора, и они сидели по своим транспортным средствам, пока экстрасенс с хозяевами дома опустошали богато накрытый стол.

После обеда Павел Иванович выходил погулять по двору и покурить. Он был высок ростом, даже очень, и, несмотря на прекрасный аппетит и большое количество поглощаемой пищи, о чем с гордостью говорила Надежда Васильевна, крепок, а не толст. Свои белесые волосы стриг коротко, лоб у него был низкий, а скулы сильно выдавались вперед, и, когда он выпивал, на них выступали красные пятна.

Однажды ему потребовалось позвонить по телефону, и он прислал Надежду Васильевну к нам спросить разрешения на звонок. Конечно, мы разрешили.

Павел Иванович прошел мимо нас с женой, едва кивнув. Я вышел из дому, чтобы не стеснять его, жена удалилась в сени, но краем глаза

смотрела оттуда в комнату через внутреннее окно. Закончив разговор, экстрасенс достал двадцать рублей и небрежно кинул на телефон.

— Замашки как у мелкого купчика! — возмущалась жена. — Откуда он такой взялся?!

Я проводил Лыковых, поболтал с нашим бывшим односельчанином, а ныне начальником управления сельского хозяйства Крутояровым, который привез к экстрасенсу заболевшую жену Надежду Акимовну — в прошлом работницу райкома, еще недавно курировавшую все районное образование, и вернулся в дом. Было без малого половина девятого.

— Ну что, пойдём окучивать картошку, пока жара не наступила? — спросила жена.

— Поплетемся уж, Марковна.

— Доколе ж нам пластаться на огородах? — подхватила она.

— До самая смерти, Марковна, до самая смерти.

— Ну тогда побредём*.

То были последние годы тех сказочных времен, ныне уже забытых, когда Сибирь еще не оккупировали полчища колорадского жука, и мы, не ведая своего счастья, только выпалывали сорную траву и подгребали к кустам землю, а не обирали с листьев это мерзкое творение американской природы.

На огороде Черемшановых окучивали картошку Володя и Вера Волковы. У них какое-то генетическое заболевание, но они не брат с сестрой, а муж с женой — как-то нашли друг друга. Надежда Васильевна уже несколько лет нанимала их сажать, полоть, окучивать и копать картошку, впрочем, и на другие работы тоже. За труды кормила их и давала шматок ненужного прошлогоднего сала — они и рады. Слава богу, отец ее этого не видел — он умер в начале перестройки.

— Петр Петрович! — закричала мне Вера. — Вчера Славка приезжал! Привез три булки хлеба, яблок и бананов, а еще две майки для Володи.

Славка — ее брат и мой одноклассник. Она сообщает мне о каждом его приезде, для нее это праздник.

— Молодец Славка, не забывает вас! — крикнула в ответ жена.

— Петр Петрович, — продолжила Вера, — ты пятьдесят шестого года, наш Славка тоже пятьдесят шестого, и Надежда Васильевна пятьдесят шестого. Вы в одном классе учились. У Надежды Васильевны дочь Светка, у тебя с Анной Марковной две дочки, они в Городе учатся, у Славки два сына, уже взрослые. А я сорок седьмого года. Но нам с Володей детей иметь нельзя — мы инвалиды.

Вера помнила все. Если услышит, когда у кого день рождения, — запомнит железно и, встретив в соответствующий день именинника, обязательно поздравит.

Дальше работали молча.

— Что ты так долго у Черемшановых делаешь? — спросила жена, когда мы первый раз остановились попить водички.

* Шутливая отсылка к разговору протопопы Аввакума с женой, где та спрашивает, долго ли им еще мучиться («Житие протопопы Аввакума»). Отчество жены главного героя — Марковна, как и жены Аввакума.

— Разговорился с одним мужичком. А потом мы с ним вместе драпали от важного господина.

— Это как?

— Мы на крылечке сидели. А тут приехал к «электросенсу» (мне понравилось название, данное Павлу Ивановичу Лыковым) господин со своей подругой. У господина презрения к окружающим — без меры. Двинулся он на нас, как на пустое место, еще секунда — и затопчет. Так ты бы видела, как я от него порскнул! Слава богу, в пояс не поклонился. Вот это откуда? Напрасно Чехов время терял, учил меня выдавливать раба. Или как там у Шолохова в «Поднятой целине»: «Народ-то гордость свою из сундуков вынул». Но как быстро обратно спрятал!

— А Крутойоров зачем приезжал? — спросила жена.

— Надьку свою привез. Надежду Акимовну. Что-то с ней не то. Что именно, не говорит, но видно, что оба ужасно боятся.

— Помню, как она требовала с нас план по атеистическому воспитанию. А сейчас каждое воскресенье в церковь ездит.

— Так поедешь, коли смерть в лицо смотрит. Как-то мы себя поведем? Сумеем ли спокойно и радостно пойти ей навстречу?*

Домой с огорода мы вернулись перед обедом, когда жара стала невыносимой. Чебаки уже копошились у себя во дворе, сгружая и расстилая траву для просушки. Вера с Володей сидели на скамейке перед оградой Черемшановых, ожидая, когда им вынесут поесть, — в дом за хозяйский стол их, конечно, не позвали. Да и котлетами, которыми так славно пахнет из летней кухни, вряд ли накормят.

А у нас в холодильнике окрошка — самая летняя еда.

Когда жара спала, мы снова вышли в огород, и уже поздним вечером все же допололи картошку. Я пошел в летнюю кухню поставить на газ чайник. Наши с Черемшановыми летние кухни разделяет тонкая стенка, их в шестидесятые годы наши отцы вместе строили.

Уже начало темнеть, и прием у Павла Ивановича закончился.

— Надежда Васильевна, — услышал я его голос, — вот вам три тысячи за постой и дочке две тысячи за работу**.

— Спасибо, Павел Иванович. Спасибо большое!

— Еще семьсот рублей на питание.

— Может, что-нибудь особенное хотите?

— Не надо... Вообще, коньячку я бы сейчас выпил.

— У меня есть бутылочка, три дня назад покупала.

— Левчик был?

— Утром. А потом слинял куда-то. Больше не появлялся.

— Новенького ничего нет?

— Какая-то Кирьякова приедет к вам из Степного совхоза. У нее сын в Городе, в милиции работает. Сын единственный, двадцать три года. Растила без отца. Любит его до безумия. В школе всегда учился отлично. В прошлом году окончил высшую школу милиции в Омске. Лейтенант. А теперь его посылают в командировку в Чечню. Она сбрендила от стра-

* Выражение Л. Н. Толстого.

** Средняя зарплата в целом по России в 2000 году составляла 2223 рубля, а в сельском хозяйстве — 985 рублей.

ха, что его там убьют. Хочет, чтобы вы ей предсказали, вернется он назад или нет. Говорит: «Если Павел Иванович скажет, что Алешу убьют, я его не пущу! Под колеса лягу, а не дам увезти!» Это мне Левчик сообщил, а ему — Сережка Коробкин. Сына ее зовут Алексей. Росту он невысокого, на левой руке шрам — на Гусинобродке бандит прострелил минувшей зимой. Мать чуть с ума не сошла, когда узнала. У парня есть невеста, звать Настей. Она тоже из Степного совхоза, учится в сельхозинституте на бухгалтера. Оканчивает в будущем году, тогда и хотят свадьбу сыграть. Сама Кирьякова работает в администрации райцентра главным бухгалтером и каждый день ездит в Озерск из Степного совхоза на рейсовом автобусе.

— Это далеко? — спросил Павел Иванович.

— Четыре километра.

— Известно, кто отец Алексея?

— Нет. Я спрашивала Левчика, он говорит, что Сережка так и не узнал. Скрытная эта Кирьякова. Но один его одноклассник вспомнил, что вроде отчество у Алексея — Григорьевич. Но это не точно.

— Еще что есть?

— Алексей мотоциклами увлекается. Мать сама не ест, не пьет, годами в одном и том же ходит, но купила ему на окончание института очень дорогой японский мотоцикл. Марка «Ямаха». Стоит пока у нее в гараже.

— Кирьякову как звать?

— Ольга Олеговна.

— Добре, я запомнил.

Два предсказания

На другое утро Иван Иванович Чебак снова снарядил в дорогу свой «москвич». Но путь его лежал не в поле на сенокос, а в Озерск на рынок. Два раза в неделю он торгует там сметаной, маслом и творогом. У него есть постоянные клиенты, которые берут его продукты за милую душу, и это неудивительно: все у него без химии, масло желтого цвета от одуванчиков, творог без крахмала, а ложка в сметане стоит по команде «смирно».

В городе у Чебаков живет дочь, которая, не стесняясь, говорит всем, что ее отец дурак:

— Он с мамкой всю жизнь работает и всю жизнь ложит деньги на книжку. И всегда они у него там сгорают. На советской книжке было сорок тысяч. Я его сколько просила: «Папка, дай мне на кооператив!» Не дал. Теперь от них осталось сорок рублей. В прошлом году перед дефолтом попросила на машину — опять не дал. Опять все сгорело. Но это его ничему не учит! И сейчас то же самое: ложит и ложит. Накопит немного — несет на книжку. Деньги никому не доверяет, сам ходит в магазин. Мамка у него просит: «Купи мне пряников». Отвечает: «Обойдешься, они дорогие». Все у него под замками, даже дровяной сарай, как будто кому-то нужны его паршивые дрова! Уезжает на сенокос — запирает птичник, чтобы соседи кур не сперли. Ну не дурак ли?!

Фыркнул «москвич» — уехал Иван Иванович менять творог и масло на новую сумму для книжки.

А я, свободный, как птица божия, пошел посмотреть, кто к Загогулину на прием приехал.

Едва я уселся на скамейку перед оградой, подкатила знакомая светлая «Волга» начальника районного сельхозуправления Крутоярова. Но сегодня из машины вместе с его большой женой Надеждой Акимовной вышла еще одна женщина. И только она появилась, мир стал другим — ярким, разноцветным. Есть же такие женщины, которым не надо беспокоиться о смысле жизни — он определен самим их рождением. У каждого, кто их встретит, заиграют в душе оркестры, и скажет он себе: не затем ли я родился, чтобы увидеть ее?

Вся она была яркая, будто светилась: улыбкой, лучистыми глазами, волосами темной меди, в которых запуталось и играло горячее солнце. Они были собраны в высокий узел на затылке, а по вискам, щекам, по лбу вились искрящимися змейками. Ей не могло быть меньше сорока лет, но на ее лице еще не пролегло ни одной морщинки, кожа была гладкая, нежная, чуть розовая. Впрочем, рисовать здесь ее портрет — святотатство. Все равно что скверному художнику писать Мадонну.

— Здорово, Петр Петрович! — раздался у меня над ухом голос Крутоярова.

— Здравствуй, Всеволод Вениаминович, — опомнился я, и язык мой заплелся на его отчестве.

— Вы идите, я тут в тенечке подожду, — обратился Крутояров к своим спутницам. И, кивнув им вслед, спросил: — Что, хороша?

— Не то слово... А кто это?

— Ольга Олеговна Кирьякова. Приехала погадать на сына. В горячую точку на днях уезжает.

— В Чечню? — спросил я.

— Ну да, куда ж еще?

— Слушай, Всеволод Вениаминович, ты целый час с ней в машине ехал, а я так и буду вдали на скамейке сидеть? Давай хотя бы встанем так, чтобы я ее видел!

— Ишь, бездельник! Накопил за каникулы энергии!

— Будто ты не бездельник! Какого хрена вы в своем управлении делаете? И хозяйств уже нет, а вы все управляете.

— Мы не управляем, а даем рекомендации.

— И кому ваши рекомендации нужны?

— Никому. А куда нас деть? Сейчас не мы для управления, а управление — для нас. Ну пойдем, пойдем, покурим во дворе, посмотришь на нее. Мы вошли во двор и встали, привалившись к столбу калитки.

Ольга Олеговна стояла у крыльца не далее как в десяти шагах от меня, а я смотрел на нее почти неотрывно, делая при этом вид, что увлеченно беседую с Крутояровым.

— И чем, ты думаешь, закончатся нынешние сельскохозяйственные реформы?

— Думаю, ничем хорошим. Дров опять наломаем, хозяйства разорим, а что будет вместо них — пока неизвестно. Фермеры их точно не заменят. Да мне плевать! Жена бы поправилась, и идите вы все... со своим сельским хозяйством.

— А что с женой-то?

— Не знаю. Скорее, что-то психологическое — страх смерти. Говорит: «Ее чувствую. Копшится около меня, подкапывается. То в одном, то в другом месте болит». Несколько раз на обследование ездила в Город. Врачи ничего не находят, а она им не верит. Я ей говорю: «Кончай ты искать, а то и правда найдешь».

— А экстрасенс что сказал?

— Говорит, ничего нет, кроме чего-то там в печени. Да это, мол, у каждого второго в вашем возрасте, ничего страшного. Но лечить все же взялся. Подожди, сейчас вспомню... Гемангиомы! Да у нее их и в нашей больнице нашли.

В это время в калитку проскользнула Таисия Пантелеевна:

— Люди добрые, пропустите меня без очереди! Мне только спросить у Павла Ивановича...

— А что спросить-то, Таисия Пантелеевна? — это я поинтересовался, радуясь поводу подойти поближе к крыльцу.

— Что с отцом моим будет. Когда ждать...

У Чебачихи здесь, в селе, живет сестра Катерина, а у нее — их с Таськой отец Пантелей Никифорович. Он уже давно болен — с января или февраля. То ему лучше, то хуже, а какая болезнь, бог знает. Наверное, просто старость — восемьдесят семь лет старику. Таська давно хочет спросить ясновидящего Павла Ивановича, когда отец умрет, но муж категорически против: «Будем мы еще свои деньги всяким жуликам носить! Не затем их зарабатываем». Он не сомневается, что Павел Иванович мошенник. Таськина сестра Катерина тоже против, но по другой причине: она верующая, а батюшка в церкви сказал ей, что грех обращаться к гадалкам и целителям, этим притягиваешь к себе нечистую силу.

Так вот, видно, настал для Чебачихи удобный момент: муж в дверь, а она — к экстрасенсу. Только пропускать ее вперед никто не хочет:

— Нам всем только спросить надо! Ты тут рядом живешь, спрашивай хоть каждый день, а нам ехать.

Но Таська пошла к Надежде Васильевне, и та, как соседка, провела ее без очереди.

— Ну что, тетя Тася? — спросила Надежда Васильевна, когда Чебачиха вышла.

Вокруг тут же собрался кружок любопытных. И я тоже подошел — как тут не любопытствовать? — и оказался совсем рядом с Кирьяковой. Какие же у нее глаза! Большие, светло-серые, с едва заметной улыбкой. Хороша! Как хороша! Одета просто: белоснежная блузка, черная юбка, черные туфельки-лодочки и ни одного украшения...

Что там Чебачиха говорит?

— Сказал, что умрет не позже октября, — донесся до меня ее голос.

— Не позже октября — это когда? — спросил я. — Сейчас июль — это не позже октября. И тридцать первое октября — тоже не позже.

— Ой, точно! Ой, дура я! Растерялась совсем. А и правда, когда же? Ой, милые, пустите меня обратно, я переспрошу!

— Нет уж! Так целый день будешь спрашивать и переспрашивать! Да и женщина уже зашла.

— Считайте, тетя Тася, что Пантелей Никифорович помрет в конце октября, — успокоила ее Надежда Васильевна. — Если хотите, я у Павла Ивановича уточню.

— Спасибо, Надежда Васильевна, я ведь так и поняла, что в октябре. А если точнее узнаете, скажите мне, я вам маслица принесу свеженького — бесплатно, прямо из маслобойки.

— Хорошо-хорошо, Тася, иди с богом.

Чебачиха перебежала к себе через дорогу, едва не угодив под колеса очередной подъезжающей машины.

Через десять минут вышла Крутоярова, а с ней Светка — важная секретарша:

— Кирьякова, проходите!

Ольга Олеговна молча проследовала за ней.

Прошло довольно много времени, прежде чем она вышла.

За это время Надежда Васильевна успела рассказать всем, зачем Кирьякова пришла, что хочет у Павла Ивановича узнать и как непросто ясновидящим выходить в астрал и перемещаться в будущее.

— Надо же! Ах-ах! Боже мой! Это же какую силу души надо иметь! — ахали и охали слушательницы.

— Ну что, что он сказал? — бросились мы к Кирьяковой, когда она вышла.

— Прежде не верила, а сейчас сама вижу — необыкновенный человек! Все знает! — сказала та серебряным голосом. — Действительно, ясновидящий! «Здравствуй, — говорит, — Ольга Олеговна». «Откуда вы знаете, как меня зовут?» — спрашиваю. А он: «Я все знаю, мне Бог нашептывает. Видишь, икона висит? Сейчас она мне скажет, зачем ты ко мне пришла». И начал водить надо мной руками — вот так. Поводил и говорит: «Знаю, мать, что тебя привело ко мне. Сына твоего единственного, молодого, красивого, еще не жившего, посылают туда, где каждый день гибнут люди. Тебе страшно. И это правильно: каждая мать боится за свое дитя. Сын твой умница, много планов у него на будущее. Любит он девушку, красивую, как ты. Но что-то мешает им пожениться. Вот только не могу понять что. Чувствую, разумная причина, а разглядеть не могу». Я ему говорю: «Она учится на последнем курсе. Решили отложить свадьбу до того, как диплом получит». — «Да-да, — говорит, — сейчас вижу. Зовут твоего сына Лешей. Леонид, значит... Нет-нет, Алексей! Вижу его диплом об окончании института. Ух ты! Высшая школа милиции, выдан Кирьякову Алексею... Алексею... Первая буква отчества вроде "Г"...» А я подсказываю: «Правильно, Григорьевичу». — «Да-да, Григорьевичу. Но я тебя обрадую: тебе, мать, нечего бояться. Того, что случилось с твоим Лешей в начале года, никогда больше не будет, бандитские пули его не тронут. Через полгода вернется твой Алексей Григорьевич живым и здоровым. И свадьба у него с Анастасией будет роскошная, и внуков у тебя будет двое: мальчик и девочка. Жить они будут в Городе, и жить будут богато. Вот так-то, Ольга Олеговна! Мотоцикл его, что стоит у тебя в сарае, не продавай: он еще погоняет на нем, прежде чем автомобиль купит». Ну слава богу! У меня такая тяжесть с души упала...

И правда, красивое лицо ее светилось.

Мне ужасно хотелось провести сеанс разоблачения и рассказать о подслушанном разговоре... Но к чему это приведет? Она снова будет несчастной. Алексей, скорее всего, поедет против ее воли, иначе пять лет учебы и год карьеры — коту под хвост. Она будет страдать, не спать от страха. Пусть уж лучше верит. В конце концов, убьют ее Алешу или он вернется, зависит не от предсказания Павла Ивановича.

И я просто высказал сомнение:

— Слишком все хорошо у него. Эти ясновидящие всегда говорят то, что от них хотят услышать.

— Нет-нет! Он сказал правду. Ведь вашей соседке он предсказал не то, что она хотела услышать, а смерть отца. Есть, конечно, среди экстрасенсов самозванцы, но этот — настоящий. Настоящий! Я в этом убедилась.

Я не решился разрушить наступившее в ее душе спокойствие. Они с Крутояровыми уехали, а во мне осталась досада, что умная, красивая женщина купилась на такую туфту. Хотя как не понять ее?

«Вот такая басня»

Заходящее солнце окрасило дома, деревья, кусты в палисадниках оранжевым цветом. По улице прошли коровы. Семь голов свернули в калитку Чебаков, две коровы проследовали дальше. Это все. На нашей улице скота больше нет.

А я помню, в мои детские годы по этой же улице шло целое стадо, и мать кричала нам: «Уходите скорее, совхозный бык идет!» Огромный бык-производитель, которого совхоз отдавал на время в стадо частных, шел с кольцом в носу, сопровождаемый всадником-пастухом, косил кровавым глазом и ревел утробно и страшно. Пастух щелкал кнутом и ругался матом. Мы с ужасом смотрели из-за заборов. Только соседский мальчишка, шестиклассник Сережка Мишин, с огромной скоростью проносился мимо быка на велосипеде. У малышни замирало дыхание, никто не сомневался, что Сережка герой.

Еще три года назад жена в это время устраивалась доить корову, прибегал кот Васька и садился напротив, наострив уши, в ожидании молока. Я, отломив ветку клена и размахивая ею, отгонял от Рябинки оводов. А сейчас и делать нечего: картошку пропололи, грядки на сегодня полили.

Я вышел посидеть на лавочке за оградой. Было тихо, зной спал, воздух пах травами. Дышалось легко.

Павел Иванович еще принимал. Остались «жигули» и «запорожец», а за ними знакомая лошадь — темно-рыжая с черными гривой и хвостом. Значит, Лыковы здесь. Я решил дожидаться стариков и узнать, как дела. Небо над селом было акварельно-прозрачным, чуть зеленоватого цвета, а над горизонтом уже загорался закат.

Мужчина и ребенок, свернув с асфальта, шли ко мне по выгорающей траве. Мужчину я узнал. Он живет за речкой. Зовут его Матвей Мартынович Мелех. Намучились мы, школьные работники, с его детьми. Мелехи — Митя и Вася — были необучаемы, но, хочешь не хочешь, пришлось тянуть их до десятого класса и принять у них экзамены. Жена

Матвея Мартыновича за словом в карман не лезла. В учительской подпирала бока: «Мое дело — родить, ваше — учить. Не хотят учиться, плохо себя ведут? Это ваши проблемы!» Как я жалел тогда, что нельзя исключить паршивцев, как в царской школе! Помню, еще в детстве читал книгу Гарина-Михайловского о Теме Карташове. Как мама его, вдова генерала, на полусогнутых приходила в гимназию и умоляла, чтобы ее сына не исключали.

— Здорово! — сказал Матвей Мартынович. — Принимают еще?

— Здравствуй, дядя Матвей! Что так поздно?

— Да дела всякие... У меня ж хозяйство!

— Неужто коров еще держишь?

— Не! Поросят держу, а коров давно сбыл. Сена не достать.

— А поросят выгодно держать?

— Какое там! Для себя держу. Сейчас только торговать выгодно.

Купит у меня закупщик свинью — и больше с нее имеет, чем я.

— А много мороки с поросятами?

— Да как сказать... Внимание нужно. Вот зимой опоросилась Машка. А ночь, я сплю. Утром вышел — они лежат, поросята. Ну, думаю, замерзли на хрен! Я их сложил в ванну и в дом занес. А что делать? Не плакать же! Выживут так выживут, а нет — черт с ними. В комнате поставил прямо в ванне, пошел дальше управляться. Захожу, а они из ванны высунулись и телевизор смотрят!

— Кто?!

— Поросята. Повезло. Еще полчаса — и замерзли бы.

— А это кто с тобой?

— Внучок. Артемка, поздоровайся с дядей!

— Здравствуйте! — сказал Артемка, бледный худенький мальчишка

лет семи.

— Учится уже?

— Не. Осенью пойдет.

— А ты, дядя Матвей, чего сюда пришел? Заболел?

— Я — нет. Он заболел. Ест плохо. Проглотит кусок и говорит: «Не могу больше — не лезет».

— Так в больницу надо, к врачам.

— Были уже. Сказали: блямбли какие-то. От грязных рук.

— Дед, не блямбли, а лямблии, — поправил внучок.

— Папка у него олиграфен, ты же знаешь, а он смысленый парнишка. Все соображает! — сказал с гордостью Мелех. — Уже сам читает и наизусть стихи шпарит.

— Папка-то работает?

— Какое там! И второй, Митька, тоже олиграфен третьей степени.

Оба на моей шее сидят.

— А от ясновидца-то чего ты хочешь?

— Говорят, он все может. Глядишь, выгонит этих... блямблей... Только денег у меня нет. Хотел спросить, может, ребенка без денег полечит. Или яйцами я бы рассчитался. Или зимой свининки бы принес.

— Вряд ли он согласится. Но спросить можно.

— Пойду спрошу. — И Мелех вошел в калитку Черемшановых.

Матвей Мартынович всегда был странный. У него большие, глубоко посаженные глаза, вокруг них черные круги. Взгляд внимательный-внимательный, словно он всегда силится что-то понять. Вроде нормальный мужик: все говорит по делу, но вдруг расскажет, как служил в Забайкалье, страшно тосковал по дому, а когда становилось невмоготу, залезал на сопку и смотрел, что мамка дома делает. И не поймешь, то ли тебе над ним смеяться, то ли он над тобой смеется.

От экстрасенса вышла женщина лет шестидесяти. Она давно ездила из Кольцовки с мужем на красном «запорожце». Муж всегда ждал ее в машине. Сейчас вышел навстречу:

— Ну что?

— Не поверишь! Говорю: «Что-то хуже мне стало. Сильнее почечка болит». А он знаешь что мне ответил? «А вот не надо было вчера за травой ходить на машинный двор и тяжелый мешок через все село переть! Вот у вас почка опять и опустилась! Я вам ее поднял, а теперь вся моя работа насмарку. Ну ничего, еще пять сеансов вам назначу и опять подниму, куда надо, только уж вы берегите себя, тяжелого не таскайте». Ну откуда он может знать, что я вчера за травой ходила и мешок на спине тащила? Вот чудо! Не поверила бы, если бы кто другой рассказал!

«Похоже, что и в Кольцовке у Павла Ивановича сидит информатор», — подумал я.

Солнце уже было низко, краски погасли, тени стали длиннее, когда вышли Лыковы.

— Ну как? — спросил я.

— Лучше моей Евдокии Сергеевне! Правда, бабка?

— Как будто лучше... Слава богу!

— Тьфу-тьфу, не слазить бы! Ну, бывай здоров, добрый человек.

Поедем, поздно уже. Но, Гнедая!

Вышел и Мелех с внуком. Развел руками:

— Сказал: «У тебя, дед, и на один сеанс яиц не хватит. Я беру только деньгами и в долг никого не лечу». Вот такая басня. Ну пойдем, Артемка.

— Не горюй, дядя Матвей! Поезжайте в больницу, там вылечат. Окончит Артемка школу, отслужит в армии, пойдет работать... — подбодрил я старика.

— Что вы, дяденька, я в армию не пойду! — перебил меня Артемка.

— Почему?

— Меня же убьют. Я неловкий.

— Он солдатом не будет. Он будет политикантом. Политикантом быть хорошо: рот закрыл — и рабочее место убрано.

— Не политикантом, дед, а политиком. В Думе буду заседать.

— Надо же! В его возрасте — и такие мечты... Первый раз встречаю такого мальчугана! — обалдел я.

— Он у нас того... Сильно умный парнишка. Далеко пойдет. Не то что мои олиграфены.

А вот и последняя посетительница.

— Галя! — удивился я. — Ты как здесь?

— Петька! Знала, что в Малиновке живешь, но не знала, что ты сосед экстрасенса.

Галя из соседнего района. Мы учились вместе в институте. Даже хотели пожениться... Потом она работала в школе, но быстро бросила это нелегкое дело и перешла в райком. А после девяносто первого года дальше политическую карьеру делать не стала — уехала с мужем в село Первомайское фермерствовать.

— Ух ты! — сказал я. — Сама машину водишь! Какое лихо тебя сюда привело?

— У меня был этот... Ну, в общем... Догадался? Два года назад удалили правую почку. Услышала про вашего экстрасенса. Заехала посмотреть, правда ли такой кудесник.

— И какое впечатление?

— Брешет, никакой он не целитель! Бабло кует! Представляешь, что он спросил, когда я вошла? «На что жалуетесь? Что не так?» Отвечаю: «Я затем и приехала, чтобы узнать, что со мной не так». Он вылупился на меня, будто рентгеном просвечивает: «Все ясно! Правая почка опущена, и кисты на яичниках. Ну, это не страшно. Я все поправлю за десять сеансов». — «Что вы говорите! Правда, что ли? Вы не ошиблись?» Он обалдел: «Вы сомневаетесь?» — «Правая почка опущена? А то, что нет у меня правой почки, это вы не видите?» Он молча вынимает пятьдесят рублей и кидает передо мной. Я засмеялась и говорю: «Да ладно уж, оставьте себе!» — повернулась и ушла.

Через три дня я, к удивлению своему, увидел выходящих от Черемшановых Мелеха и Артемку.

— Неужели Загогулин согласился лечить бесплатно?

— Не. Пришли мы тогда домой. Я бабке и говорю: «Что ж мы? Разве для внука денег пожалеем?» И на другой день повязал Машке красный галстук. Витька-закупщик вечером ее забрал и деньги мне на руки — на! Ну а что? Такой смышленный парнишка. Пусть растет здоровым, учится. Может, и правда станет этим... как его? Политикантом!

Подзарядка

Чебаки, трудолюбивые мои соседи, поехали косить траву. А экстрасенс с утра на работу не вышел.

— Павел Иванович сегодня никакой, — сообщила Надежда Васильевна. — Растратил за эти дни всю энергию, лежит пластом, даже пошевелиться не может. Он ведь не обычный человек, не как мы. Он тратит энергию без меры! Правда, у него есть способность заряжаться от грозы, но лето в этом году сами видите какое: за два месяца ни одной грозовой тучи. До обеда никого не сможет принять. Послал меня извиниться перед теми, кому назначено время. Примет вас в другие дни, не волнуйтесь!

— Так что, назад ехать? — спросила непонятливая старушка из Покровки, самого дальнего западного села района.

— Да-да, я же сказала! Примет в другой день.

— Васильевна, постоялец-то что говорит насчет дождя: будет или нет? Ведь погорит все! Картошку сухой землей окучили. Ждем, ждем... Или уж не ждать? — спросила покровчанка.

— Он же вам не гидрометцентр. Вы поймите простую вещь: когда он вашу судьбу предсказывает, он выходит в астрал. А погода к нам приходит не через астрал, ее Бог посылает.

Старушка постояла с таким видом, будто что-то еще могло поменяться, потом села в машину с оторванным глушителем, и та увезла ее домой в Покровку, за полсотни километров.

Я все это видел, потому что пересаживал розовый куст в палисаднике на границе участков. Впрочем, Надежда Васильевна тоже меня видела, но не стеснялась нести при мне галиматью про дозарядку энергией от грозы и разницу между источниками сведений о судьбе и погоде.

Остальные приехавшие, разочарованные отказом, тоже расселись по транспортным средствам, и поляна перед нашим домом наконец опустела.

Почти сразу после этого я услышал стук двери, сопение Павла Ивановича и его просьбу к Надежде Васильевне принести минеральной водички.

— Бр-р! Тяжко... Последний стакан коньяку вчера вечером был лишним... А? Что? А, понял. — И он замолк.

Наверное, Надежда Васильевна предупредила его знаками, что рядом чужие уши. Я тоже вспомнил, что подслушивать нехорошо, и убрался из палисадника.

Перед обедом сделалось тихо. Жара стала удушливой, воздух загустил — и вдруг издали докатился неясный гул. Я вышел из сеней, прислушался. Раскрасневшаяся, потная Надежда Васильевна понесла в дом кастрюлю с супом. Выскочила Светка, в руках другая кастрюлька, поменьше. Навстречу мамаша ее порожняком, отклонила плечо, пропуская дочь, и обратно с третьей кастрюлькой. Видно, здорово проголодался Павел Иванович после вчерашнего перепоя.

Левчик приперся, подал тете в руки бутылку водки: понятно, магу надо опохмелиться.

Через дорогу Чебаки расхлебенивали ворота. На прицепе висела огромная копка травы, увязанная веревками. Соседи явно спешили, суетились, тревожно посматривая вдоль улицы на запад. Чего это они? В ответ на этот вопрос услышал я уже не гул, а отчетливый раскат, словно по небу покатила пустая бочка. Я выглянул из калитки. С запада поднималась черная туча, прочерченная размытыми светлыми полосами. Белая молния брызнула из нее, и через полминуты над нами пронесся мощный грохот. Пахнуло прохладой и сыростью. Иван Иванович заехал в ворота и встал посреди двора.

Туча приближалась, нарастая, передний край ее закрыл солнце и зажегся. Потом погас, и стало темно. Чебак копошился у прицепа, Таисия Пантелеевна, упиравшись тонкими ножками, пыталась закрыть ворота. Страшный треск раздался прямо над нами. Чебачиха, вздрогнув всем телом, присела в испуге на корточки, бросила ворота, вскочила и проворно побежала к дому. Иван Иванович испуганно вскинул голову к небу. Раздался новый удар, еще сильнее, и я тоже поспешил в укрытие.

Едва я оказался в сенях, как послышался нарастающий шум.

«Дождь, — подумал я, — долгожданный, живительный для огородов, пастбищ, совхозных полей!»

Но я ошибся: это был не шум дождя, а совсем другой, с незнакомым мне воем на высокой ноте. Зашумели деревья, полетели по воздуху листья, ветки. Что-то сильно ударило по крыше. Между летней кухней и верандой, нависая над ней, у нас росла береза, под сетчатой тенью которой я любил сидеть, читая книгу или газету.

Тонкие ветви ее уже струились по ветру, словно стремясь улететь вместе с ним. Все сильнее рвались они с родного дерева, все ниже гнулась крона. Напор ветра усиливался с каждой секундой. Я никогда такого не видел! Уже не вой, а адский рев наполнил пространство. Ниже, ниже гнулась береза. И вдруг земля рядом с ней вздыбилась, наружу вывернулись черные корни, и дерево, царапая обшивку веранды, подминая вершиной забор, легло на землю. И тут же весь дом потряс жуткий удар с другой стороны, что-то с грохотом понеслось вниз, застучало надо мной, и я увидел, как прыгают с крыши веранды кирпичи. Я, ничего не понимая, кинулся в комнату и выглянул в окно. На крыше пригона Ивана Ивановича накошенное и высушенное сено поднялось, словно чуб на его голове, а затем улетело ворох за ворохом, как его деньги из Сбербанка.

Ураган утих так же неожиданно, как налетел. Дождь едва покапал: ветер угнал тучи, и гром теперь доносился откуда-то издалека, с востока. Тут я наконец решился выйти наружу и посмотреть, что же такое рухнуло на мою крышу. Упал, переломившись посередине, старый тополь Черемшановых, напрочь снеся нашу печную трубу и расколовив кусок шифера.

Только что погибший тополь был моим ровесником и давним вино-вником пикировок моей жены с Надеждой Васильевной.

— Надя, — говорила жена, — этот тополь когда-нибудь разворотит крышу. Ладно бы твою, но ведь он рухнет на нашу! Спили, пока не поздно.

— Он нас с тобой переживет, — отмахивалась Надежда Васильевна. Вот и «пережил»!

Лично мне теперь дождь не нужен: промочит штукатурку, и она упадет у меня с потолка. Надо быстрее чинить крышу.

— Пусть платит! — сказала жена, имея в виду Черемшанову.

— Ну их к черту! Сам сделаю.

Ураган снес в Малиновке несколько крыш, повалил половину деревьев пришкольного сада, перенес через речку и аккуратно поставил на ноги теленка, перевернул тракторную тележку и много чего еще натворил.

Павел Иванович, видимо, основательно напился от пронесшейся грозы, потому что до самого своего отъезда больше не страдал от недостатка энергии.

Август

Прошел месяц. После пронесшегося урагана зарядили дожди. Редкий день обходился без них. По утрам стояли туманы, в воздухе перемешивались запахи полыни, укропа, свежих огурцов, грибной сырости. Часто пахло известью и свежей краской: народ спешил сделать хоть какой-то ремонт до наступления осени.

Популярность Павла Ивановича росла день ото дня. На лечение к нему в нашу Малиновку приезжали из райцентра — Озерска и всех сел района: от самого западного — Покровки до самого восточного — Алабуги. Приезжали и из соседних районов и даже из Города. Десятки людей кормились вокруг Загогулина: Черемшановы, у которых он квартировал; автомобилисты, нанятые болящими, чтобы добраться до него; тайные информаторы, о которых мало кто знал; Чебаки, продававшие Черемшановым молочные продукты и яйца, да мало ли кто еще. Говорили, что в двадцати километрах от Города, в сосновом лесу недалеко от Оби, строят или уже построили Павлу Ивановичу двух- или даже трехэтажный коттедж, а значит, и бригаде строителей перепадали деньги, которые экстра-сенс выдурил у своих пациентов.

Я часто замечал, как, обычно вечером, подъезжал к Черемшановым Левчик с закадычным своим другом Сережкой Коробкиным из Степного совхоза. К ним выходил Павел Иванович, и они подолгу беседовали в салоне Левкиного автомобиля. Я догадывался, что они привезли Павлу Ивановичу очередную порцию информации, но не знал о ком.

В сумерках задняя дверца «жигулей» открывалась, Павел Иванович вылезал и отправлялся спать, а приятели уезжали в неизвестном направлении по неизвестным делам.

У нас с женой оставалась последняя неделя отпуска.

Что-то щемящее есть в августе. Лето прошло. Всегда ждешь от него чего-то необыкновенно хорошего, а в августе оказывается, что хорошее так и не случилось.

— Ну что, Надя, — спросил я Черемшанову, когда она, впервые за многие дни, усталая вышла и присела на нашу скамейку, — готова к школе?

— Я взяла академический отпуск, — ответила она. — Павел Иванович решил остаться до Нового года. Как он без моей помощи?

Эта новость меня ошарашила.

— А кто же будет преподавать русский язык и литературу?

— Из Озерска учительница будет приезжать. Она вышла из отпуска по уходу за ребенком, и у нее маленькая нагрузка.

— Понятно. И охота тебе прислуживать этому мошеннику? Вспомни, ведь ты внучка старого большевика, красного партизана, замученного колчаковцами! Нас с тобой в пионеры принимали перед памятником ему и его товарищам. Твой отец — герой-танкист, совхозный парторг...

— Ну и что из того? Какая связь между моим отцом и дедом — и Павлом Ивановичем? И никакой Павел Иванович не мошенник. Ты просто завидуешь, что он в день зарабатывает больше, чем ты за два месяца.

— Есть чему завидовать! Я зарабатываю свои деньги честным трудом, а он дурит людей. Думаешь, я не знаю, зачем приезжают Левчик с Коробкиным? В астрал он выходит, видит, кто куда мешки с травой таскает! Как же!

— Но ему же платят деньги! Значит, есть за что платить. Он производит надежду! А ты что производишь? Закон Ома? Ты его не то что сам произвести, а даже готовый в головы учеников вложить не можешь. Хочешь, чтобы и Светка моя жила как мы? От полочки до полочки ко-

пейки считала, тумачи от пьяного мужа получала и нищету от него на белый свет производила? Нет уж! Надо жить, как весь мир живет.

— А как он живет?

— Хорошо живет.

— Ты видела?

— Люди видели, и Светка увидит! И жить будет с людьми, а не с быдляком!

— Знаешь, Надька, хоть ты и была командиром нашего отряда имени Вали Котика, я никогда тебе не верил. Как заблажишь: «Я себя под Лениным чищу, чтобы плыть в революцию дальше...» — всегда думал: «Ой брешет!» Оказывается, прав был.

— Иди ты к черту! Некогда и противно твои глупости слушать!

Она встала и ушла. А я пошел спать, чувствуя, что опять проиграл спор.

— Тебе какая-то женщина звонила, — встретила меня жена.

— Кто такая?

— Не представилась. Просила перезвонить. Я на газете номер записала.

На том конце провода схватили трубку, прервав первый же гудок вызова.

— Простите, — сказал я. — Вы просили меня позвонить...

— Вы Петр Петрович? Меня зовут Ольга Олеговна Кирьякова. Помните, мы встречались с вами месяц назад у Черемшановых? Я приезжала к Павлу Ивановичу, к экстрасенсу...

— Да-да, я вас помню!

— Я хотела вас спросить... У вашей соседки был болен отец. Не помню ее имени-отчества...

— Таисия Пантелеевна.

— Да. Она была такая несчастная... Мне было ужасно жаль ее. Скажите, пожалуйста, как ее отец? Жив еще?

— Да-да, не волнуйтесь. Он жив. Даже немножко лучше себя чувствует. За ним хорошо ухаживают. Приезжал врач из Озерска, прописал лечение. Вечером приходит соседка — она медсестрой работает, — делает уколы, ставит капельницы. В общем, слава богу. Лучше старику. А у вас как дела? Как сын? Звонит вам?

— Последний раз звонил три дня назад. Они пока в Гудермесе, но их должны отправить в другой район. Я ужасно волнуюсь. Он, правда, сказал, что обстановка спокойная, нигде не стреляют, но мне не верится. Он у меня такой заботливый: не хочет, чтобы я переживала за него. А я такие ужасы прочитала! Невозможно представить, что это творится в наше время.

— Не переживайте так. Милиция не участвует в боевых действиях, они стоят в уже освобожденных районах.

— Я понимаю, но и в освобожденных районах полно бандитов. В любом месте можно получить пулю в спину или нож под сердце... или на mine подорваться. А мой мальчик — мирный человек, он такой доверчивый! Скажите, зачем это? Зачем забирать у матери единственного сына? Не затем я его с таким трудом одна растила, чтобы его там убили!

— Ольга Олеговна, что же я вам могу на это ответить? Увы, не от меня это зависит. Может, и я виноват в том, что там происходит, потому что не знаю, как отозвались в настоящем мои слова, сказанные пятнадцать — двадцать лет назад. Никто в этом не разберется. Надо надеяться, что все кончится хорошо и ваш сын вернется, как и предсказывал Павел Иванович.

— Спасибо, я тоже молюсь, чтобы так и было.

На другой день мы с женой покрасили полы в доме — дальше тянуть с этой работой было уже невозможно. Закончили далеко за полдень. Красили мы нитроэмалью, и я вышел за калитку подышать, очистить легкие, а заодно посмотреть на приехавший народ.

От ясновидящего как раз вышла Вика Белова из Степного совхоза — женщина лет тридцати пяти, смазливенькая, рыжая, круглолицая, всегда восторженная и возбужденная. Я вижу ее здесь чуть ли не с первых дней «работы» Павла Ивановича. Мне кажется, она придумывает себе все новые и новые болезни, чтобы лечиться у него непрерывно.

— Ой-ой-ой! Ах-ах-ах! Ай-яй-яй! — стрекотала Вика. — Ну это же невозможно! Представляете, только зашла, а он говорит: «Вика! За что же тебя муж так избил вчера?» А я как закричу: «Как?! Как вы узнали?! Боже мой!» А он: «Я почувствовал, что тебе угрожает опасность, и решил посмотреть через космос. Вижу, ты пришла домой с дочкой Оксаной и еще какой-то женщиной. Муж твой спал на диване, ты сказала: “Опять этот орангутанг пьяный лежит!” — и стала варить сосиски в кастрюльке. Вы сели ужинать, и в это время муж проснулся и ни с того ни с сего ударил тебя по спине. Стал кричать: “Где шлялась, собака?” — и называл тебя другими скверными словами». В общем, все-все рассказал так, будто сам там был! Ну как это возможно?! Чудо! Чудо!

И все, кто слушали Вику, стали изумляться и повторять, что это небывалое дело, достойное самого большого восхищения.

«Кажется, это называется индуцированный психоз — когда одна ненормальная заражает своим бредом несколько человек, — подумал я. — Для Павла Ивановича такие Вики просто клад».

— Нет никакого чуда! Просто уникальные способности, — сказала Надежда Васильевна. — Он силой мысли выходит в астрал. Это такое серебряное пространство, в котором можно перемещаться в любом направлении и видеть кого пожелаешь. Вот Павел Иванович почувствовал, что ты, Вичка, в опасности, вышел в астрал и увидел, что муж тебя бьет. Он сумел силой мысли заставить его прекратить избиение. Это требует огромного расхода энергии! После каждого выхода у него разыгрывается немислимый для обычного человека аппетит. А я-то думала, отчего он вчера вечером, уже после ужина, попросил сварить ему семьдесят пельменей и все съел...

— Вот это да! Семьдесят пельменей! — И ураган восторгов разбушевался с новой силой.

«Что за странное создание человек? Как легко он допускает в свою голову самый дичайший вздор!» — подумал я и пошел в летнюю кухню съесть не семьдесят пельменей, а всего лишь кусок хлеба со свежим огурцом.

Ночевали мы тоже в летней кухне. Скреблись под полом мыши, прощуршал по крыше короткий дождь. Потом захлопали дверцы машины,

донесся стук в окно соседей. Загорелся свет, послышались голоса — мужской и женский, но разобрать, о чем они говорили, было невозможно.

Вдруг голоса стали громче, яснее, говорившие вошли в летнюю кухню Черемшановых.

— Теть! Нам надо с ним поговорить по важному делу. — Голос, несомненно, принадлежал Левчику.

— Не о чем вам с ним говорить! Что вам было положено, он вам вчера заплатил.

— Теть, ну позови его!

— Не позову. Он сказал, что не хочет вас видеть.

— А мы тогда про него расскажем! — Я догадался, что это сказал Сережка Коробкин.

— Теть, ты ему скажи: если он не выйдет, Сережка завтра придет и при этой дуре Вике расскажет, откуда Паша узнал, что Славка ее лупил.

— Ну ладно, скажу ему. Только вы не наглейте! Знайте меру.

— Сволочь! Сам по три-четыре косаря в день зашибает, а нам всего по пятихатке в месяц дает! — сказал Левчик, когда Надежда Васильевна ушла.

— Ну? Что вам надо? — послышался через минуту голос Павла Ивановича.

— Невежливо ты с нами разговариваешь, Паша, — сказал Левчик.

— А что с вами церемониться? Вы мне, по большому счету, уже не нужны. Ко мне люди и без вас идут.

— А если мы расскажем, откуда твое ясновидение, тогда пойдут?

— Пойдут.

— А мы тебе скандал устроим, когда народу побольше будет! Тебе это надо?

— Ладно. Сколько вы хотите?

— По косарю.

— А не жирно? Семьсот — и ни копейкой больше. Не согласны — гуляйте! Я вас не боюсь. Вам никто не поверит.

— Черт с тобой! Пятьсот ты вчера дал, давай оставшиеся двести.

— Сейчас Надежда вынесет. Посмотрим, что вы мне в сентябре на хвосте принесете. Если дрянь какую — вычту. И запомните, вымогательство у вас не пройдет!

Видимо, стороны пришли к согласию, потому что голоса стали тише, захлопали дверцы, заработал двигатель, в окне мелькнул свет фар.

Законы Крутоярова

Утро было почти осенним: дождь, мрак. Сосед только погнал коров в стадо. Я встретил Чебачиху: семенит согбенная, вся промокла, вода бежит по щекам, капает даже с носа.

— Доброе утро, Таисия Пантелеевна! Вы откуда в такую рань?

— А?! — Она вздрогнула и подняла голову.

Тут я увидел, что на лице ее не дождь, а слезы.

— Случилось что?

— Удар у отца! Инсульт. Ночью все произошло. Встал по нужде и упал... И-и-и! Как мы без него будем?

— Не плачьте, может, снова обойдется.

— Да нет. Лежит, речь отнялась, что-то бормочет, а ничего не разобрать... Всю жизнь все для нас, для нас... И-и-и... Папочка-а-а!..

На миг мне стало завидно: будут ли мои дочери плакать по мне так же, когда я умру? Вряд ли. Теперь для многих смерть не таинство, а по-меха в очереди получения удовольствий. Надо ведь закопать усопшего, памятник купить, поставить оградку — лишние хлопоты, лишние траты. Впрочем, может, я не прав и люди не так плохи, как я думаю.

В тот день мне надо было в Озерск на предметно-методические совещания учителей. Со мной, физиком, туда ехали еще англичанка Алла Кирилловна, математичка Лидия Григорьевна, химичка Светлана Николаевна и директор Василий Трофимович — историк. Он и повез нас на своей «Волге».

После совещания в коридоре района я нос к носу столкнулся с Ольгой Олеговной. Она показалась мне еще краше, чем в день нашей первой встречи. Тусклый свет дождливого дня придавал ее прекрасным глазам за пушистыми ресницами такую теплоту и мягкость, что невозможно было отвести взгляд.

— Вот хорошо, что я вас встретила! — сказала она. — Хотела позвонить вам вечером. Как себя чувствует Пантелей... Никифорович?

Мне показалось, что она напряглась, в ее мягком, обворожительном взгляде я увидел тревожное ожидание, кажется, даже страх.

— Плохо, — ответил я, — сегодня ночью у него был инсульт. Таисия Пантелеевна сказала, что отнялась речь.

— Парализовало?

— Про это она не говорила. Но, раз речь отнялась, наверное, там и параличи тоже. В общем, как я понял, шансов нет. Не сегодня завтра умрет.

Ольга Олеговна глубоко вздохнула. Легкая улыбка на долю секунды вспыхнула на ее лице... Нет-нет, мне показалось.

— Жаль дедушку. Кажется, он для вашей соседки больше, чем отец.

— Это верно. Он их с сестрой после войны растил один. Мать умерла, когда девчонки были совсем маленькие... А от вашего сына есть известия?

— Последний звонок был десять дней назад. Алеша сказал, чтобы я за него не тревожилась, их послали на какую-то точку, и, возможно, он долго не сможет позвонить оттуда. Но разве это может меня успокоить? Знаете, такое напряжение, такое напряжение!.. Устала страшно. Только подумая: «Ведь и матери подводников с «Курска» тоже их ждали, как я Алешеньку», так сердце и оборвется. Вдруг и меня не минует эта чаша...

Глаза ее подернулись влагой.

— Не волнуйтесь, не бойтесь, ведь... Павел Иванович сказал, что ваш сын вернется живым и здоровым.

— Да-да, это моя единственная надежда.

Она улыбнулась своей прекрасной улыбкой и подала мне руку. Я пожал ее и хотел поцеловать, но постеснялся.

Машина Василия Трофимовича уже ждала меня перед подъездом администрации, а впереди нее маячила знакомая «Волга» Крутойорова.

Последний вышел одновременно со мной. Я давно его не видел и, сказав коллегам, что вернусь на рейсовом автобусе, сел к нему.

— Как дела у Надежды Акимовны? — спросил я. — Еще не приезжали на контроль?

— Сегодня утром были. Она что-то новое нашла у себя: теперь спина болит. Непонятная новая боль. Опять запаниковала: поехали да поехали к Павлу Ивановичу, не рак ли...

— И что он сказал?

— Межпозвоночная грыжа. Еще десять сеансов назначил.

— Надо же! А мне показалось, что он, кроме опущения почек да кист на яичниках, ничего не знает.

— Да и межпозвоночной грыжи нет. У нее что-то с психикой. Где только не обследовались, чего только не делали: ФГС, МРТ, скопии всякие... Везде ей говорят: у вас все в порядке, нет ничего! А она: «Чувствую Ее! Рядом со мной копошится!» Ну сам понимаешь кто — та, которая с косой.

— Так отчего бы психиатрам не показаться? Что тут зазорного?

— Мне вот дали адрес частного медицинского центра: оборудование самое современное, обследуют от и до. Направление в ЦРБ взял. Завтра поедем.

— А этот?

— Этот подождет. Черемшанова сказала, он до Нового года будет.

— Слушай, не верю я ему. Он жулик.

— Очень может быть.

— И он берет с больных людей такие деньги, часто последние!

— Мне это кажется естественным: он хочет хорошо жить. А живой живет за счет живого — первый закон не то социологии, не то политологии, я их путаю. Какая разница, с кого брать: с больного или здорового? Вообще-то, в дикой природе чаще едят больных, чем здоровых.

— Хочешь сказать, что больше нет совести, чести? Заповеди ничего не значат?

— А ты много знаешь людей, которые отказываются от больших денег из-за чести и совести? А кто у нас сейчас самый успешный? Тот, кто желает имущества ближнего своего, вола его, осла его и всякого скота его, а заповеди оставляет лохам! Помнишь, каким честным был Иван Михайлович Понукаев? Помнишь, как мы с тобой агитировали за него в девяностом году? «Иван Михайлович — борец с привилегиями! Не голосуйте за партократа Лебедева!» Лебедев как жил в Озерске в двухкомнатной квартире, так и сейчас там живет на одну пенсию. Болеет — ходит в нашу районную поликлинику. А Ивана Михайловича мы как ввели во власть, так до сих пор вывести не можем: и квартира у него в Москве, и дом на Рублевке, и по совместительству он член правления банка. Почему, спросишь? А это, брат ты мой, второй закон политологии, который гласит: «Не затем идут во власть, чтобы жить с тобой через стенку».

— Да, я много раз пожалел, что голосовал за Понукаева. Лебедев-то оказался поприличнее.

— Не жале! Проголосовал бы за Лебедева — он бы жил на Рублевке и заседал в правлении банка, а Понукаев остался бы в Озерске и был приличным человеком. В принципе, люди все одинаковые, и у всех бытие опре-

деляет сознание. Бытие изменилось — и где их коммунистическое сознание? Нету! Испарилось!.. Ладно, ну его к черту. Поехали к нам обедать. Ничего особенного не обещаю, но борщ Надежда Акимовна хорошо готовит.

— Нет, спасибо, лучше остановись у автовокзала. У меня автобус через час.

— Ну как хочешь.

На автовокзале я встретил Лыкова и с трудом узнал его. На нем был довольно хороший серый костюм и светлая рубашка, что могло значить только одно: он посещал по делу места, куда чумазыми не ходят. Я спросил его о здоровье жены.

— Да что, — ответил он, — нет больше моей Евдокии Сергеевны. Похоронил две недели назад. Вот приезжал взять свидетельство о смерти.

— Да как же? Ведь было улучшение!

— Было... Да сплыло. Не помог электросенс. Померла. Вот один остался... Чего боялся, то и случилось. Я уже видел — что-то не то. Спрашиваю: «Как себя чувствуешь?» А она: «Вроде неплохо». Но неуверенно так, будто сама себя уговаривает. Потом: «На контроль звал. Может, пораньше поехать?» — «Да что, — отвечаю, — до срока совсем немного. Потерпи уж». Однажды она говорит: «Все, дед, не помогло мне ничего. Снова все как было». А я ей: «Ну собирайся, поедem к нему, к электросенсу». — «Нет, — говорит, — буду уж умирать». Боли были такие, что криком кричала. Фелшер приходила, уколы ставила. Так с середины ночи уже не действовал укол. Двенадцатого ночью слышу, дышит как-то не так — тяжело и редко. Подошел, а она мне еле-еле: «Помираю я, Иван Сергеевич». Я растерялся, не знаю, что делать. Врача вызывать — телефона нет. Выбежал на улицу. Пока вспомнил, у кого телефон, пока достучался, пока до района дозвонились. А там отвечают: «Фелшера своего зовите, у нас бензин кончился». Прибежали с фелшером, а у нее уже глаза закатываются, у Евдокии Сергеевны. Перед смертью пришла в себя, посмотрела так и говорит: «Теперь уж ты как-нибудь один...» И померла.

Лыков долго молчал, потом вытер рукавом глаза и произнес:

— Что ж... Как-нибудь дотяну до конца. Поди, недолго осталось.

В автобусе мы сели рядом.

— Что же у нас так много горя кругом? А, Иван Сергеевич? Отчего нет ни одной счастливой семьи?

— Это ты у меня спрашиваешь, добрый человек? Откуда же мне знать? У меня семь классов. Это вы ученые. Мы-то вас от грязной работы освободили — думали, выучитесь и нас научите, как жить счастливо. А вы, похоже, и сами не знаете...

— Не знаем. Ни черта мы не знаем, — сказал я и, вспомнив рассуждения Крутоярова, добавил: — А многие не затем учились, чтобы мы были счастливы, а затем, чтобы не жить с нами через стенку.

Разоблачения

Во второе воскресенье сентября в Малиновке копали картошку. Погода была замечательная. На горизонте по всей его окружности встали колонны белых облаков, отчего небо казалось высоким и гулким, как ку-

пол в храме. Звякали ведра, звонко перекликались голоса под жарким солнцем. Уборка картошки — праздник. Она не в тягость. У нас картошка уродилась не мелкая, но и не то чтобы крупная. Дожди все-таки опоздали. Ничего, на зиму хватит.

У Черемшановых копают Вера и Володя. Надежде Васильевне со Светкой некогда. Несмотря на осеннюю страду, к Павлу Ивановичу по-прежнему едут и едут люди.

Утром Вера, едва завидев меня, сообщила:

— Петр Петрович! Вчера приезжал Славка. Привез три булки белого хлеба, килограмм яблок, большой арбуз, мне — теплую кофточку, а Володе — зимнюю куртку.

— Вот молодец Славка! — похвалила моя жена.

— Петр Петрович, у Анны Марковны завтра день рождения. Я ее завтра поздравлю. Заранее нельзя.

— Спасибо, Вера, — поблагодарила жена.

К вечеру мы выкопали больше половины огорода. Спустили в погреб картошку, помылись в бане. В дом зашли, когда было уже темно.

В комнате заливался телефон.

— Алло!

— Петр Петрович? Это Ольга Олеговна. Извините, пожалуйста. Я хочу спросить, как себя чувствует Пантелей Никифорович.

— Могу вас обрадовать. Ему, слава богу, лучше. Речь вернулась, появился аппетит. Приходит фельдшер, ставит капельницы. Будем надеяться, что старик поживет еще.

— Да-да, будем надеяться, — сказала она, как мне показалось, упавшим голосом. — Я рада. А Павел Иванович еще принимает?

— Принимает. Сегодня машин было — не протолкнуться! Люди по второму разу приезжают — на контроль. А у вас как дела?

— Мне страшно. Уже месяц нет никаких известий. Я измучилась. Недавно мне рассказали, что один наш солдат сорвал яблоко, а на ветке висела граната на растяжке. Ему оторвало руку и выбило глаза. А мой Алеша такой доверчивый! Его всегда все любили, никто не учил его подозрительности и осторожности.

Я сказал ей какие-то успокаивающие слова, в которые сам не очень-то верил и которые для нее ровным счетом ничего не значили.

Трубку я положил с тяжелым чувством. Мне вдруг стало ясно, что Ольга Олеговна вовсе не рада, что отец Таисии Пантелеевны жив и ему лучше. Напротив, она с нетерпением ждет, чтобы он умер.

Нет, не такой уж безобидный этот Павел Иванович! Не только надежду он производит. Молодая красивая женщина страстно желает смерти незнакомому старику, который ничего плохого ей не сделал! А все потому, что Загогулин напрямую связал жизнь ее сына со смертью деда Пантелея! Ну а как же? Если старик не умрет, значит, экстрасенс не умеет предсказывать, тогда и обещание счастливого возвращения Алеши, так успокоившее Ольгу Олеговну почти два месяца назад, ничего не стоит. А желать смерти ближнему своему — разве это не великий грех?..

От этих мыслей меня отвлек еще один звонок.

— Петр Петрович, это ты? — Я узнал голос Крутоярова. — Петр, у меня большая беда. Надюша умирает.

— Да ты что, Всеволод Вениаминович? Ведь неделю назад, когда вы уезжали, ничто не предвещало... — Я был ошарашен.

— Да, она была полна надежд. Я думал: скажут ей сейчас, что все в порядке, и она наконец успокоится. Я ведь, старый дурак, не верил ей. Часто говорил: «Что ты все ищешь? Смотри, и правда что-нибудь найдут!» А вчера утром она звонит из медцентра: «Приезжай за мной, меня выписали». И голос потерянный-потерянный. Спрашиваю почему — ничего не отвечает, только твердит: «Приезжай, все узнаешь». Ну я полетел — сто двадцать. В двенадцать был у нее. Сидит жалкая, головой крутит, глаза отсутствующие. Дали мне заключение, а там во всех органах: печень — ЗНО, почки — ЗНО... Злокачественные новообразования то есть. В общем, врачи мне сказали, что у нее рак поджелудочной железы и от него уже пошли метастазы во все органы.

— Как же так? Ведь ее столько раз обследовали!

— Я им то же самое сказал: прошли, мол, и эту поганую скопию, и ФГС, и МРТ сколько раз ее просвечивали. Последний раз в апреле нас обследовали. А они отвечают: мол, рак поджелудочной — самый коварный. В девяноста случаях его находят, когда уже поздно, когда четвертая стадия. Я говорю: «Так что ж вы его в первую очередь не ищите?» — «Ищем, — говорят. — Но вы-то к нам только сейчас обратились».

— И что делать? Может, все же есть надежда? Что только не лечат сейчас...

— Они твердо сказали, что бесполезно. Месяц протянет, самое большее — два... Вот так-то. Сколько раз она мне говорила: «Чувствую Ее. Возится рядом». А я отмахивался: «Она и под меня подкапывается: каждый день что-то болит. В нашем возрасте так и полагается». Хотел ее психиатру показать! Эх я, болван!.. Но знаешь, на кого у меня сейчас зуб вырос? На твоего соседа — жулика, пачкуна проклятого. Он ведь тоже ей заливал: почка опущена, межпозвоночная грыжа... Сволочь! Но я его выведу на чистую воду! Попомнит он меня!

Прошло еще две недели. Сентябрь подходил к концу.

Однажды мы с женой проснулись от страшного грохота за стеной. Я вскочил как ошпаренный, подумав, что у соседней рухнул потолок или может быть, упал шкаф. Включил свет и взглянул на часы: была половина двенадцатого. Из-за стены доносился шум, стук, крики, женский визг.

— Что-то страшное там! — всполошилась жена. — Убивают их, что ли?!

— Пойду посмотрю.

— Не смей! Это их проблемы. Не суйся, а то и тебя прибьют!

— Я издаleка. Крикну, что вызываю милицию. — С этими словами я выскочил на улицу и перемахнул через ограду.

Шел мелкий дождь. Окна черемшановского дома были освещены. Внезапно входная дверь с грохотом распахнулась — и клубок рычащих и матерящихся тел скатился с крыльца. Я едва успел отскочить, пропуская его.

У меня под ногами в свете, льющемся из окна, вырисовалось скуластое лицо Павла Ивановича. Он успел перевернуться с живота на спину и выбросить ноги навстречу худощавому существу — и оно отлетело от тапок сорок пятого размера обратно к крыльцу и село на нижнюю ступеньку. Растянувшийся рядом с Павлом Ивановичем человек, в котором

я узнал Левчика, с размаху хрястнул экстрасенса по лицу, что вызвало звериное рычание и сильнейшую ярость, подбросившую того на ноги. Павел Иванович успел несколько раз пнуть лежащего Левчика, но существо на крыльчке очухалось и схватило целителя за воротник рубахи. Левчик поднялся и за грудки рванул Павла Ивановича на себя. Нос Загогулина встретился с крепким лбом Левчика. Маг потерял ориентацию, и друзья с двух сторон стали терзать его рубаху. Через секунду он стоял по пояс голый, в электрическом свете на его теле блестели капельки дождя.

— Левчик, сволочь, — надрывалась Надежда Васильевна, — что ты делаешь! Отпустите его, гады! Сережка, подонок, я милицию вызову!

Светка кошкой метнулась на помощь шефу и впилась маникюренными ногтями в морду существу, оказавшемуся Сережкой Коробкиным. Павел Иванович воспользовался этим и один на один успешно разделался с Левчиком, свалив его ударом в челюсть.

— Ладно, мошенник! Завтра мы всем раскроем твои трюки, попомнишь нас! — прорычал, поднимаясь, Левчик. — И ты, тетя, пожалеешь!

— Давайте-давайте, вымогатели, идите, рассказывайте! — сказала Надежда Васильевна, подбирая куски загогулинской рубахи. — Рубите сук, на котором сидите!

Левчик и Коробкин не вняли голосу рассудка и все же срубили завтра сук, на котором сидели. Как они это сделали, я не видел, потому что был на работе, но из рассказов свидетелей сложил, как пазлы, следующую картину.

Павел Иванович после ночной потасовки имел вид противный высокому званию экстрасенса и поэтому надел большие черные очки, за которым прятались свинцовые фингалы под обоими глазами. Надежда Васильевна терпеливо объясняла приезжающим, что ему приходится иметь дело со многими людьми, среди которых есть и обладатели злой темной энергии, которая сильно угнетает его светлую целебную. И для защиты от плохой энергии Павел Иванович иногда надевает черные очки.

Если уж народ принял за чистую монету подзарядку от грозы, было бы глупо надеяться, что он не поверит в фильтрацию энергии через дешевые стекла.

Итак, Павел Иванович, видимо понадеявшись, что Левчик и Сережа Коробкин, проспавшись, включат ум и не откажутся добровольно от ежемесячного дохода в семьсот рублей практически ни за что, спокойно принимал больных, как вдруг оба они явились: один с поцарапанной мордой, другой — шепелявя из-за выбитого зуба. Так уж совпало, что приема как раз дожидалась Вика Белова, успешно передавая свой психоз окружающим.

— Дуры! — заорал Левчик во все горло. — Какой он ясновидящий?! Он жулик! У него срок имеется за мошенничество! И опять за старое взялся, потому что он только это и умеет. Он на вас, идиотках, столько заработал, что вам и не снилось! Вы сюда последние копейки несете, а ему трехэтажный дом построен с собственной котельной, с бассейном, стены мрамором отделаны! У него здесь «тойота», а там в гараже — новый «мерседес»! Он на вашей глупости по пять тысяч в день зарабатывает. Мы на него целый год ищали, и за весь год попросили всего-то пять тысяч, так он нас вчера избил!

— Убирайся отсюда, болван! За что вам пять тысяч? Он вам и так...
 — Тут Надежда Васильевна прикусила язык, но многие все равно поняли, что Павел Иванович за что-то платит этим негодьям, и нетрудно догадаться за что.

— Таких, как Павел Иванович, на весь мир несколько человек! И правильно, что он много зарабатывает! — застрекотала Вика. — Он великий человек. Святой! Ясновидящий!

— Ха-ха! Ну-ка, Сережка, расскажи ей, какой он ясновидящий, как он ее, дуру, через астрал увидел!

— Ты с кем домой пришла в тот день, когда тебя Славка отлупил? — спросил у Вики Коробкин.

— С кем, с кем... С Оксанкой.

— А еще с кем?

— С Наташкой. С твоей сестрой.

— Вот Наташка мне и рассказала, что там было. Я позвонил Левчику, Левчик сказал тете Наде, а она — Павлу Ивановичу. А он тебе, дуру, лапшу навешал, что увидел это все через какой-то астрал серебряный! Ха-ха!

— Бреешь! Не может быть! Ты всегда врешь, я тебе не верю, и ничего тебе Наташка не говорила. Ты выдумал.

— А хочешь, я расскажу, о чем вы еще с Наташкой говорили перед тем, как Славка тебя отдубасил? Рассказать?

— Не надо... — Вика явно смутилась.

— А! И ты здесь, Анфиса Ефимовна! — взял слово Левчик, отыскав глазами пожилую жительницу Кольцовки. — Экстрасенс увидел, как ты траву таскаешь? А что ты мимо Сашки Андреева, соседа своего, свой мешок протащила и придавила его в калитке, этого ты не заметила? Еще спросила: «Чего ты, Сашка, по моему двору без спроса шастаешь?» А он ответил: «Да хотел у тебя десятку до полочки занять, а тебя нет». Сашка мне это все подробно описал, а я передал экстрасенсу. Вот и все чудо!

— И правда, было такое! Да откуда ж мне было знать, что Сашка шпион? Думала, просто алкаш... Ой, что делается! А мы-то уши развешили!

— Ай-яй-яй! Да неужто правда? Ой, батюшки! Да ведь он же, Павел Иванович, мне все мои тайны рассказывал! А я удивлялась, откуда он знает. А ему, выходит, Наташка передавала через этого... Я с ней, как с родной сестрой, делилась! Люди! Кому же верить? Ой, какие сволочи кругом! — Вика зарыдала. — Пойду морду ему набью! — Никто не успел опомниться, как она ринулась в комнату, где принимал Павел Иванович.

Вернувшись, Вика с удовольствием сообщила, что дала ему по физиономии, так что с него слетели очки, и обнаружила, что под ними светят два фингала.

— Вот тебе и фильтры от злой энергии! — сказал кто-то.

— Да это мы ему вчера подвесили! — радостно доложил Левчик.

— Ну что, поехали домой? — спросила мужа Анфиса Ефимовна.

— И меня с собой возьмите, — попросила Вика.

— А мне он помог! — заявила другая женщина из Кольцовки. —

Я ему верю.

Поспешный отъезд

В октябре первая неделя была дождливой, а потом пришло бабье лето. У Загогулина посетителей с каждым днем становилось все меньше. Может, их поток иссушила осень, а может — слухи о жульничестве Павла Ивановича, стремительно растекавшиеся по району. Вика, ранее заражавшая окружающих своим восторгом перед чудесами, производимыми экстрасенсом, сейчас так же щедро разливала вокруг себя неверие и возмущение его фокусами.

Поляна перед нашим домом, с желто-красным ковром опавшей листвы, уже не была сплошь заставлена транспортными средствами. Чаще всего на ней стояли две-три машины, и страждущим не требовалось сидеть на крыльчке или на уличных скамейках: все помещались в сених, рядом с важной секретаршей Светкой.

Часто я видел, как Павел Иванович, скучая, ходил по двору и курил. Иногда он подходил к своей «тойоте», недвижно простоявшей все лето в дальнем углу черемшановского двора, и долго смотрел на нее, о чем-то думая.

Директор школы Василий Трофимович побывал у Крутояровых. Надежда Акимовна была очень плоха и уже не вставала. Василия Трофимовича она узнала, но только слабо моргнула глазами. Директор предлагал и мне поехать с ним, но я отказался, подумав, что вряд ли Надежде Акимовне будет приятно, что ее видят в таком состоянии. Может, я был не прав.

Однажды в полдень, когда низкое уже солнце ярко заливало комнату, а за окном носились собиравшиеся в дальнюю дорогу ласточки, нам позвонили. Я подумал, что это Ольга Олеговна, и не ошибся. Вопрос, конечно, был о здоровье отца Таисии Пантелеевны, которая как раз во дворе напротив, упираясь тонкими ножками, подавала вилами на длинном черенке только что привезенное фермерами сено. Иван Иванович, с торчащим, словно поднятым ветром, чубом, укладывал его, стоя на вершухе стога.

— Да как вам сказать, — ответил я на вопрос Ольги Олеговны. — Иногда лучше, иногда хуже. На днях было совсем плохо, но ему опять стали ставить капельницы. После этого немного полегчало.

— Ну скажите, зачем, зачем они это делают?!

— Что делают? — не понял я.

— Зачем они мучают его этими капельницами? Ведь ясно, что человек угасает, зачем продлевать его страдания? Уж дали бы старику спокойно умереть! Не понимаю, почему люди так жестоки! — Мне показалось, что она заплакала.

— Ольга Олеговна, вы хотели бы, чтобы он умер?

На том конце провода наступило молчание. И тут же последовал взрыв:

— Да, да! Я хочу, чтобы он умер как можно скорее! Больше двух месяцев нет известий о моем сыне! Как вы думаете, чья жизнь важнее: молодого талантливого парня или восьмидесятисемилетнего старика, которому давно пора умереть, который всем в тягость?

— Ольга Олеговна, но какая связь между смертью Пантелея Никифоровича и жизнью вашего Алеша?

— Вы же сами успокаивали меня: мол, раз Павел Иванович сказал, что Алеша вернется живым и здоровым, то так и будет. А он еще предсказал, что до октября умрет дедушка Пантелей... Как же нет связи?

— Но нормально желать, чтобы и Алеша вернулся, и дедушка жил.

— Это потому, что Алеша не ваш сын! А мне нормально, чтобы сбылось предсказание Павла Ивановича! — Это было сказано с вызовом и ужасной злобой, после чего сразу раздалась короткая гудка.

Пантелей Никифорович скончался двадцать девятого октября. Я хотел позвонить Ольге Олеговне, чтобы успокоить ее — одно предсказание сбылось, и даже начал набирать номер.

— Хочешь обрадовать, что старик умер? — спросила жена.

И я не стал звонить.

А второго ноября умерла Надежда Акимовна Крутоярова. Я хорошо относился и к ней, и к Всеволоду Вениаминовичу — хотя бы потому, что они остались «жить с нами через стенку».

Мы с женой поехали в Озерск на похороны. Первый снег забелил вынутую из могилы глину и падал на гроб. Работники администрации и управления сельского хозяйства говорили подобающие скорбному случаю слова.

С кладбища отправились в ресторан на поминки. Там Всеволод Вениаминович, выпив чуть лишнего, расплакался и якобы сказал, что написал заявление в прокуратуру с просьбой возбудить уголовное дело против Павла Ивановича по статье «Мошенничество». Я сам такого не слышал — может, правда, может, нет, — но кто-то передал эти слова Надежде Васильевне.

И вот седьмого ноября, в то время еще выходной день, в поздних утренних сумерках мы увидели, как Павел Иванович выгоняет со двора свою застоявшуюся «тойоту», а Надежда Васильевна со Светкой торопливо выносят из дома и толкают в багажник и на заднее сиденье мешки, сумки, коробки. Хлопают дверцы. Павел Иванович подает руку Надежде Васильевне:

— Спасибо за все!

— Что вы, это вам спасибо!

Экстрасенс садится за руль. Рядом с ним на переднем сиденье устраивается Светка:

— До свидания, мама!

— До свидания! Приезжайте скорее в гости!

«Тойота» трогается. Надежда Васильевна бежит за ней и истово крестит ее вслед.

И полетел на птице-«тойоте» экстрасенс Павел Иванович, а с ним моя соседка Светлана, чтобы жить, по мечте ее матери, среди людей, а не быдла.

Нам еще долго звонили и спрашивали, работает ли экстрасенс. Последний такой звонок раздался аж в декабре:

— Скажите, пожалуйста, Павел Иванович завтра принимает?

— Нет, не принимает.

— А когда будет принимать?

— Он уехал.

— Но ведь он вернется?

— Нет, он уехал навсегда.

— Как же так? Врачи предлагали мне сделать операцию по удалению миомы, но Павел Иванович сказал, что нет ничего страшного, он ее вылечит. Я поверила. Поначалу мне и правда стало лучше. Но вчера я была в больнице, и выяснилось, что опухоль не исчезла, а стала вдвое больше! Как же мне быть?

— Не знаю. Наверное, надо лечиться у врачей.

На том конце заплакали. Я положил трубку.

Двадцать лет спустя

С тех пор прошло двадцать лет. Нет уже Лыкова, Веры и Володи Волковых, старого Мелеха. Давно умер Крутойров. Ушли из жизни и мои соседи Чебаки. Окна их дома заколочены. Артемка Мелех не стал ни солдатом, ни «политикантом», он живет в Озерске, летом вставляет пластиковые окна, зимой принимает от населения «пухо-перьевое сырье», как гласит его реклама в районной газете.

А Павел Иванович все еще занимается целительством и предсказанием судеб. Он каждый год меняет районы, стараясь держаться подальше от тех, в которых его помнят. Не раз был он бит в нашей и сопредельных областях, но бизнес его, судя по всему, процветает. Зимой Павел Иванович проводит с молодыми секретаршами в Таиланде: то с одной, то с другой, — и редко появляется в своем особняке под Городом. Впрочем, последний раз мы слышали о нем довольно давно — года три назад.

Его предсказания насчет Алеси Кирьякова полностью сбылись. В феврале две тысячи первого года парень вернулся из Чечни живым и здоровым, женился на Насте и сейчас уже полковник. У него двое детей: мальчик и девочка. Живут они в Городе. Туда же уехала его красавица мать. Случайно я узнал, что Ольга Олеговна вышла замуж и живет счастливо.

Мы с женой уже пенсионеры и, как некогда Надежда Акимовна, все чаще чувствуем, как *Она* возится рядом, ищет к нам подходы.

Малиновка хиреет и пустеет. Бывшего Малиновского совхоза уже нет. На нашей улице, где в моем солнечном детстве то в одном, то в другом дворе ярко вспыхивали звонкие и протяжные русские и украинские песни, по которой в юности мы с Надькой Черемшановой бегали в клуб на танцы, сейчас за целый день не увидишь ни одного человека. Не из-за коронавируса — это длится уже много лет.

Чудесный, небывало теплый май нынешнего года с цветущими яблонями, черемухой и вишней, с радостным щебетанием птиц не в силах перебить ощущение призрачности нашего существования.

Сегодня жарко и как-то особенно тревожно: эпидемия уже в Городе и там умирают люди.

После пяти часов, когда зной немного спал, нас с женой зовет Надежда Васильевна. Ей, как и нам, немного за шестьдесят, но она совер-

шенная старушка: седая, оплывшая, с одышкой, переваливающаяся с ноги на ногу.

Мы втроем спускаем со ступенек высокого черемшановского крыльца инвалидную коляску. В ней сидит тридцативосьмилетняя женщина. Лицо у нее бледное после зимнего пребывания в четырех стенах, щеки впали, под глазами темные круги. Она коротко и неумело подстрижена, на ней простое летнее платье в черно-белую полоску, из-под которого опускаются на подножку длинные высохшие ноги с неестественно большими коленками. На ногах носки из серой шерсти. В ней трудно узнать «важную секретаршу» Светку — дочь Надежды Васильевны.

Через два года после отъезда из Малиновки они с Павлом Ивановичем попали в автомобильную аварию. Их «мерседес» подрезал какой-то лихач на огромном черном джипе. Машина упала с обрыва и несколько раз перевернулась. Павел Иванович отделался порезами и синяками, а у Светки оказался сломан позвоночник. Она уверена, что это была месть серьезного господина, приезжавшего в Малиновку на зеленой «ауди» вместе с соискательницей его сердца и состояния, которому Павел Иванович предсказал не только счастливую семейную жизнь, но и успех очень рискованного предприятия, на которое тот хотел пуститься. Этой ужасной монетой господин заплатил Павлу Ивановичу за оба фальшивых предсказания.

Мы вывозим Светку за калитку, везем по светлой полосе асфальта сначала по нашей улице, потом выезжаем за село. Чуть размытые колонны облаков держат бесконечно высокий купол неба.

На городской трассе жужжат и воют легковые и грузовые автомобили. Не пройдя и половины пути, мы видим, как, сверкая на солнце огромными стеклами, подходит городской автобус, сбавляет скорость и останавливается на перекрестке.

Постояв минуту, он медленно трогается. Трассу переходит стройная восемнадцатилетняя девушка в белом платье. Увидев нас, раскидывает руки. Идет, идет... Все быстрее, быстрее... Бежит навстречу. Ветер развеивает роскошные белые волосы. Девушка с разбега обнимает и целует Светку. Юное прекрасное лицо, синие, как небо, глаза. Это Юля — Светкина дочь, студентка-первокурсница, — праправнучка старого большевика, красного партизана, заживо закопанного в землю колчаковцами, правнучка героя-танкиста и совхозного парторга, внука школьной учительницы, дочь Павла Ивановича Загогулина — профессионального мошенника.

Назад она везет Светку сама. Мы, старики, идем следом. Я смотрю на Юлечку, на ее тонкий стан, легкую походку, чудесные волосы, и чувствую, как «смирятся души моей тревога». Впервые за многие годы моя душа наполняется радостью, и, не зная почему, к месту или не к месту я восторженно твержу:

Мы погибаем, не умирая,
Дух обнажаем до дна.
Дивное диво — горит, не сгорая,
Неопалимая Купина!

Галина ПОГОЖЕВА

МУЧЕНИК ВЕКА

* * *

Александрю Радашкевичу

Век прожив, мы выиграла в игре
И уже не двинемся с рубежа.
Мы стоим, как всадники на Угре.
Но тогда скажи, что ж болит душа?

За рекою бесятся огоньки...
Мы уже не ринемся напролом.
Мы неспешно спешимся — из реки
Зачерпнуть воды в золотой шелом.

К нам грядет апрельское торжество,
Синих птиц рассветный переполох,
Шумный голос ветра, но и его
Перекроет глас: «Да воскреснет Бог!»

Да воскреснет Бог, и Его дары
Изольются щедро! Их ждет земля,
Где летит человечество в тартарары
Под свое беспечное тру-ля-ля.

30.04.2020

* * *

В сумерки тихо дохни на стекло,
Мученик века.
Господи, сколько в саду нанесло
Первого снега!

Стынущий вечер, глотнув чистоты,
 Спит, голубея.
 Может быть, ты в нем оставишь следы?
 — Я не умею...
 Что ты умеешь, печальный пастух
 Собственных тягот?
 Тонет закат, задрожал и потух,
 Тени не лягут.
 Помнишь ли дни, когда были нежны?
 То-то, что нету...
 На поле ляжет печать тишины
 С подписью ветра.
 Господи, сколько во мне нанесло
 Первого снега...

* * *

Вам кажется, что нет
 Его, а мне известно,
 Что он несет ответ
 За нас, и, если честно,

В краю снегов и льдин,
 В свои права вступивших,
 Остался он один
 Из всех, меня любивших.

И если он летит
 Со смертью неминучей —
 Как будто ангел мстит! —
 Он делает как лучше,

Как надо. И тогда,
 Когда придет свобода,
 Я знаю, что звезда
 Засветится у входа,

Где я и ангел мой
 Сойдем во мрак подвальный,
 Подняв над головой
 Свой факел погребальный.

* * *

Запуталась нитка земного шитья.
Закончилась пытка больного житья.

Не бойся: проводит и встретит семья.
И к острову мертвых подходит ладья.

И ты пошатнешься на том берегу,
И не помогу тебе... Все, что могу —

Пронзительно, горько смотреть тебе вслед,
Столь длительно, сколько останется лет.

* * *

На ветвях обвисшие кружева.
На часах последние времена.
Ты меня простишь, что я все жива,
Что с утра милосердно в стакан окна

Мне пока наливается молоко.
Помнишь, мы на море кормили птах.
Ты не верил мне: умереть легко.
Но теперь ты знаешь, что это так.

Как же дорог миг, как недолог век...
Мы любили снег, и еще цветы.
И теперь я розы вонзаю в снег,
Под которым ты. Под которым ты.

* * *

Спокойно выходим в поля, отобедав,
А прямо над нами, как память земли,
Летят журавли предвоенных поэтов,
Военных поэтов летят журавли.
А память ведет потайными тропами,
На дальней судьбе туговат узелок,
И целится метко в летящую память
Осеннее время — спокойный стрелок.

* * *

Господи, вот я, художник от слова «худо»,
Видишь, они ушли, а я все живая.
Та же, что прежде, все дожидаясь чуда,
Все еще веря, все еще уповая...

Вспять повернувши, бежавшие без оглядки
В двери скребутся — веришь, мы все похожей.
Блудного сына эти босые пятки
С грубой, сухой, кровоточащей кожей...

Ангелы пролетают над перелеском.
Слышны щенячьи, щемящие всхлипы горна.
Что ж, предавайся этим последним всплескам,
Этим объятьям, туго сдавившим горло,

Се, возвратившись к милому пепелищу,
Ноги поджав на старом своем диване,
Я отрешенно папины ружья чищу
В мамином крепдешиновом сарафане.

* * *

В повсеместном конце эпох
на отвесном краю земли
я надеюсь, что видит Бог,
что мы сделали что могли.

И скорее уж да, чем нет,
раз послал драгоценный крест
и дожить дал до этих лет
и добраться до этих мест,

где деревня, поля и лес,
где тропинка бежит к реке,
где прадедушкин храм воскрес —
восьмерик на четверике.

Татьяна АНДРЕЕВА

МАРШРУТЫ НАШЕГО ДЕТСТВА

П о в е с т ь

*Мы не знаем — что будет завтра,
Пусть оно просто будет...
И пусть в нем будут все те, кто нам дорог.*

Неизвестный автор

Еще не проснувшееся серое небо, потягиваясь, размазывало тучи по горизонту. Ветер гонял по улице неубранный мусор, автомобили лихо проскакивали мимо, радуясь отсутствию дорожных пробок. Несколько человек в ожидании автобуса топтались на остановке, втянув головы в плечи, ежась от прохлады, порядком надоевшей, не дающей возможности почувствовать, что уже давно наступило лето.

Я тоже стояла, не испытывая радости от предстоящего дня, подергивая плечами, стряхивая еще не отступивший до конца сон. Утро было похоже на вереницу предыдущих, и день был обычный, вторник.

На кольце неуклюже разворачивался автобус.

Где его взяли? Откуда выкопали? Старые у нас автобусы, но такие-то еще в начале шестидесятых ездили, а то и раньше. Такие остались только на пленках кинохроник про звонкое пионерское лето, которое начиналось с того, что обычный городской автобус наполнялся мальчишками и девочками в белых рубашках с красными галстуками. Головы их торчали из окон, открывавшихся тогда сверху вниз, руки делали какие-то знаки провожающим, а внутри уже все дрожало от предвкушения запахов леса, костра, реки, от предстоящих новых знакомств и некоторой самостоятельности — ведь родители оставались в городе...

Автобус развернулся, и я увидела за стеклом цифру девять. Откуда он здесь, этот маршрут из моего детства, который соединял поселок, где я жила, с городом? Первые самостоятельные поездки в центр я делала именно на «девятке», которая от бабушки довозила меня до рынка, где я пересаживалась на другой автобус и ехала к маме.

Как давно я не была в том поселке, где на узких, не знающих об асфальте улочках я открывала для себя мир, училась понимать происходящее, набиралась первого житейского опыта, связанного с разочарованием, обманом, болью в разбитых коленках и не только! Здесь же я ощутила

и вкус жизни — с ее радостями, от которых заходится сердце и где-то в животе порхают бабочки. Здесь любовалась немислимой красотой парящих голубей и слушала первые захватывающие дух истории о настоящей, преданной любви, ради которой и умереть не страшно...

Автобус подъехал к остановке и открыл двери, но никто не проявил к нему интереса, все остались стоять на своих местах, а из дверей автобуса выглянул мальчишка лет тринадцати, странно и легко, не по погоде, одетый. Что-то знакомое было в его лице... И вдруг я поняла: он же похож на моего дядю! Да, так он выглядел в конце пятидесятых, Женька! Вокруг все оставалось как прежде, только меня словно водой облили — сон и вялость улетучились мгновенно: я схожу с ума. Зажмурившись, я тряхнула головой и снова открыла глаза. Женька по-прежнему стоял на ступеньке автобуса и улыбался, приглашая меня войти... Мой любимый дядя — всего на шесть лет старше меня, а потому росли мы вместе, и, подрастая, я гонялась за ним, мешая ему ощутить важную для мальчишек свободу по-настоящему. С ним всегда было интересно: его изобретательный ум все время вовлекал его и окружающих в какие-нибудь приключения, свидетелем которых невольно становилась и я. Он вечно что-нибудь мастерил, выпиливал, клеил. Его любимыми игрушками были конструкторы, моторчики, батарейки, магниты и масса других деталей, предназначение которых мне было непонятно, но вид привлекал, а ощущать их присутствие в своем кармане было счастьем.

Я шла на знакомую улыбку. Окружающие словно ничего не замечали. Женька исчез в салоне автобуса, двери которого тут же закрылись, как только я шагнула на ступеньку. Я ждала, не понимая, что происходит. «Я же опоздаю на работу!» — вертелось в голове, а автобус уже медленно ехал по улице, оставив позади остановку. Посмотрев в окно, я увидела, что позади осталась не только остановка, но и сегодняшний день.

— Теха, я так боялся, что ты меня не дождешься, — лучезарно улыбаясь, произнес Женька.

— Ты о чем? — спросила я, испытывая неловкость от перестановки возраста, ведь я была намного старше, чем мой дядя из пятидесятых. Настоящий — взрослый, уже седой и больной, был далеко отсюда, в другом городе, а мальчик, еще не ведающий, как сложится его судьба, тревожился обо мне, годившейся благодаря перевертышу с возрастом ему в тети.

— Конструктор в универмаге отложили всего на час. Надо было доехать до Северного, взять деньги и — обратно. Ты — маленькая, быстро бежать не можешь, вот я и решил: туда-сюда один быстрее обернусь, а тебе наказал, чтобы стояла возле универмага и ждала меня...

Курган, ул. 8 Марта, 1950-е годы

Утро начиналось с того, что, еще не открыв глаза, но уже проснувшись, я слушала воркование голубей. Дедушка всю жизнь держал голубей. Статус голубятника имел в то время двойственное значение. Голубятник умеет отличить парящего высоко в небе чужого голубя от своего, может устроить поистине удивительное зрелище, подняв голубиную стаю

в небо. Голубятник знает повадки голубей и может приманить в свою стаю чужого, чтобы потом, сойдясь с хозяином для переговоров, выставить условия выкупа ценной птицы. Голубятник — это человек, посещающий по выходным птичий рынок в поисках породистого голубя, чьей красотой можно любоваться.

С другой стороны, голубятник — порой уже пожилой мужчина, бегающий по улице с удилицем, свистящий, улюлюкающий, лихо взбирающийся по лестнице на голубятню, — вызывал ироничное отношение окружающих. Надо сказать, что самих голубятников мнение о них посторонних людей не волновало. Возможно, были какие-то упреки и непонимание со стороны их жен, но это было дело семейное и на любовь к красивой птице в итоге не влияло.

Наслушавшись воркования, я открыла глаза и тут же их зажмурила от ярко брызнувшего солнечного света. В доме было тихо, значит, бабушка во дворе или в огороде. Натянув сарафанчик, шлепая босыми ногами по деревянному полу, я вышла на улицу, где снова зажмурилась от обилия солнца, тепла и голубизны неба. Валет, наш замечательный пес, лежал в будке, свесив морду на улицу, и благостно щурился.

— Вале-е-етушка, жарко тебе? Хочешь на Трешку купаться? Попросим Женю, чтобы он нас взял? — Я гладила собачью морду и испытывала сочувствие к Валету, вынужденному в жаркий летний день носить такую теплую, густую шерсть. Зимой-то в ней, конечно, хорошо — и тепло, и весело, особенно когда кто-то из старших запряжет пса в салазки и он бежит, обдавая тебя снегом из-под задних лап, пока где-нибудь на кочке санки не переворачиваются... Ты летишь в сугроб, а пес продолжает бежать и тянуть за собой перевернутые санки.

По двору гуляли куры. Только сейчас я услышала их кудактанье и, забыв про Валета, подскочила, оглядываясь по сторонам в поисках петуха. Ехидный, злобный и задиристый, он налетал на меня каждый раз, как только я упускала его из виду.

Проходя через двор, я прихватывала для обороны какой-нибудь предмет, который оставляла у калитки, а обратно чаще всего возвращалась, перелезая через забор палисадника. Таким образом у калитки собиралась гора из «оборонительных» предметов, вызывавшая у взрослой части нашего дома некоторое недоумение... Петуха не было видно, зато у калитки кто-то маячил.

— Мы на ручеек, половики стирать! Пошли с нами! — Это соседские девчонки, сестры Стригины.

— А можно?

— Мам, можно Таня Ульянова с нами пойдет?

— Пусть у бабушки отпросится.

Я бегу к бабушке с мольбой в глазах:

— Можно на ручеек с тетей Оней?

И все понимающая бабушка собирает мне узелок — носовые платочки и пару кухонных полотенец, кусочек мыла, чтобы я не мешала никому, а тоже занималась делом.

— Долго в воде не стой, — наказывает бабушка, — простынешь.

Но я ее уже не слышу: ведь пойти на ручеек — это значит уйти так далеко, что дома твоего уже не видно. Там растут камыши, а из небольшого туннеля, проложенного под насыпью железной дороги, течет прозрачная холодная вода. Ручеек был всего-то метра три шириной, мелкий — курице по колено, но прохлада, которая от него исходила, радовала, а потому там всегда плескались дети, а женщины приходили туда стирать белье. Моя бабушка белье стирала дома, а потому выбраться на ручеек я могла только с кем-то из соседей, и это было счастьем. Я никогда не была по другую сторону насыпи, понятия не имела — откуда течет этот ручеек без названия, где берет начало, да и не важно было это для меня в ту пору. Главное, что он был, и к нему тянуло, особенно в летние жаркие дни...

Валет остается в будке, а я иду к воде.

Я расстилаю носовой платок, намыливаю и тру своими детскими руками, но... на тонком шифоновом платочке появляются дырки. Меня охватывает невыразимая досада — такой красивый, в цветочках, платочек теперь весь в мелких дырках, но почему? Это для меня остается загадкой. Сколько раз в моей жизни результат оказывался совсем не таким, какого я ожидала...

На улице оживление — мальчишки запускают змея. Так вот над чем возился Женья возле дедушкиного верстака — он мастерил воздушного змея! Все провода на нашей и соседних улицах увешаны мочальными хвостами, но чудо, когда что-то непонятно почему взлетает, заставляет снова и снова мастерить бумажных змеев из тонких реек и газет. Из кальки, конечно, лучше, но где ж ее взять?

Чтобы запустить змея, нужно два человека. Один держит катушку ниток, к которой привязан змей, чтобы можно было управлять им. Второй, бережно держа над головой змея, должен разбежаться, чтобы поймать поток воздуха — его надо почувствовать, и тогда можно отпускать змея, он уже сам взмоет в высоту, натянув нитку.

Но пока змей в руках, а вся процессия важно шествует по улице, обсуждая «технические качества» хвоста, форму, легкость реек. Вот выбрано место старта. Повертев головой, Женья определил, откуда ветер и в какую сторону нужно разбежаться.

— Колян, только не споткнись, беги ровно, — дает предстартовые наставления Женья, а Колька (мой двоюродный брат) в ответ советует нитки не запутать.

— Без тебя знаю, — огрызается Женья. — Приготовились, на старт, марш!

Колька начинает разбег. Бежать неудобно — руки подняты вверх и держат змея над головой, но он старается изо всех сил, и вот поток воздуха вырывает из его рук змея, который тут же выдергивает из рук Жени нитку. Змей, обретя свободу, взмывает в облака! Раздается дружный крик радости — он летит! И я задираю голову, следя за ярким хвостом...

Детство — это нежно-голубой купол неба, который накрыл улицы вместе с домами и палисадниками, и края его соприкасаются с землей где-

то за чужими огородами, на чужих улицах. А надо мной — самая высокая точка этого купола, и, чтобы ее увидеть, нужно запрокинуть голову до боли в позвонках или просто лечь на землю. Купол прозрачный, сквозь него льются лучи солнца, которые греют, жгут, ослепляют так, что змей становится невидимым, а в глазах появляются темные пятна.

Вся ватага мальчишек уже далеко от меня о чем-то жарко спорит — я, как всегда, не успела за ними. Я смотрю в небо, пытаюсь разыскать змея, его длинный с разноцветными ленточками хвост, но в небе пусто, а хвост безжизненно повис на телеграфном столбе, возле которого и собрались мальчишки... Испытывая почти физические страдания из-за такой короткой жизни этого нехитрого летательного аппарата, я плетусь к ним. Меня, конечно, никто не будет слушать — про то, как красиво извивался змей, набирая высоту, каким необыкновенным шлейфом вился за ним хвост...

— Хвост у него был тяжелый, — слышу я чей-то задиристый голос.

— Никакой не тяжелый, — встаю я на защиту, — он красивый, просто столбы высокие мешают...

— Я говорил, на стрельбище надо идти, а то столько труда — и все напрасно...

Я была категорически не согласна, что все напрасно. Змей взлетел, причем очень красиво, все успели расплескаться восторженными и радостными возгласами, а если закрыть глаза, все это снова можно представить... Нет, не напрасно, даже то, что этот хвост теперь будет висеть на столбе, — тоже здорово: он будет напоминать об этих счастливых минутах.

— Пошли на Трешку, искупнемся.

Трешка, или Треугольник, — небольшое озерко где-то между многочисленными железнодорожными путями депо. Мальчишки бегали туда без спроса, а я не могла без спроса, да и не просилась — не отпустят. Если я жаловалась на жару, бабушка наливала для меня воды в ванну, привязывала на голову большой белый бант или надевала панамку, чтобы не напекло голову, и я сидела в ванне, как в речке. Рядом два развесистых клена, а между ними — гамак, который пустовал до тех пор, пока нас, детей, не собиралось больше трех. Тогда сразу всем хотелось залезть в гамак, и начиналась возня — кто первый. Кого-то выдавливали, гамак переворачивался, все сыпались на землю...

— Жень, возьми Валета с собой, — прошу я без надежды, что купаться возьмут меня...

Спустя многие годы мы с Женей вспоминали случай с покупкой конструктора, и ответа на вопрос, почему он меня оставил тогда у магазина, не находили.

Я помнила этот страх... Страх, что тебя забыли, занялись чем-то своим, более важным, чем ты. Я маленькая, лет пяти, стояла возле большой витрины недавно построенного универмага, и мир казался космосом, а все пути к дому отрезаны, и где он, мой дом, неизвестно. Мой маленький для взрослых и вполне просторный для детей дом, в котором шуршит примус, мерцающая синим пламенем, а бабушка жарит пирожки. Где он, дом,

в котором уютно и по вечерам собирается за столом большая, шумная семья, и все тебя любят?.. Где он? Неизвестно... Он вдруг отдалился — и, может быть, пока ты здесь стоишь, уже исчез? Теплый летний день вдруг перестал радовать. Несмотря на то, что вокруг были люди, я была одинокой и никому не нужной. До меня никому не было дела, пока я не заплакала — сначала тихо, а потом горько, отчаянно, отрешенно, не веря в то, что про меня вспомнят те, кого я так люблю. А вдруг они вообще забыли о том, что я есть!..

Я не знаю, сколько времени прошло, я не помню, как мы добирались домой с покупкой, из-за которой пришлось пережить столько страхов, но каждый раз, проходя мимо старого здания универмага, я вспоминаю пережитый ужас и отчаяние — я не знала выхода из ситуации. Самой мне было не дойти до дома...

Он вернулся! Мой Женя, он не забыл про меня... Женя взял меня за руку, вытер слезы, обнял, успокоил. Он меня спас! Я не успела затеряться в тот раз и решила, что сама должна знать путь домой, чтобы все дороги моей жизни вели меня к дому, моему дому, где меня ждут и любят, где живут мои любимые люди — моя романтическая рукодельница бабушка и немногословный, но умеющий любить нас, детей, дед-голубятник.

Бабушка в редкие минуты передышки между делами порой пересказывала мне прочитанные когда-то книги, рассказывала о том, как она играла в любительском спектакле. Любовь к театру осталась с ней на всю жизнь и передалась мне. Я любила слушать истории из далекой бабушкиной жизни, когда она была девочкой, и родители ее были живы, и большая родня была рядом, а какой-то Горочка полюбил горничную, тайно с ней обвенчался. Когда родственники узнали об этом и устроили скандал, он застрелился. Мне представлялся молодой красивый и почему-то кудрявый парень, бросивший вызов заскорузлым дореволюционным устоям. Я представляла, как изменилась жизнь в этом светлом радостном доме после трагического выстрела, как все, кто противостоял любви, утратили вкус к жизни, к радостям. Как там стало пусто и неуютно...

Бабушка жила в Илеке, небольшом уральском городке. Отец погиб в Первую мировую, мать умерла от тифа в годы Гражданской войны. Бабушка осталась с младшей сестрой, надо было как-то жить. Пошла в работницы, младшую сестру Веру забрали в детский дом... Во все, даже самые сложные времена люди любили красивые вещи, девушки любили красивые платья с нарядными воротничками — вязанными крючком или выбитыми на машинке. Бабушка умела все! Она шила, вышивала и научилась выбивать на машинке. Узнала, что в Кургане есть спрос на вышивку. Приехала в Курган, стала давать уроки вышивки, брала заказы. Однажды в клубе мелькомбината познакомилась с молодым парнем. Это был мой дед. Он проводил девушку домой, а через день пришел к ней и сделал предложение.

Так появилась семья Ульяновых — Анны и Николая. Дед, имея образование всего один класс, отличался живым умом и почти всегда чем-то руководил.

В семье родились трое мальчишек: Геннадий, Юрик, Володя — и девочка Галя, моя мама. Это были довоенные дети. Гена, Юрик и Галя родились в Кургане, но успели пожить в Бийске, где родился Володя, — туда Ульяновы уехали из голодного Кургана, там было хорошее снабжение и никто не голодал. В Бийске дед служил в милиции, а когда дети начали болеть малярией, понадобилось сменить климат. Семья оказалась в Белостоке, где деда назначили начальником районного отдела НКВД.

Возле калитки остановилась стайка мальчишек, вернувшихся с купания. Волосы еще не успели высохнуть, да и на рубашках кое-где проявлялись мокрые пятна. Несмотря на жару, они снова что-то замышляли. Мальчишки разбивались на команды — решили поиграть в войну.

Играть в войну в годы моего детства означало пройти испытания на мужество, на умение хранить военную тайну, ходить в разведку за ценными сведениями. Мальчишки еще носили в то время танкистские шлемы, военные фуражки и пилотки. Редкий, вызывавший всеобщую зависть шлем летчика был только у Димки из переулка — брат его служил в летных частях, уже после войны, но это не умаляло ценности шлема, который Димка никому не давал даже примерить. Все эти головные уборы во время игры «в войну» немедленно извлекались из каких-то потайных закутков, водружались на головы, а значит, ты уже не мог оказаться в армии «немцев» — туда отправляли тех, кому нечем было обозначить свою воинскую принадлежность. Оружие тоже каждый делал сам. Я часто могла наблюдать, как Женья что-то мастерил за дедушкиным верстаком, который стоял во дворе. Пилить, строгать, полировать наждачкой приклад своего автомата — было делом мальчишеской чести.

Война. В те времена, когда мальчишки играли в разведчиков и партизан, мне казалось, что настоящая война была уже очень давно, хотя в доме очень многие вещи напоминали о ней — правда, не мне, я поняла происхождение этих вещей, только когда выросла. Я спала под одеялом, на котором вытканы были немецкие слова, — к сожалению, я так и не узнала, что там было написано. Бак, в котором держали воду, тоже был с немецкими гравировками. На полке стояли баночки с загадочными нерусскими буквами — в них хранили чай, лаврушку. Все эти вещи приехали в Курган осенью сорок шестого из Луинца. Там семья Ульяновых встретила победу. А началась война для них в самый первый день — Белосток бомбили в страшное утро 22 июня.

Белосток, 22 июня 1941 года

У кровати Гали на спинке стула висят новенькое, еще ни разу не надеванное, из розового батиста платье, носочки, лента для банта. Возле стула — туфельки. В воскресенье 22 июня будут праздновать ее девятый день рождения. Плохо, что старших братьев нет — их еще в конце мая отправили в пионерский лагерь. Но дом все равно полон детьми — приехала из Ферганы младшая мамина сестра Верочка с Людой и Борей. На Боре почему-то разные ботинки — один коричневый, другой черный.

Они вчера получили багаж, который стоит еще не распакованный в ящиках и коробках...

Но утро оказалось не праздничным. Галю разбудила мама. Выглядела она взволнованно, на щеках следы слез:

— Галя, тсс... только тихонько... Не волнуйся, с днем рождения тебя... Ты только не бойся... Слышишь — взрывы?

Где-то вдалеке и вправду что-то громыhalo. Похоже на грозу, но только почему-то дрожал дом.

— Мама, это же ученья, наверное, — пыталась возразить Галя.

— Нет, девочка моя, не ученья это. Это... война... Тихо... не буди ребятшек, посмотри за ними, если проснутся, — тетя Вера еще на дежурстве, папа тоже ушел. Я за хлебом сбегалю. Лежи тихонечко. Я быстро...

Не успев осознать происходящее, Галя осталась одна. Но долго держать эту возбуждающую новость при себе было невозможно, она, как пружина, толкала к действию, и Галя стала будить Люду и Борю — Володя все равно еще ничего не понимает, ему всего три года.

— Эй, засони, — окликнула она, — вставайте! Слышите — грохочет? Война началась.

Испуганные дети тут же подскочили с кровати. Наспех одевшись, Боря почему-то сразу, видимо, от страха, залез под кровать, Люда кинулась к двери и стояла там, схватившись за ручку, будто готова была в любой момент куда-то бежать... А может, она просто ждала маму.

Галя на цыпочках подошла к окну и выглянула на улицу. Там было пусто. Странно как-то, никто не бегал с автоматом и не стрелял... В кино война выглядела совсем по-другому. Из-за домов, оттуда, где находилась папина служба, густо поднимался черный дым.

— Борька, вылезай, война еще далеко, — скомандовала Галя и стала помогать одеваться маленькому Володе. У него, единственного из всех, слово «война» не вызывало пока никаких ассоциаций. Это было его первое знакомство с войной и сразу — с настоящей.

Вернулась мама, принесла несколько буханок хлеба, наскоро собрала совсем не праздничный завтрак, накормила ребятшек, время от времени тяжело присаживаясь на стул — она была на восьмом месяце. Дети вылезли из-за стола, не зная, чем заняться. Время словно остановилось — жизнь в этот момент меняла жанр. Никто еще ничего не понимал, но уже было тягостно и страшно.

Наконец пришел папа — их здание вместе с армейскими складами среди первых попало под бомбежку, была нарушена связь. Он пытался узнать что-нибудь о Геннадии и Юрике, которые должны были вернуться через несколько дней. Непонятно откуда появилась новость, что детей вывезут в Минск. Папа скомандовал собираться, надо уезжать. Брать самое необходимое. У дома стояла подвода, на которую грузили вещи: нужно было срочно ехать на вокзал, который тоже уже попал под бомбежку, но пути были целы. На подводу погрузили несколько так и не распакованных ящиков с вещами маминой сестры. Ждали тетю Веру —

Люда с Борей совсем измучились от страха, что больше никогда не увидят свою маму, и тихонько скулили. Тетя Вера, Верочка, как ее называли все за легкость характера и необыкновенное умение не унывать, прибежала в последний момент — боялась уйти с работы, караулила какие-то полотенца... Наконец вся семья была в сборе и, облепив подводу, отправилась на вокзал.

Это был последний поезд, уходивший из Белостока в Москву и шедший через Минск. Вообще последний! На нем покидали город железнодорожники и их семьи. Последними, как и полагается, после того, как уже были отправлены поезда Белосток — Ленинград, Белосток — Минск, которые по пути подвергнутся бомбардировкам, и люди из них вольются в длинные, бесконечные пешие колонны отступающих войск и местных жителей, покинувших свои дома.

Поезд состоял из товарных вагонов, переполненных людьми, которые загрузили в вагоны комоды, зеркала, был даже рояль. Ни в один вагон не хотели пускать двух женщин с четырьмя детьми, тем более одна из них могла вот-вот родить.

Оставался последний вагон. Надежды попасть в него не было никакой. Папа велел всем, кроме мамы и Володи, спрятаться за вагон. Постучался и попросил пустить «на пятак» беременную женщину с ребенком. В ответ на отказ он вынул наган — он имел оружие, и аргумент сработал. Когда в вагоне освободили место для женщины с ребенком, из-за вагона вышла еще одна женщина с тремя детьми. Но против нагана возражений не было. Большинство вещей, приготовленных в дорогу, так и остались на подводе.

Прощались наспех.

— Галя, маме помогай, ты теперь старшая, дочка. Вот такой у тебя день рожденья получился.

— Папа, почему ты не с нами? Папа! Папа!

— Коленка, как же мы без тебя? — тихо шептала мама. — Мальчишки-то как же теперь?

— Ньюра, поезд идет через Минск, там надо будет мальчишек искать... Прощайте, береги себя, детей. Я на службу, архивы надо разорвать, уничтожить. Я найду вас, я обязательно найду вас...

В тот момент, когда звучало слово «Минск», всем представлялся далекий от войны мирный и красивый город, в котором уже ждут свою семью Геннадий и Юрий. Тогда никто не знал, что Минск так и останется невоплощенной мечтой...

Дверь вагона тяжело, со скрипом стала закрываться, и полоска вечернего света все сужалась, пока не исчезла совсем.

Галя огляделась: по центру вагона стояли вещи, чемоданы. Галю в ее новом розовом платье загрузили наверх. Туда же поместили маленького Володю. Сесть там было невозможно — вещи стояли чуть не до потолка, можно было только лежать. Боря с Людой были где-то внизу, возле своей мамы, которая хлопотала, устраивая детей, помогая устроиться сестре. Казалось, начинается какое-то невероятное приключение.

Лежа наверху, Галя поняла свои преимущества — ее строго лежачее место по сути оказалось наблюдательным пунктом. Она могла смотреть в маленькое окошко под потолком, да и всех, кто ехал в вагоне, ей было хорошо видно. Она стала разглядывать соседей. Оказалось, что в вагоне ехали девять беременных женщин, два раненых машиниста, которых ранило еще 21 июня в Ломже, восемнадцать детей самого разного возраста, начиная от грудничков. Старшему было лет тринадцать. И еще каких-то два старика. Они были одни, каждый сам по себе, с ними никого не было, и вещей у них, кажется, не было. Они показались Гале подозрительными.

Всю ночь поезд шел будто бы без помех, а утром возникло какое-то оживление. Еще не проснувшись толком, Галя услышала гул самолетов и четкие пулеметные очереди — было понятно, что вдоль состава летят вражеские самолеты и обстреливают вагоны, разнося в щепки тонкие стенки.

Галя посмотрела в небольшое окошко и увидела низко, почти вровень с ее глазами летящий самолет. Впервые она увидела так близко атрибутику фашизма: на фюзеляже самолета был жирный крест, а на хвосте — паук-свастика угрожающе распростер свои лапы...

Снова раздалась пулеметная очередь, Галя вздрогнула и сжалась в комок под периной, которой мама укрывала ее и Володю, судорожно повторяя:

— Молитесь, дети, молитесь, просите у Бога защиты...

Галя, которая в жизни не видела ни одной иконы, потому что их не было в доме, не понимала маму — как молиться? Мы же не умеем!

После того как фашистский налетчик сделал свое дело и улетел, поезд, содрогаясь и лязгая буферами, остановился. Вдоль состава бежал начальник поезда, стучал в вагоны и спрашивал:

— Раненые, убитые есть?..

Раненые были в каждом вагоне. И не только раненые. Поезд остановился надолго — надо было бы похоронить погибших, но мужчин, способных вырыть могилы, в поезде не было... Люди, отрезвев от происходящего, начали понимать, что в данной ситуации надо беречь друг друга... Из вагонов посыпались комоды, корыта, освобождая место для тех, кто уже мог только лежать. Сопротивляясь всеми тремя ногами, рояль полетел под насыпь, взмахнув на прощанье черной лакированной крышкой, похожей на крыло, издав отнюдь не благозвучный аккорд и рассыпав клавиши вдоль своего последнего пути...

Поезд продолжил движение только ночью. Был июнь, ночи были короткими. Утро начиналось рано и, как правило, с обстрела, во время которого поезд снова останавливался. Перевязывали раненых, считали убитых, где-то искали воду, женщины замывали кровавые следы, отгораживая в углу место для погибших...

Так прошло четверо суток.

Железную дорогу немцы не бомбили — она им самим была нужна для скорого продвижения вглубь страны. Ночью они спали, а на заре летели расстреливать поезд, полный женщин и детей, которые все время

плакали, капризничали, но, как только раздавался звук приближающегося самолета, затихали, словно переставали дышать.

На подъезде к Барановичам, которые уже нещадно бомбили, у одной из беременных начались роды. Другая, тоже беременная, но, видимо, акушерка, готовилась принять младенца. Приготовила сумку с инструментами, командным тоном раздавала поручения. Все беспрекословно подчинялись. Мужчин и детей отодвинули, насколько было возможно, подальше. Уже было темно, зажгли свечи, но так как двери вагона из-за жары были открыты, откуда-то пришла команда погасить свет, чтобы не демаскировать состав. Тогда стали завешивать двери каким-то одеялом, вернее, держать его. Сначала держала Галина мама, пока не обессилела, ее сменила другая женщина, которая вскоре упала в обморок. Маме снова пришлось встать на «вахту». Тетя Вера отвлекала от происходящего детей... Вскоре в вагоне стало на одного ребенка больше.

Стояла жуткая жара, не было воды, всех мучила жажда. На четвертые сутки, 26 июня, поезд подошел к Минску. Издали показалось, что небо покрыто тучами — все обрадовались: наконец-то прольется дождь! Но спустя некоторое время стало понятно, что никакого дождя не будет: Минск бомбили фугасными и зажигательными бомбами. К разрушениям прибавились пожары, огонь молниеносно перебрасывался от здания к зданию. Многие минчане сгорели или задохнулись от дыма в подвалах домов. Пламя и копоть пожарища было видно более чем за сто километров. Под Минском шли тяжелые танковые бои.

Поезду дали «зеленый свет». Под бомбежками его провели по каким-то путям мимо города, отправив по южной ветке. Гале сверху было видно, как железнодорожники, переведя стрелки, падали ничком, прикрывая голову руками. Так хотелось, чтобы они остались живы, чтобы их не задел шальной осколок... Медленно, но поезд выехал за пределы территории, где рвались снаряды и гудели немецкие самолеты.

Уже проехав Минск, оставив позади черное небо, поезд сделал остановку. Была дана команда освободить вагоны от мертвых. Их накопилось много, какие-то тела уже успели закороченеть.

— Тяжелораненых тоже выносите! Следом идет санитарный поезд, он заберет всех раненых, а похоронная команда похоронит погибших, — объяснял начальник поезда.

На зеленую поляну стали выгружать трупы. Их выносили и укладывали ровными рядами, укрывали неизвестно откуда взявшимися белыми простынями, и постепенно поляна стала вся белая, как будто покрылась снежными сугробами, словно внезапно на только что благоухавшую цветочными ароматами зеленую лужайку обрушилась зима.

Сюда же выносили тяжелых раненых. Галя видела, как на откос вынесли молодую женщину, которой на здоровую руку положили плачущего ребенка. Она пыталась прижать его к себе, но теряла сознание, и ребенок скатывался по руке и продолжал плакать. Было страшно и непонятно — то ли женщина была ранена, то ли роды, прошедшие в поезде, были неудачными, а самое главное — выживет ли этот младенец? Успеет ли санитарный поезд?.. Здесь же, на откосе, под простынями оказались и два «подозри-

тельных» старика — они ехали у самой стенки вагона и во время очередного обстрела приняли пули на себя, сохранив кому-то жизнь.

Дети смотрели во все глаза, как летняя поляна, превратившаяся в зимнюю, расцветала алыми пятнами крови, проступающими сквозь белые простыни... Взрослые не смотрели друг другу в глаза, словно все знали: не придет никакой санитарный поезд! А может, просто сомневались, что будет так, как обещал начальник поезда, — откуда он мог знать про санитарный поезд? Как он вообще что-то мог знать в этом жутком хаосе?!

На этой же станции все Ульяновы перебрались в другой вагон. Теперь везде было довольно просторно. Паровоз дал три гудка и медленно-медленно тронулся... Галя снова ехала на «втором этаже», но уже на нарах, где можно было даже сесть. Ее именинное платье уже совсем не было похоже на новое...

Состав прошел мимо Минска 26 июня, а 28-го в город вошли немецкие части. Воссоединение семьи откладывалось на неизвестный срок.

— Мама, а как мы теперь найдем Юрика с Геной?

— Даст бог — найдем, обязательно найдем, только бы живы остались... Только бы были живы наши мальчики, — тихо шептала мама, едва шевеля губами. В глазах ее был ужас, но слез не было. Каждый думал о том, что будет дальше...

Курган, ул. 8 Марта, 1950-е годы

В пустом доме радио голосами хора имени Александрова уговаривало соловьев не тревожить солдат. Мы с бабушкой сидели на пороге в сенках, куда на лето переезжала кухня. Там на столе когда-то шипел изящный примус, а потом его сменил агрегат со страшным названием «керогаз». На керогазе варился обед, а мы с бабушкой (взрослые были на работе, а Женя уехал в пионерский лагерь) смотрели, как грозовой ветер рвет на дверях занавеску, на мгновение открывая свинцовое небо. На улице гроза — самая настоящая, с громом и молниями, которая наконец-то проливается на землю сильным ливнем, да еще и с градом! Льдинки залетают в сенки, я пытаюсь их собирать, но они мгновенно тают. Мое легкомысленное занятие прерывается бабушкиным вопросом:

— Таня, ты сегодня вышивала?

Дело в том, что на каждый день мне давалось задание — я вышивала какие-то необходимые всем нам салфеточки, занавесочки, платочки. Бабушка, заботясь, чтобы я что-то в жизни могла, старалась научить меня тому, что умела сама. А она умела все. Лет в пять она посадила меня за швейную машинку. Старый, но очень классный «зингер» использовался не только бабушкой. Нам, детям, очень нравилось, скорчившись в три погибели, пристроиться на педали и сделать из нее качели. Попытки прекратились после того, как бабушка посадила меня за машинку, поставила мои ноги на педаль и объяснила, как я должна работать ногами, чтобы педаль отжималась в определенном ритме — от этого зависит качество строчки. Ремень с колесика машинки бабушка, конечно, сначала снимала.

«Зингер» выручал всю нашу семью — на нем было сшито столько рубашек, нарядных платьев, детских карнавальных костюмов, уж не говоря о наволочках и занавесках! Но самое главное, чем была ценна эта машинка, — на ней можно было вышивать, или «выбивать» — так говорили про машинную вышивку. Этому мастерству бабушка научила и меня. Вышивку можно было делать «насыпью», заполняя извилистыми строчками очерченное пространство ткани, например цветов. А можно было и «обметывать». Обметывались не только края ткани, но и контуры цветов, кружочков. В вырезанном обметанном кружочке можно было сделать «паучка».

Не всегда занятия рукоделием приносили мне удовольствие, особенно если на улице были слышны звонкие голоса ребятшек, которые играли в лапту, клёк или прятки. Тогда я, пользуясь уже ослабевшим бабушкиным зрением, «шагала широко», то есть делала широкие, не очень красивые стежки в надежде, что она не заметит моей недобросовестности...

— Я все вышила. Баба, спой, пожалуйста, про молодушку, — прошу я.

— Это про какую молодушку?

— Ну, которая у калитки стояла, когда всадники ехали, а один ее поцеловал...

— Поняла, — улыбается бабушка и тихонько затягивает:

Помню, я еще молодухой была,
Наша армия в поход куда-то шла.
Вечерело, я стояла у ворот,
Ну а конница идет, идет, идет...

Я слушаю эту историю, и, когда бабушка поет про генерала, который приехал на квартиру и жалобно стонал, сердце у меня заходится от печали.

Пригляделась, встрепенулась душой.
Это тот же прежний барин молодой.
Та же удаль, тот же блеск в его глазах,
Только много седины в его усах.
И опять я молодешенькой была... —

выводит бабушка, а я думаю: один раз встретились, а запомнили друг друга на всю жизнь, которая у каждого сложилась по-своему, а ведь могло же быть как-то по-другому!

— Баба, а она его любила? — спрашиваю я после паузы.

— Не знаю, — тянет бабушка, — может, помнила его поцелуй, первый для нее.

— А я не помню свой первый поцелуй, — с грустью констатирую я.

Бабушка смеется, ничего не объясняя, только прижимает меня к себе.

— Баба, я кушать хочу, — говорю я, понимая, что обед, который стоит на керогазе, будет готов еще не скоро.

Бабушка накладывает в блюдо сметаны, нарезает хлеб длинными палочками, которые я макаю в сметану и откусываю, не пачкая ни рот, ни руки.

— Баба, а Женя не потеряется в лагере? — вдруг спрашиваю я, потому что уже очень соскучилась по моему такому замечательному юному дядюшке.

— Да почему ж он должен потеряться? — удивляется бабушка.

— Ну дядя Юра же с дядей Геней потерялись...

— Тогда война была, — задумчиво тянет бабушка.

О том, что в войну были потеряны мамины братья Геннадий и Юрик, я уже знала. Их поиски, во время которых были исписаны километры бумаги, шли долго без каких-либо обнадеживающих результатов.

Бабушка, помня, как Геннадию не нравилось его имя, надеялась, что его не могут найти потому, что он его сменил. А может, Гену угнали в плен — он был рослый в свои тринадцать лет.

Белоруссия, лето 1941 года

Пионерский лагерь проснулся от почти истерических криков вожатых. Они в панике разбудили детей, в спешке собрали всех на линейку, где объявили, что на нас напали немцы, что надо срочно собирать свои вещи, грузиться на подводы и покидать лагерь.

Вещи — это значит матрасы, одеяла, постельное белье, включая подушки: все это было привезено из дома, и каждый ребенок, не желая огорчать родителей, старался вернуть все это домой в целости и сохранности.

Лагерь был небольшой, дети сбились в стайку. Вожатые и воспитатели получали на кухне продукты. Наскоро покормив детей, отправились в путь.

Мальчишки шепотом переговаривались о том, что война — это, конечно, здорово, что надо бы податься в партизаны, только родители, если узнают, заругают.

Подводы, на которых были сложены детские вещи, ехали все же быстрее, чем шли дети, особенно девочки. Дети слышали, что взрослые говорят о Барановичах — в Белосток возвращаться было бессмысленно, там уже, по всей вероятности, были немцы.

Выбравшись из леса, все увидели, что по дороге тянутся еще тонкой, но уже почти нескончаемой вереницей люди.

Дорога была утомительна — не хватало воды, было жарко и душно. За минуты отдыха никто не успевал восстановить силы. Надо было идти.

Однажды, проснувшись после ночного отдыха под Волковыском, дети не обнаружили ни взрослых, ни подвод, ни продуктов... В это трудно было поверить, и они начали выдвигать самые разнообразные предположения.

— Может, просто лошадей пошли поить?

— Ну да, прямо с телегами и вещами.

Девочки испуганно плакали, не понимая, что теперь делать.

Мальчишки, оставив девочек на поляне, немного разбрелись по лесу, покричали и, не получив ответа, поняли окончательно: эти взрослые люди просто сбежали, прихватив попутно все вещи и продукты, оставив детей на произвол судьбы.

Посоветовавшись и не придя к единому мнению, решили, что каждый поступает как считает нужным. Девочки настаивали, что нужно идти обратно в Белосток — ведь, по их представлениям, родители были там, ждали, беспокоились о них.

Как потом стало известно из переписки между родственниками детей, до Белостока никто не дошел — все разбрелись по разным сторонам. Кто-то попал в итоге в детдом, кого-то приютили сельские жители, о многих вообще не было никаких известий — возможно, были угнаны в Германию, возможно, попали под бомбежку или просто на прицел бравым солдатам вермахта.

Мальчишки решили идти на фронт. Куда еще, когда Родина в опасности? Но где найти этот фронт? Где обнаружить партизан? Решили, что надо разойтись в разные стороны — кому-нибудь да повезет.

Теперь братья Ульяновы были свободны от связывавших руки подушек и одеял, которые уехали вместе с подводами, а потому решили поступить как настоящие мужчины. Они крепко, по-взрослому, обнялись, пожали друг другу еще совсем не мужские руки и разошлись в разные стороны. Геннадия было тринадцать, Юрику — одиннадцать лет, но они чувствовали себя взрослыми, способными на самостоятельные и ответственные поступки.

— Расходимся не оглядываясь, — сказал Геннадий.

— А как же еще? — словно удивился Юрик.

Они отвернулись друг от друга и сделали несколько шагов. Юрику показалось, что брат услышал, как заняло у него в груди от невыразимой тоски и неизбежного расставания. Он взял себя в руки — не девчонка же. Конечно, было бы лучше сейчас оказаться дома, возле мамы, сидеть за столом и уплетать за обе щеки вареники или котлеты... Он вспомнил, что у сестренки был день рождения — мама, наверное, пекла торт. Потом вспомнил, что именно в этот день началась война, и стал думать: что теперь делают мама с папой? Папа, конечно, ушел на фронт, а мама с сестрой и братишкой — они где? Что с ними? Ему вдруг стало до боли жаль той спокойной, счастливой жизни, и из глаз полились слезы. Рассердившись на свою слабость, Юрик досуха размазал слезы по щекам и еще более уверенно зашагал вперед.

Часов через пять он вышел на дорогу, которая была забита сплошным потоком уже побывавших в боях военных и гражданского населения, в основном женщин и детей. Пристроившись сбоку, стараясь не бросаться в глаза, он тоже побрел по пыльной дороге, свято веря, что солдаты приведут его туда, куда надо.

Вскоре в небе раздался рев моторов, и на головы людей обрушился смертоносный груз авиабомб. Людской поток вмиг разлетелся на сотни брызг, устремившихся к лесу. Женщины подхватили на руки детей, закрывая их собой... Юрик тоже кинулся в лес, уткнулся лицом в землю.

Разрывы были совсем близко, на его спину просыпалась прохладная, откуда-то из глубины, земля.

Когда взрывы затихли и люди начали медленно, осторожно поднимать головы, сел и Юра. На дороге валялись трупы коней, стояли разбитые телеги, лежали люди, не успевшие укрыться. Кто-то, собрав разбросанные пожитки, медленно направился дальше по дороге, кто-то стал организовывать захоронения. Это были неглубокие могилы, выкопанные наспех, но человеческий долг не позволял уйти тем, кто сам вскоре мог оказаться в такой могиле.

Юрий наблюдал за происходящим и ужасно сожалел о том, что расстался с братом. Недалеко под кустом он увидел узелок, укатившийся, видимо, во время бомбежки от своей хозяйки. Поглядев вокруг в надежде найти того, кому узелок принадлежал, Юра увидел женщину, лежавшую в неловкой позе — живые так не лежат. Он поднял осиротевший узелок, подошел к военным, которые копали могилы, показал, где лежит женщина, и тихо побрел по дороге, уже не имея никаких желаний, кроме одного: снова оказаться рядом с братом.

На дороге постепенно снова собрался большой людской поток. В подобранном узелке оказались четвертушка хлеба, завернутая в полотенце, небольшой кусок сала и три вареные картофелины. Понимая, что впереди никто не гарантировал ему такие узелки, Юра разделил припасы на три части и позволил себе съесть одну картофелину с хлебом, откусив несколько раз от куска сала... Еще в узелке оказалась вязаная женская кофта.

Сколько налетов пришлось пережить Юрику! Но каждый раз, распластавшись на земле, он думал про брата — успевает ли тот укрыться от бомб?

Братья не знали, что спустя пару месяцев они встретятся снова, за сотни верст от места прощанья, в уже оккупированном Бобруйске. На Юрике будет растянутая женская вязаная кофта, а на Геннадии — фасонистая шляпа с пером, которую младший брат тут же обсмеет. Они решат держаться дальше вместе.

Держаться вместе им придется недолго. Геннадий пойдет на рынок, чтобы потолкаться там и, возможно, услышать что-нибудь о партизанах, а заодно раздобыть еды... Юрик останется ждать его в заброшенном сарае и не дожидется. Сам отправится на разведку и узнает, что на рынке была облава, перестрелка... С этого момента следы Геннадия потеряются.

Курган, ул. 8 Марта, 1950-е годы

В апреле 1951-го пришло долгожданное письмо из Красного Креста с сообщением, что семью Ульяновых разыскивает Ульянов Юрий Николаевич. Еще там было сказано, что он разыскивает и брата, Ульянова Геннадия Николаевича. Это была радость, ликование, слезы... Правда, надежды найти Геннадия оставалось все меньше и меньше. Но жизнь все равно приобрела новые краски — началось ожидание встречи, которое продлилось еще шесть лет. Ожидание скрашивали письма, фотографии.

Брат мамы, мой дядя Юра, прошел бродяжничество во время оккупации, приюты, отслужил в армии уже после войны. Однажды вечером мы увидели, как возле нашего дома остановилось такси. По нашей улице вообще редко проезжали машины, а тут — такси. Все прильнули к окну. Первым все понял Женька:

— Юрик приехал! — закричал он.

Все бросились к выходу — встречать дорогого и долгожданного дядю Юру. Я тоже бросилась, но, глядя, как на мужчине в военной шинели повисли бабушка, Женья, Люда, мама, остановилась. Меня вдруг охватили сомнения: он же меня не знает — это я знаю про него, потому что семья много лет жила с этой историей. Я стояла в нерешительности до тех пор, пока дядя Юра не обратился ко мне:

— Ну, Таня, что стоишь? Иди, знакомиться будем!

После этих слов меня ничто не могло удержать на месте — дядя Юра даже меня знает! Я бросилась к нему навстречу и сразу оказалась где-то высоко. Сделав головокружительный вираж над всеми, я вновь оказалась на земле.

Тогда мне и в голову не пришло, что Женья и Люда тоже видят брата первый раз в жизни.

— Ну, знакомься, это твои братья: Коля и Вова. Их мама — тетя Маруся...

...Наша семья в этот день увеличилась сразу на четверых, и вечером, за ужином, за столом сидели десять человек.

Вечером по всей улице расплывался аромат свежеполитой земли. Хозяйки, вооружившись ведрами и коромыслами, делали не по одной ходке до колонки и обратно, чтобы полить с любовью сделанные грядки. Чтобы на столе был свой свеженький лучок, укропчик, а осенью можно было засолить огурцов, капусты, помидоров.

Женья носил воду ведром, прогибаясь под его тяжестью, расплескивая, но спеша побыстрее закончить с обязанностями и заняться чем-нибудь поинтересней — мастерить планер, кататься на велосипеде...

Я тоже принимала участие в поливке — у меня было свое коромысло и два трехлитровых ведера. Я поливала огурцы. Каждый мой поход к колонке завершался двумя политыми лунками — по ведру в каждую. Вся улица была отмечена влажными пятнами прибитой пыли — редко кто носил ведра умело, не расплескивая. Колодцев у людей было мало, и у колонки порой выстраивалась очередь. Днем там было свободно, мальчишки, набегавшись, подбегали к колонке, нажимали на рычаг и пили с напором вырывающуюся на свободу воду.

Июнь — июль 1941 года

Поезд теперь шел и днем и ночью. Люди в вагонах не знали, куда едут, к кому — ведь, садясь в вагоны, они собирались кто в Минск, кто в Москву. Что их ждет впереди? Тетя Вера решила, что будет добираться до Ферганы. Пусть бедно, голодно, но далеко от войны. Ну, конечно, только когда Ньюра родит, не бросать же ее.

На первой станции, куда еще не дошли бои, где еще не слышали разрывов снарядов и авиабомб, эшелон ждали. Это был первый вырвавшийся из ада бомбежек эшелон с эвакуированными людьми.

— Галя, посмотри за Володей, я на станции попробую едой разжиться. От вагона не уходите, неизвестно, сколько стоять будем, — наказывала мама на подъезде к станции, когда поезд уже замедлил ход.

— Верочка, воды бы достать — ребятишки грязные. Галя, тебе платье надо переодеть.

Поезд судорожно дернулся и остановился. Из распахнутых вагонных дверей высыпались люди. Они оглядывались вокруг, щуря глаза от солнечного света, разминали ноги, помогали детям спуститься из вагона. Почувствовав под ногами твердую землю, стояли, еще не зная, как распорядиться минутами отдыха. И вдруг люди у вагонов замолчали, замерли... На перроне было тоже очень много народа — в основном женщины и дети. Возле каждого стояли ведра, фляжки. Кто-то держал в руках крынки... Женщины из мирной жизни смотрели на людей, которые уже знали, как выглядит война, и из их глаз текли слезы, а те, кто бежал от войны, не могли поверить своим глазам, что можно вот так, ничего не боясь, в полный рост стоять на перроне под солнцем.

Стена из тишины вдруг рухнула, и все разом зашумели.

— Вода, попейте водички, умойтесь.

— Помощь медицинская никому не нужна? Здесь фельдшер есть...

Женщины поили маленьких детей молоком, давали какие-то лепешки. Кто-то тут же умывался, облегченно вздыхая, словно принял ванну. Жизнь налаживалась. Ненадолго, но беспокойство оставило беженцев, появилась надежда — нас не бросят.

Стоянка была недолгой, но дальше ехать было легче, настроение улучшилось. Ждали Саратов.

В Саратове поезд стоял очень долго — всем раздали талоны на еду и впервые за этот долгий путь людей накормили горячим обедом в вокзальном ресторане.

В санитарно-пропускной зоне всех осмотрели, пропустили через душ. Была страшная сутолока, непонятно было — что будет дальше, но вместе с тем радовало ощущение заботы. Людей не бросили на произвол судьбы.

Взбодрившиеся, с ощущением легкости, снова погрузились в вагоны и продолжили путь.

На станции Дергачи поезд ждали машины с открытыми бортами.

Это на фронт машины приготовили, решили дети. Им уже попадались встречные составы с зачехленными орудиями, возле которых стояли часовые. Но дети ошиблись — машины были приготовлены для них. Поезд прибыл на конечную станцию.

Разгружать вещи из поезда помогали какие-то подростки. Мужчин в это время уже было мало. Детей и взрослых сажали в машины на узлы и чемоданы.

Машины были из разных организаций и разъехались по нескольким направлениям.

Ульяновых привезли в красный уголок речников. Там было пусто, лишь в углу стояло много ящиков с газированной водой. К радости ребятишек, сказали, что газировку можно пить, только бутылки надо ставить на место, в ящики. Всем выдали талоны на еду и в баню. Ребятишки наслаждались газировкой. Взрослые радовались бане, собирая свежее белье, готовя полотенца.

Галина мама попросила отправить ее в женскую консультацию, и на следующий день за ней приехала телега, а Галя и Володя остались ждать. Пусть даже рядом были тетя Вера, Боря и Люда, но как мучительно было это ожидание! Мамы нет, а тут приехало пять подвод, и мужчина в помятом запыленном пиджаке объявил:

— Семьи командиров и комиссаров остаются, остальные — грузим вещи на подводы. Повезем вас в колхоз.

Галя забеспокоилась — сейчас все уедут, а они с Володей останутся одни. Тетя Вера успокоила детей, сказав, что без Нюры никто никуда не поедет.

Впрочем, вообще никто никуда не собирался — желающих грузиться и ехать в колхоз не нашлось. Мужчина куда-то ушел, возможно, звонил кому-то по телефону, не понимая, что ему теперь делать. Не возвращаться же с пустыми подводами, если колхоз получил задание принять беженцев.

Вечером вернулась Галина мама. Она была решительная женщина и умела принимать правильные решения. Узнав, что никто не хочет ехать в колхоз, возмутилась.

— Чего ждать собираетесь? Не будем же мы вечно в красном уголке сидеть! Делать что-то надо! Думайте до утра.

Подводы ночевали здесь, а утром снова появился мужчина.

— Ну что, будем грузиться?

Мама подала Гале какой-то узел, сама взяла чемодан и, взяв за руку Володю, отправилась к подводам. Мужчина подхватил ее чемодан, потом остальные вещи погрузил на подводу. Тетя Вера с ребятишками шла следом. За ними потянулись остальные.

Ехали в колхоз — пять подвод, забитых вещами, женщинами и ребятишками, которые с любопытством смотрели по сторонам, переживая очередное приключение. Дорога шла сквозь рожицу и была почти вся в тени. Жаркий июль приготовил на полянках урожай ягод, украсил лужайки полевыми цветами — иван-чай и клевер цвели, совсем не подозревая, что где-то такие лужайки уже перепаханы бомбами.

Подвода, на которой ехали Ульяновы, преодолев переправу, вскоре остановилась возле небольшого бревенчатого дома. Дом-пятистенок был пустой, в нем, видимо, уже давно никто не жил, но окна, двери были целы, посреди избы стояла давно не беленная печь.

Вещи сложили у крыльца, и все дружно принялись приводить дом в порядок. Почему дом оказался без жильцов? Почему пустовал? Вопросов этих никто никому не задавал во избежание неприятных ответов. Галина мама, которой уже было тяжело самой что-либо делать, в основном организовывала процесс. В сенях дома нашлись ведра, тазы, и тетя Вера отправилась к реке за водой.

Мама принялась вытирать пыль, протирать окна. Обнаружилось, что в доме много блох.

— Галя, бери ребятишек, нарвите полыни, много, надо по всему дому разложить, — скомандовала мама. Ребятишки весело отправилась рвать полынь, даже маленький Володя рвал тугие веточки. Все работали. Полыни было много на заросшем, неухоженном участке возле дома, а потому вскоре дети стояли на пороге с большими охапками резко пахнувшей травы.

Весь дом обложили полынью — в комнате, где решили устроить общую спальню, вокруг печки, под окнами, под порогом...

Началась какая-то новая, непривычная жизнь, которая тоже имела свои преимущества, а для детей была еще одной страницей в их недлинной пока жизни — они все время открывали для себя что-то новое.

Вечером сестры сидели на крыльце и, конечно, говорили о том, успели или нет покинуть город Николай, где сейчас могут быть мальчики — Юрик и Гена. Ушел ли на фронт муж Верочки, с которым она развелась, почему и оказалась в Белостоке. И вообще — как жить дальше. Вопросов было много, ответов не было совсем. Но жизнь начала приобретать какой-то упорядоченный вид.

И вдруг мама, положив голову на плечо сестры, тихонько затынула:

— Помню, я еще молодушкой была...

— Наша конница в поход куда-то шла, — подхватила Вера. — Вечерело, я стояла у ворот...

Дети слушали, как поют их мамы, и на душе становилось спокойнее, несмотря на то, что песня была грустная.

В селе эвакуированных приняли очень хорошо и окружили заботой. Колхоз выделял на человека по пол-литра молока и по пятьсот граммов хлеба. Давали яйца, сметану, муку.

Когда в сельпо привезли какие-то вещи, по деревне объявили: это только для эвакуированных. Все понимали, что бежали они от войны порой без самого необходимого. Гале купили пальтишко, еще какие-то теплые вещи для нее и Володи. Тетя Вера, чей багаж почти полностью остался в Белостоке, тоже прикупила ребятишкам одежды, теплую уютную кофту себе, новые ботинки Боре — теперь и у него обувь была одинакового цвета.

Ребятишки часто катались на пароме от одного берега к другому, и паромщик, рыжий мужик с нечесаной бородой, смотрел на их «рейсы» как на развлечение, которое у детей должно быть в жизни несмотря ни на что. Кроме того, недалеко был лесок, в котором можно было поискать ягод.

Иногда ходили к сельсовету послушать радио, узнать новости. Радостных и оптимистичных — не было. Везде шли оборонительные бои, сдавали города.

И хотя хлопот было много, Галя постоянно думала о папе, о братьях, про которых теперь непонятно — где узнавать, где искать. Поезд, на котором они уехали из Белостока, должен был ехать через Минск в Москву, а ни в Минск, ни в Москву не попал. Как теперь папа их найдет?

И найдет ли вообще? Мысли о том, что папа может погибнуть, Галя даже не допускала.

26 июля у Гали и Володи появилась сестренка.

Вечером по радио от Советского информбюро передали оперативную сводку: «Утром 26 июля несколько немецких самолетов подходили к Москве, но были расстреляны и отогнаны нашими истребителями; при этом было сбито три самолета противника.

Германская авиация с 20 по 26 июля двенадцать раз пыталась совершить налет на Ленинград. Во всех случаях немецко-фашистские самолеты были отогнаны и понесли тяжелые потери. На подступах к Ленинграду в воздушных боях и зенитной артиллерией был сбит сорок один немецкий самолет. Наша авиация потеряла восемь самолетов...»

Сестренку назвали Людой, как дочку тети Веры. Она уже не услышит взрывов бомб, хотя разрушенные во время боев и бомбежек города ей предстоит увидеть.

Люда станет моей нянькой, подружкой, любимой тетей, которую я, как и Женю, звала просто по имени. Она будет учить со мной стихи и песни, заниматься гимнастикой — ставить меня на «мостик» и гнуть в «лягушку»... Она всю жизнь будет мне хорошей поддержкой и опорой. Это к ней мы с сыном будем уезжать каждое лето в Набережные Челны и спокойно жить на даче — потому что в годы перестройки, на которые выпало детство моего сына, я была просто не в состоянии поехать отдыхать в другое место.

Место рождения Люды — Саратовская область, Дергачевский район, Камышовский сельский совет, село Александровка.

Курган, ул. 8 Марта, 1950-е годы

В доме суета. Бабушка собирает всю нашу компанию — Колю, Вовку и меня — везти в город, к зубному врачу. «В город» нужно ехать на автобусе, и из окна можно видеть улицы, где ты еще не был, магазины и дома, это всегда приключение.

Ехать «в город» в том, в чем ходишь каждый день, — нельзя, это же почти выход «в свет». Выглядеть все выезжающие в город должны аккуратно и почти празднично. На мне поверх летнего платяца белый пыльник, обязательный атрибут — шляпка, в руке — маленькая сумочка, в которой лежит носовой платок. У мальчишек должна быть свежая рубашка и выглаженные штаны. Все в чистых носках и почищенных туфлях. В этот раз всех заставили еще раз, помимо утренней процедуры, почистить зубы и прополоскать рот.

Мальчишки одеваются с недовольным видом, хотя я точно знаю, что они хотят в город с бабушкой, просто не очень хорошо чувствуют себя в парадном наряде, да еще с причесанными челками.

Ехать на автобусе надо долго, и очень хочется, чтобы он был пустой, тогда можно занять место у окна, чтобы поездка не прошла даром. Мальчишки, стоя на коленях на переднем сиденье, смотрят вперед и о

чем-то переговариваются. Я сижу рядом с бабушкой, у нее кроме нашего визита к стоматологу есть какие-то свои дела, которые надо сделать попутно. На бабушке тоже белый пыльник, перчатки, на голове газовой шарфик, завязанный под подбородком. Бабушка у нас красивая. У нее длинные косы, уложенные грядкой на голове, хорошая фигура и уверенная осанка — бабушка умеет держать спину прямо в любых обстоятельствах.

Я сижу у открытого окна и смотрю на улицу. Вдруг Вовка соскакивает со своего места и что-то сует мне в руки. Я не сразу понимаю, что это бумажный самолетик, который мой брат приготовил заранее. Я беру самолетик, поправляю помявшиеся крылья и отправляю его за окно. К нашей с братом жалости, самолетик не полетел впереди автобуса, а остался где-то позади, скорее всего спикировав носом в землю...

Когда автобус подъезжает к конечной остановке, он уже полон пассажиров, и Коля стоит рядом, а Вовчик втиснулся на сиденье к нам с бабушкой. Мы выходим и глубоко вдыхаем городской воздух — в автобусе хоть и интересно, но душно, а меня еще и укачивает.

Немного приходим в себя и идем на рынок — бабушке там надо кого-то повидать: знакомая работает в одном из магазинов. Бабушка о чем-то недолго говорит с ней, потом мы идем дальше.

В поликлинике пахнет лекарствами. Все мы идем к зубному первый раз и знаем о том, что нас там ждет, только по Жениным рассказам. Страх и любопытство поселились в наших душах. В ожидании своей очереди мы притихли.

Первым отправили Колю — он старше нас с Вовкой, потом пойду я. Колька скрылся за дверью, а мы остались в коридоре прислушиваться.

Сначала все было тихо, а потом раздался резкий жуткий крик — это орал Колька! Мы с Вовой переглянулись, и мне сразу захотелось уступить свою очередь ему, в то же время мы поняли, что пока (сидя в коридоре) можем презирать нашего старшего брата.

Колька вышел, держась за щеку, по которой были размазаны слезы. Он хмуро посмотрел на нас, ставших невольными свидетелями его слабости, и сел отдельно, а я с замиранием сердца отправилась в кабинет.

— Как тебя зовут?

— Таня.

— Зубки уже лечила?

— Нет.

— Садись в кресло, открывай рот...

Врач какими-то железными палочками постучала по зубам.

Потом нажала на педаль, что-то зажужжало, предвещая неприятности.

— Сейчас чуть-чуть неприятно будет, потерпи немного, надо почистить и пломбу поставить, чтобы зубик твой молочный еще послужил тебе, пока не выпадет.

Можно было бы покричать, ну, по крайней мере, поохать — мне бы простили: девчонка! Но уронить свое достоинство в глазах братьев я не могла.

Конечно, я съежилась и сжалась, у меня округлились глаза от ужаса, но я изо всех сил старалась не закричать. Было неприятно, но боль не была острой. Ее все же можно было терпеть, и я терпела, лишь слегка постанывая и надеясь, что меня в коридоре не слышно.

Из кабинета меня вывели за руку. Врач, передавая меня, жутко бледную, бабушке, сказала:

— Забирайте свою героиню. Кто следующий?

Следующим был Вовка. Он не задержался долго. Ему просто удалили шатавшийся зуб, под которым уже начал пробиваться новый.

Колю нам было жалко, и мы не стали над ним смеяться, а взявшись за руки, пошли к выходу.

По пути к автобусу мы заходили в магазины, бабушка делала какие-то покупки, зашли в аптеку, где упитанный мальчик в большой раме улыбался рассыпанным вокруг него витаминам.

В автобус мы все садились с багажом — каждому была доверена какая-то поклажа. Она, конечно, мешала нам, но к порученному делу мы относились ответственно.

Дома мы, окружив Женю, рассказывали про наш поход. Вовка показывал образовавшуюся в зубах щель. А Колька, косо глядя на меня, сообщил:

— Таня даже не плакала.

— Она молодец, — улыбаясь, сказал Женя и опустил мне на голову руку, с которой на меня пролилось такое количество тепла и счастья, что я готова была еще три раза сходить к зубному, только бы Женя меня похвалил.

Плакала я редко — это было стыдно, недопустимо: ни когда разбивала коленки, ни когда съезжала по забору, оставляя на ладонях и животе огромное количество заноз, ни когда падала, катаясь с горки на лыжах. Надо было терпеть, иначе меня бы изгнали из этой мужской компании, где главным и самым изобретательным был мой Женя.

На улице оживление — идут велосипедные гонки. Все, у кого есть велосипеды, стоят «на старте», под горкой. Раздается команда «Марш!», и все начинают крутить педали. Я кручу их без остановки — у меня двухколесный велосипед, у которого педали в состоянии покоя быть просто не могут. Если ты перестал крутить, значит — ты уже тормозишь. Я — кручу. Женя на взрослом велосипеде — он уже ездит не под рамой, а дотягивается до педалей, хотя еще с трудом. Он уезжает далеко вперед, возвращается, чтобы посмотреть на меня и братьев, которые бегут рядом со мной. У Коли — обруч, который он катит по улице с помощью изогнутой жесткой проволоки с ручкой, приделанной для удобства дядей Юрой. У Вовки — колесо от моего велосипеда, третье, снятое за ненадобностью. Дядя Юра, чтобы колесо не убежало от Вовки, закрепил проволоку внутри оси, и он может катить его сколько угодно.

А вот у меня поломка — снова предательски спадает цепь. Обычно ее надевает обратно кто-нибудь из взрослых — дядя Володя, дядя Юра или деда. Но тут братья предлагают мне свои услуги. Делать этого они

пока не умеют, лишь видели, как делают другие, но у меня нет выбо-ра — я доверяю им свой велик.

Пока братья пытаются натянуть цепь на шестеренку, возвращается Женя. Он быстро исправляет ситуацию и снова устремляется на велосипеде куда-то далеко, в начало улицы, где финиш; это старый деревянный сарай, стоящий прямо посередине дороги, — в нем принимают утиль: старые тряпки, макулатуру и кости. Он почти всегда закрыт — хозяин на телеге, запряженной старой лошастью, ездит по улицам, выкрикивая:

— Кости, тряпки берем! Кости, тряпки, макулатура!

Обычно эти выкрики взбадривали не только ребятишек, но и их мам и бабушек. Они вынимали приготовленное старье, чтобы обменять его на дефицитную бельевую резинку, а сверх того одарить ребятишек глиняными свистульками и шариками с пикушками. После отъезда старьевщика улица еще долго оглашалась пронзительным свистом и писком, пока не лопались шарики. Но и тогда кусочки резины, оставшиеся от шарика, умельцы натягивали на катушку из-под ниток, завязывали крепко теми же нитками, и свист получался еще пронзительней!

Улица заливалась соловьиными трелями, когда приезжал старьевщик, а также когда отцветала акация и на ее ветках появлялись плотные стручки, из которых мы тоже делали свистульки.

Я не доезжаю до старого сарая, потому что Женя велит возвращаться домой. Я послушно разворачиваюсь, не слезая с велосипеда, и следую за дядей. Мальчишки — тоже.

За Женей я готова ехать даже на край света. Когда меня увозят погостить к маме, я по нему скучаю больше всех.

Мама в нашем доме редкий гость — она то учится в Челябинске, куда меня везут повидаться с ней, то еще где-то, а вот теперь она уехала на целину. Я уже не раз ездила к ней в гости. Было интересно, только не хватало Жени. И вообще я там скучала о доме, бабушке и маме. Иногда, зимой, выходя на улицу, где ничего не было видно — всюду заснеженная степь, я прислушивалась, и мне казалось, что я слышу, как далеко, в Кургане, звякнула щеколда на уличных дверях: это деда вышел во двор убрать снег или набрать поленьев для печи...

Целинный поселок состоял из вагончиков — самые настоящие улицы из вагончиков. Не пассажирских — обычных товарных, приспособленных для жилья. В них живут люди — строители, которые строят поселки, железнодорожники, которые обслуживают станцию. В таком вагончике живет и моя мама. С ней живет тетя Ася и ее дочь — Тамара. Она намного старше меня и, на мой взгляд, очень красивая. У нее белокурые пушистые волосы, которые ложатся на спину тугой длинной косой. Мы с Тамарой иногда вместе ходим куда-то за молоком: кто-то держит корову. Молоко горькое: в степи много полыни, но все же — молоко. Как Тамара ориентируется в степи, для меня загадка: ведь куда ни глянь — степь, ковыль и перекасти-поле! По крайней мере, мне ничего больше не видно.

Между вагончиками, прямо на улице, сложены печи — летом на них готовят еду, а еще для ребятишек пекут картошку. Черная, в золе, посыпанная крупной солью, обжигаящая руки и язык, она все равно остается самым любимым блюдом моего детства.

Летом в вагончиках никто не сидит — все на воздухе: на крыльце, на улице. Настоящий ажиотаж наступает, когда приезжают вагон-лавка, вагон-баня и вагон-клуб.

Я навсегда запомнила фильм «Убийство на улице Данте», потому что смотрела его в вагоне-клубе. Народа было очень много, приходили и местные жители, которые жили где-то в степи, в селах.

Вагон-баня — это тоже радость: помыться не в тазике, а в настоящей бане, не жалея воды.

Но наибольшей популярностью пользовался вагон-лавка. Его ждали с особым нетерпением — других магазинов у целинников не было, разве кто-нибудь ехал в районный центр по делам, тогда ему делали заказы.

Чкалов, 1941 год

Галя уже знала, что вагоны бывают мягкими, жесткими, купейными — она уже много поездила с родителями по стране. Поездку в товарном вагоне из Белостока забыть было невозможно, поэтому ее интересовал вопрос, который задать маме она все же не решалась: в каком вагоне они поедут теперь?

Ульяновы снова собирались в дорогу. На выделенную колхозом подводу грузили их нехитрый скарб и то, что успели нажить за месяц пребывания в Александровке: муки накопился целый мешок, сухарей насушили больше полмешка. Все это разделили пополам, на две семьи. Погрузив детей, мама взяла на руки завернутую в одеяло Людочку и тоже села на подводу. Тетя Вера, пока не перебрались через реку, шла рядом.

Накануне Галина мама ходила к председателю колхоза, поблагодарила за оказанный прием, объяснила, что надо искать детей, мужа. Здесь, в Александровке, это очень трудно делать. Да и как зимовать в избе, не имея дров, невозможно было представить. Печи топили кизяком, за которым тоже была очередь. Семья решила ехать в Чкалов*. У мамы на руках уже был аттестат, за которым она после родов ездила в Дергачи. Благодаря аттестату офицерские жены могли получать часть офицерского жалования. А в Чкалове у мамы были родственники. Не бросят же в такое время, думала мама.

На вокзале в ожидании поезда установилось тягостное молчание: сестры расставались, тетя Вера с детьми решила вернуться в Фергану.

Стоя у вагона, сестры обнялись, понимая, что следующая их встреча состоится, если вообще состоится, не скоро. Ни у той, ни у другой не было адреса, чтобы сказать: «Напиши мне, как устроишься...» Но у тети Веры конечный пункт назначения был известен — Фергана.

* В 1938—1957 годах так назывался Оренбург.

— Нюся, вы как устроитесь, напиши мне на старый адрес, он у тебя сохранился? Если даже Васи уже нет и там кто-то другой живет, я накажу им и буду забегать, узнавать.

Дети помахали друг другу — Галя с Володей из окна вагона, Боря и Люда — стоя на перроне, с грустью взявшись за руки. Им еще предстоял очень далекий путь.

Слабенький и тихий Боря не дожидается конца войны, заболит малярией и умрет, а Галя всю жизнь будет помнить его разные ботинки и их прощанье на перроне...

Паровоз, попыхтев, дал длинный гудок, и по вагонам пробежала дрожь, а затем поезд медленно начал набирать скорость. Ехали в обычном пассажирском вагоне. Народа было много, но все равно лучше, чем в товарном, да и ехать недалеко. И вскоре Галя, держа за руку Володю, опять стояла на перроне. Они приехали в Чкалов.

Выйдя из вагона, мама вручила Гале сверток с младшей сестричкой и вернулась за вещами, которые за несколько раз наконец выгрузила к ногам детей.

Надо сказать, что в это время не только Ульяновы стремились в Чкалов. Туда прибывали эшелоны с эвакуированными заводами, стремительно превращая небольшой город в промышленный центр.

На вокзале было многолюдно, мелькали люди в военной форме. Найдя носильщика и погрузив вещи на тележку, мать вместе с детьми отправилась в зал ожидания, но он был безнадежно переполнен.

Было принято решение расположиться в привокзальном скверике, благо было лето и стояла жара.

Расположив поудобнее детей, подсобрав компактнее вещи, мама посадила Галю и Володю на узлы, наказала держаться вместе, никуда не уходить. Сама, взяв на руки малышку, отправилась искать родственников.

Поиски родни увенчались успехом только на четвертые сутки — три ночи семья ночевала в скверике, питалась всухомятку и жила надеждой. Всюду на вопрос о родственниках Галя слышала один ответ: умерли. Кто скончался еще задолго до войны, кого-то не стало совсем недавно. Наконец, уже без всякой надежды, она отправилась туда, где когда-то жила ее тетка, уже совсем пожилая. Застать ее в живых мама точно не предполагала, но на этот раз сама тетка и открыла дверь. Увидев племянницу с младенцем на руках, она воскликнула:

— Нюська, ты откуда здесь взялась?

Услышав краткий рассказ, поняв обстановку, она, глядя на младенца, угрюмо произнесла:

— И чего ты ее не задушила? Будет мучиться, и ты вместе с ней.

Дочери тетки схватили ребенка, побежали греть воду, собираясь купать малышку, а еще какая-то родственница, взяв где-то повозку, запряженную ишаком, отправилась с Нюсей за вещами и детьми в привокзальный скверик.

Родственники освободили небольшую, без окон, комнатку, что-то вроде кладовки, где Ульяновым предстояло начать новую страницу их жизни в период войны.

Курган, ул. 8 Марта, 1950-е годы

Конец лета, Женю начинают собирать в школу. У него новая форма — гимнастерка, ремень. На пряжке листья лавра и буква «Ш» на фоне лучей солнца, видимо — света знаний. Новый портфель Женя упорно не хочет, считает, что с папиной полевой сумкой, которую можно надеть через плечо, ходить в школу гораздо удобнее. И вообще в школу Жека ходит потому, что так надо. Учиться в школе ему не очень нравится. Он далеко не самый прилежный школьник. В его учебниках почти все портреты писателей и ученых разрисованы: у кого-то подрисованы очки, у кого-то борода и рожки. Мне это ужасно нравится, и я тоже хочу в школу, хочу рисовать в учебниках, хочу выводить двойки из дневника, как это делает иногда Женя, хочу, чтобы меня вызывали к директору...

Я уже неоднократно была в школе, где учится Женя, и даже видела директора. Бабушка там занималась с детьми, ставила к празднику танцы, в которых я принимала участие с трех лет, ну и Женя, конечно, тоже был главным плясуном, по моему, конечно, мнению.

Вообще, школа в те времена была настоящим культурным центром. Помню полный зал зрителей и артистов-школьников, выступающих на фоне задника с нарисованным на нем паровозом — школа была железнодорожная. С этой сцены я, еще совсем маленькая, услышала потрясший меня монолог Наташи Ростовской, прочитанный одной школьницей.

В школе был свой приусадебный участок и даже теплица. А в Новый год возле школы устраивали каток с большой елкой посередине. Елку украшали школьники, и все ходили к ней, чтобы рассмотреть сделанные своими руками игрушки и определить самые лучшие.

Покровка — Чкалов, 1941 год

Осенью сорок первого года Галя в школу не пошла — надо было помогать маме. Приходилось ходить за детским питанием, отстаивать очередь за хлебом. Галина мама успела сходить в какие-то важные учреждения, подать заявление на поиск детей и мужа. В конце октября, поняв, что жить в кладовке с тремя детьми не просто, мама снова приняла решение ехать в деревню, в колхоз.

Они уехали в Покровку, где поселились в маленьком домике — с хозяйкой, глубокой старушкой, которая спала за печкой, уступив Гале теплое место на печке. Но жить в Покровке Ульяновым пришлось недолго.

Как-то ноябрьским вечером мама собиралась купать Людочку. Галя держала ее на руках, Володя стоял рядом с простынькой, чтобы завернуть сестренку после купания. Вдруг кто-то постучал в окно. Хозяйка вышла на крыльцо и через некоторое время вернулась в дом с военным.

— Я вам гостя привела...

Все повернули головы к двери. Рядом с хозяйкой стоял папа. Галя вместе с Людой бросилась к отцу, а у мамы подкосились ноги, она едва не села тут же, возле табуретки с тазом, — папа подхватил ее:

— Нюра, ну наконец-то!

— Коля! Как ты нас нашел? — У мамы полились слезы.

— Папа, папа, — повторял Володя, прижавшись к ногам отца.

— Папа, ты был на войне? — с любопытством спросила Галя.

— Был, доча, был на войне, выбирался пять месяцев из окружения.

Нюра, я за вами приехал, я теперь в Чкалове.

— Ну, в ночь-то куда? Собраться же надо. Утром соберемся и поедем. Ты с подводой? На дочку-то посмотри, Людой назвали.

Папа разделся, помог маме искупать малышку, которая единственная не понимала радостного момента. Дети висели на отце, но все же ушли спать по настоянию взрослых, а их родители сели у стола, чтобы рассказать друг другу обо всем произошедшем за эти месяцы.

Мама все время плакала — жутко было вспоминать обстреливаемые вагоны, мертвых и раненых. По прошествии времени все пережитое казалось еще страшнее и ужасней.

Папа рассказал, как оказался в тылу врага и выбирался с сослуживцами из окружения. Часть архивных документов была сожжена, часть отправлена обозами в Москву. Он так и не узнал про судьбу этих обозов... Добравшись наконец до Москвы, папа выяснил, что поезд, отправленный из Белостока, до нее не дошел. Мысли были самые страшные — поезд попал под бомбежку... И мальчишки неизвестно где. Но один из сослуживцев посоветовал:

— Узнай, куда аттестат перечисляют.

Оказалось — в Чкалов. Его и отправили служить в Чкалов...

Галя, пока не спала, слушала родителей, которые сидели обнявшись, держа друг друга за руки, и думала о том, что было бы здорово, если бы в дом вошли еще и братья...

Утром семья снова погрузила свои нехитрые пожитки на подводу и отправилась обратно в Чкалов. Там их уже ждала приготовленная комната в полуподвальном помещении, но с окнами и довольно просторная. Мама со свойственным ей умением навела порядок и даже некоторый уют — она умела это делать.

Дом этот на углу улиц 9 Января и Володарского в 1995 году еще стоял на месте, и в нем жили люди. А когда я возвращалась из Оренбурга домой, в моем купе оказалась женщина, которая когда-то жила в этом доме. Тесен мир...

Я посетила и парк со старой мечетью. Через этот парк Гале (моей маме) приходилось ходить за хлебом. В холодную зиму она стояла в очереди, боясь отойти, чтобы не потерять ее. И, уже с хлебом в руках, она не успевала добежать даже до парка — по ногам предательски бежала горячая струйка, которая была горячей только мгновение, а потом штаны вставляли колом на морозе, и домой она шла расстроенная, широко расставляя ноги, торопясь попасть в тепло.

В девяностые парк зарос бурьяном, который никто не собирался косить, но мечеть, про которую рассказывала мама, сохранилась.

Службы в ней не шли, но служитель был. Запустил меня внутрь и дал полюбоваться сохранившимися узорами.

В те дни я шла по маршруту маминого детства, вернее, по маленькому отрезку этого пути.

Курган, ул. 8 Марта, 1950-е годы

У меня скоро день рождения. Я еще в том возрасте, что не знаю ни месяца, ни числа, но интуиция моя уже говорит: скоро!

Уже распилены, расколоты и сложены в поленницы все заготовленные на зиму дрова. Я тоже помогала пилить — меня сажают на бревно, когда его распиливают на чурбаки. Сидеть интересно только сначала — дядя Володя и дед подшучивают, усаживая меня, а потом увлекаются работой, а я со стороны наблюдаю, как мои братья перекатывают чурбаки подальше от козел.

С деревьев уже опали листья, на клумбах остались одни хризантемы и октябринки. Уже холодно, и вот-вот должен выпасть первый снежок. Так всегда бывает перед моим днем рождения.

На прошлой неделе солили капусту. Люда, бабушка и тетя Маруся резали морковь, резали упругие кочаны, солили, мяли и складывали капусту в кадушку. Мы с мальчишками крутились здесь же, обедаясь кочерыжками. Когда я была совсем маленькая, мне мыли ноги и ставили в кадушку, заставляя топтать капусту, но теперь я уже выросла.

Люда шинковала капусту и пела. Она всегда пела — когда делала уборку в доме, когда полола грядки, когда смотрелась в зеркало. И те песни, которые я знаю, — знаю благодаря Люде. Правда, закончить песню Люде никогда не давали, да она от этого не страдала, начиная каждый раз новую. Процессом всегда руководила бабушка, она вообще в нашем доме самая главная. Засолка капусты всегда заканчивалась капустными пирогами. День рождения приближается с каждым днем.

А сегодня в доме запахло войлоком, дратвой — дед приводит нашу зимнюю обувь в порядок. Он ловко и красиво подшивает валенки, чинит ботинки. У него вообще получается все, за что берется. Сыновья пошли в него — и дядя Володя, и дядя Юра, и Женя — тоже мастера на все руки. А дядя Володя еще и музыкант от бога. Самоучка, ни одной ноты не знает, но, когда берет в руки баян, можно подумать, что настоящий музыкант. Он еще в детстве научился играть на гармошке, и все музыкальное сопровождение концертов и спектаклей, которые организовывала его мама, моя бабушка, лежало на нем.

Женя проводит вечера за работой — что-то сосредоточенно выпивает лобзиком, что-то красивое, ажурное. На мои вопросы отвечает нехотя:

— В кружке задали.

Бабушка тоже занята делом — шьет для какой-то девочки красивое платье. Я знаю, что красивое, потому что его мерили на меня — девочка такого же роста.

Люда, с ногами на диване, что-то увлеченно читает. Коля и Вовка на своей половине.

Я слоняюсь между занятыми делом людьми, не зная — чем бы заняться мне?

Я подсаживаюсь поближе к радио и начинаю подпевать:

— Только у любимой могут быть такие необыкновенные глаза...

Потом по заявке какой-то радиослушательницы исполняют песню из кинофильма «Стрекоза». Фильм я не смотрела, но песню из него исполняют часто: «Вы пушистые комочки, мои будущие квочки...»

Услышав, Люда тут же вскакивает, тоже начинает подпевать и кружит меня в импровизированном танце! Ну наконец-то кому-то есть до меня дело!

Во время нашего с Людой бурного веселья приходит дядя Юра и сообщает, что через несколько минут состоится суд над Вовкой. Себя он назначил прокурором, но еще надо выбрать судью и адвоката.

Судьей назначается бабушка, адвокатом выбирают Люду с ее добрым сердцем.

Все бросают свои дела, кроме дедушки, — ему разрешено присутствовать на процессе в качестве зрителя с делом, которое отлагательства не терпит. Комната превращается в зал суда, где в центре — скамья подсудимых, на которую сажают Вовку с поникшей головой.

Дядя Юра (уже в качестве прокурора-обвинителя) докладывает о содеянном моим двоюродным братом.

— Уважаемый судья, хочу сообщить, что Вовуна, Владимир Юрьевич Ульянов, — поправляется он, — обвиняется в том, что не ценит чужой труд и не бережет материальные ценности. Сегодня днем он расстелил на колоде свой носовой платок, который сшила и на котором вышила метку его мама, и изрубил его топором. Считаю, что его нужно приговорить к двум часам стояния в углу и на завтра заключить его под арест, то есть оставить без прогулки — ему на улице даже нечем будет сопли вытереть.

Бабушка вступает в игру:

— Суд хотел бы заслушать обвиняемого. Расскажи-ка нам, Владимир Юрьевич, как ты дошел до жизни такой?

Бедный Вовка пыхтит, сопит, не до конца понимая — то ли это игра, то ли это все по-настоящему.

— Я просто хотел проверить — острый топор или нет.

— Товарищ судья, разрешите? — тянет руку Люда-адвокат.

— Говорите, — разрешает судья.

— Мне кажется, что наш подсудимый просто очень любопытный человек. Возможно, его ждет будущее ученого-испытателя. Он уже теперь проводит опыты! Его интересуют неведомые стороны жизни. И то, что Владимир Юрьевич пытается ответить себе на интересующие вопросы, говорит о его стремлении к знаниям. Во время научных опытов всегда приходится чем-то жертвовать. В данном случае — носовым платком. Считаю, что мой подсудимый ни в чем не виноват, наоборот, заслуживает поощрения за любознательность. У меня все.

— Спасибо, — произносит судья. — Еще кто-то хочет что-нибудь сказать?

— Считаю, что арест — это очень строгое наказание, — встает с места Женя. — У меня много носовых платков, могу ему подарить один — сопلي вытирать. Но свежим воздухом детям надо дышать каждый день.

— Для оглашения судебного приговора прошу всех встать, — ведет процесс бабушка.

Все встают. Оглядываясь на всех, поднимается и Вовка.

— Суд постановил: признать Владимира Юрьевича Ульянова виновным в порче имущества, созданного руками его мамы, а потому подсудимый должен: первое, попросить у мамы прощения, второе, пройти курсы по изготовлению носовых платков и сделать два платка своими собственными руками... Подсудимый, первый пункт приговора можете исполнить.

Вовка смотрит на всех округлившимися глазами, не сразу понимая, что он должен сделать, но Люда приходит ему на помощь:

— Иди к маме, проси прощения.

А Вовкина мама, тетя Маруся, надо сказать, уже манит его глазами и руки к нему протягивает, чтобы поймать на бегу. Вовка бросается к ней, обнимает ее и срывающимся голосом говорит:

— Я больше не бу-у-уду, честное слово, не буду так делать...

— Ну а теперь, — завершает бабушка процесс, — накрываем на стол, будем пить чай!

Все поднимаются с мест, обсуждая справедливость приговора и расставляя стулья вокруг нашего большого стола, на котором уже появились бокалы и бокальчики — у каждого свой. Мы снова просто семья, и то, что Вовка только что был подсудимым, уже ничего не значит. Он равный среди равных.

Чкалов — Лунинец, 1940-е годы

Осенью сорок второго Галя снова пошла в школу. Мама сшила ей платье, что-то вроде формы, — она была человеком жестких правил. В школу нужно ходить в форме и фартуке. Зимой носить одежду из теплых тканей, но не из ситца, который хорош летом. Всю жизнь я помню эти правила моей бабушки, они распространялись и на меня.

Люда уже подросла, уже ходила и даже что-то лопотала, рос и Володя, и оба они каждый день ждали Галиного возвращения из школы. На большой перемене детям давали четверть кусочка хлеба, на который высыпалась кофейная ложечка сахара. Как только учительница заходила в класс с подносом, начиналось шуршание — все дети делали кулечки из приготовленных бумажек и ссыпали в них сахар с кусочков, чтобы отнести его домой, младшим. Галя тоже приносила сахар, его высыпали на блюдечко, и Володя с Людой макали в него хлеб. Сахар в годы войны был роскошью, которой взрослые не знали. Чай с сахаром могли пить только дети, причем младшие. Галя довольствовалась тем, что оставалось на кусточке после того, как она ссыпала сахар в кулечек.

Хлопот у Гали хватало: уроки, стояние в очереди за хлебом и, конечно, надо было заниматься с младшими. Мама брала заказы, шила мод-

ницам, которые есть во все времена, наряды, зарабатывая таким образом лишнюю порцию крупы или муки.

Когда бабушка рассказывала мне, что в войну не столько продавали и покупали, сколько меняли, я никак не могла понять: кто же устанавливал правильность такого обмена? Как отрез ткани может стоить пять яиц, а красивое крепдешиновое платье — полбулки ржаного хлеба?

В девяностые страна снова приблизится к принципу обмена, который теперь назовут «бартер», тогда станет понятно, что равноценного обмена не происходило никогда, кто-то обязательно был в проигрыше.

В марте сорок четвертого с Галиного папы сняли «бронь» и отправили на фронт — войска НКВД несли гарнизонную службу в освобожденных районах, охраняли железные дороги, военные заводы и другие важнейшие объекты, конвоировали военнопленных, вели борьбу с бандитизмом.

Десятого июля в Москве был дан салют в честь освобождения Лунинца — небольшого белорусского городка, который был в оккупации ровно три года. Городка, который, по сути, был превращен оккупантами в гетто с последующим зверским уничтожением еврейского населения от мала до велика.

В октябре папу оставили служить в Лунинце. Белосток вернули Польше, но мальчики, если живы, все равно будут искать семью где-то в западной части страны, да и у папы с мамой было больше возможности найти здесь знакомых, чьи дети тоже были в том злополучном лагере.

За семьей Ульяновых в Чкалов приехал молодой сержант, который организовал билеты, помог с вещами и во время всего пути заботился о семье как о своей, бегая на станциях за кипятком или еще по каким-то делам.

Семья снова проделала почти тот же самый путь по стране, что и летом 41-го, только в обратном направлении. Правда, за окнами вагона теперь картина была совсем другая. Следы войны были повсюду. Городская архитектура напоминала о себе теперь только остовами сожженных и разбитых бомбами зданий, а вместо деревень зачастую видны были только печные трубы. На станциях было много военных, и настроение у всех было приподнятое: наши войска освободили уже всю территорию страны. Пассажирский поезд, в котором ехали Ульяновы, иногда загоняли в тупик — пропуская вперед спешащие на фронт составы с техникой...

Следов разрушения в Лунинце было чуть меньше, чем в городах, которые Ульяновы проезжали по пути к нему. Немцы покидали город в спешке, но целым осталось немногое: часть здания вокзала, стадион с сожженными трибунами, школа. Вокруг было много разбитых, исковерканных орудий, а целые патроны мальчишки собирали еще не один год.

Галя в Лунинце сразу пошла в школу, которая оказалась переполненной. Зато Галя была в курсе всех происходящих событий, которые в

школе активно обсуждались. Из школы, например, исчез учитель — тихий, казалось, безобидный, но выяснилось, что во время оккупации он сотрудничал с немцами и по его доносам были расстреляны семь партизан. Больше его в школе не видели.

Но случалось и так, что исчезнувшие люди возвращались обратно, и все облегченно вздыхали: разобрались.

Жизнь Ульяновых начала налаживаться. Их поселили в небольшом крестовом домике на две половины — во второй жили военные. Ульяновы заняли часть, состоящую из одной комнаты и кухни. Во время оккупации здесь жили немцы, которые в спешке забирали лишь самое необходимое и ценное. Вот почему долгое время в нашей семье оставались вещи немецкого производства.

Ремонт в квартире делали пленные немцы. Делали качественно, не халтурили. Галя смотрела на этих тихих работающих «гансов», которые показывали ей фотографии своих детей, и не могла представить их с автоматами в руках, стреляющими в наших солдат, женщин и детей. Они не походили на убийц. Ей даже было жаль их.

Сегодня я знаю о том, как наши русские женщины, нахлебавшиеся во время войны и голода, и холода, и потерь, старались дать пленным фашистам хлеба и какую-то другую нехитрую еду, когда тех вели через полуразрушенные города и деревни. Охранники же часто делали вид, что не замечают этого... Чем объяснить это умение нашего народа быть милосердным, не пинать лежачего?..

Перед Новым годом дети клеили гирлянды, вырезали снежинки. Мама колдовала с ватой и крахмалом, что-то шила. Володя осваивал гармошку — пока детскую, но и на ней он уже мог подобрать кое-какой аккомпанемент.

Папа приходил поздно, усталый — бандеровцы не хотели сдаваться, совершали налеты на мирных жителей. Радио же передавало бодрящие сводки от Совинформбюро: наши войска вели упорные бои в Чехословакии, Венгрии.

Уже было понятно, что война скоро кончится, а потому становилось особенно жаль погибавших в это время людей, которых, конечно же, ждали дома — мамы, жены, дети...

Но в Новый год в семье Ульяновых все равно был праздник. Люду нарядили Новым, 1945 Годом, а то, что было ватой, с помощью крахмала превратилось в опушку маленькой шапочки Нового Года. Володя взял в руки гармошку, а все остальные водили хоровод. Потом мама принесла небольшой мешочек, украшенный звездами из фольги.

— Я сегодня на улице Деда Мороза встретила, он у меня спросил — не знаю ли я мальчика Володю и девочек Галю и Люду? Я ему сказала, что не только знаю, но это мои дети! «Довольна ли ты своими детьми? — спросил он у меня. — Хорошее ли у них поведение?» Я, конечно, не стала рассказывать про Галину двойку и про то, что Володя разбил

папину пепельницу — с кем не бывает. А вообще дети у меня очень хорошие. Тогда Дед Мороз обрадовался и дал мне этот мешок, чтобы я передала его вам!

В мешке лежали красивые ленточки для Гали, кукла-матрешка для Люды и дудочка для Володи, а еще всем полагалось по кулечку сладких конфет-подушечек... Были в этом мешочке Деда Мороза еще два подарка — для мальчиков, которых в семье ждали и надеялись найти.

Последний запрос в надежде найти Геннадия я отправляла уже в 2006 году, в передачу «Жди меня».

Курган, ул. 8 Марта, 1950-е годы

Проснувшись утром, я вижу на стуле нарядное платье, которое бабушка шила для неизвестной девочки, а рядом красивый ажурный столик для куклы. Это его выпиливал Женья! Только столик стоит уже собранный, покрытый лаком — краси-и-ивый! Я понимаю, что день рождения наступил! Это подарки для меня! Мне хочется закричать: «Вы меня обманули, так нечестно!»

Но понимаю, что глупо обижаться, если тебе хотели сделать сюрприз и он получился.

Из кухни доносятся тихие голоса. Я в ночной рубашке, босиком осторожно выхожу на кухню. Там сидят бабушка и мама!

— Мама приехала! — восклицаю я так громко, что, мне кажется, вся улица теперь знает: ко мне на день рождения приехала мама! Я бросаюсь к ней в объятия и сама крепко-крепко обнимаю ее за шею.

— Ты погостить? — спрашиваю я.

— Да нет, завтра обратно. Я к тебе на день рождения приехала, вот подарок привезла. — И мама подает мне большую плоскую коробку. В ней кукла с приданым. Красивое шелковое одеяльце с пододеяльником на пуговках, подушечка в кружевной наволочке, матрасик и маленький чайный сервиз в цветочек из тоненького фарфора. Чашечки с блюдцами, молочник, чайничек — все настоящее и такое хрупкое! (Нельзя, чтобы эти чашечки попали в руки братьев, — точно разобьют.) И, конечно, сама кукла — говорящая белокурая красавица с закрывающимися глазами.

Я снова бросаюсь маме на шею. Спасибо!

Я, уже в новом платье, налюбовавшись подарками, расставив новенький сервиз на новеньком столике, мучаюсь, ожидая, когда Женья вернется из школы. Все время смотрю на часы — они в нашей семье с сорок четвертого, их тоже оставили в квартире, которую занимали Ульяновы в Лунинце. Цифры на циферблате — римские, я их еще не знаю, а время определяю по бою часов. Еще только двенадцать.

Наконец, приходит Женья с маленьким букетиком октябринок — голубеньких цветочков, оставшихся в нашем палисаднике. Дарить цветы — тоже правило бабушки, которое она старается привить мальчишкам. Собственно, она сама и приготовила этот букетик, Женья только подарил.

Бабушка накрывает на стол, зовет моих братьев, которые в попытках ничего не натворить лишней раз не показываются на глаза, чтобы вечером вместе со всеми оказаться за праздничным столом. Праздновать надо всей семьей, а потому обед у нас полупраздничный — праздничным будет ужин, когда соберутся все, кто сейчас в училище, на заводе, на работе. И мама — ее приезд для всех большой сюрприз.

Братья Коля и Вова опять в некотором роде в опале. Вчера у нас был вечер «сатиры и юмора» — так объявил дядя Юра. Он, лежа на спине, из мальчишеских пальтишек и шапок соорудил двух человечков и разыграл целый спектакль о том, как два друга — Гаврила и Колян — стащили у взрослых спички и папиросы, спрятались в укромное, как им казалось, место и закурили...

Пойманы они были с поличным. Мало того, что Кольке надрали уши, но вся семья вечером смеялась над незадачливыми курильщиками и аплодировала дяде Юре.

Когда спектакль закончился, всем тоже захотелось попробовать себя в качестве артиста-кукольника, но ни у кого ничего не получилось из того, что мог дядя Юра.

Вечером стол накрывается празднично — белая скатерть, накрахмаленные салфетки, ножи, вилки. Графинчик для взрослых и кувшин с компотом для детей. За столом шумно, все поздравляют меня, и каждый приготовил что-то в подарок: книжку, красивого петуха из папье-маше, который кукарекает, как настоящий, маленький зонтик от солнца и раскладную коляску для куклы. Кукла у меня большая, на ней надето бывшее мое платье. Она довольно тяжелая, а в коляске возить ее будет очень удобно. Правда, теперь у меня есть еще одна кукла-красавица, да еще с приданным!

Когда все справляются с горячим — наше любимое блюдо, приготовленный бабушкой бефстроганов с жареной картошкой, — на столе появляется торт! Нет, не магазинный, а наш, который только бабушка умеет готовить и всегда печет по праздникам! В нем очень много коржей, смазанных заварным кремом... У меня снова удивление — когда бабушка успела испечь торт? Испечь так, чтобы я даже не увидела! И кто доедал оставшийся крем? Я даже подумать не могла, что еще и торт будет!

А бабушка с Людой (мама в качестве гостыи) уже раздают тарелочки и ложечки для торта и расставляют вазочки с вареньем, розеточки, праздничные чашки — только деда пьет чай неизменно из своего большого бокала... Бабушка почти не сидит за столом: ее место всегда поближе к двери — принести, подать, убрать со стола лишнее.

Наконец, отодвинувшись от стола, дядя Володя берет в руки баян:
— Ну что, именинница, покажем класс?

Я не заставляю себя уговаривать и под первые аккорды полечки, которую для меня начинает играть дядя Володя, быстро устремляюсь в круг. Я кружусь, «вывязываю» веревочку, делаю топотушки — в общем, демонстрирую все, чему меня научила бабушка, и даже больше. Все остальные поддерживают меня хлопками. Я счастлива — все мои любимые люди со мной, даже мама, а я — в центре всеобщего внимания и любви.

Я вижу, как бабушка легонько подталкивает Женю, чтобы он сменил меня в кругу, — я уже слегка подустала.

Женя выходит сразу впрысядку: делает несколько прыжков вокруг меня, а когда я отодвигаюсь в сторону, начинает крутить колесо — это у него получается здорово! Мы все прижались к стенкам, а он, опираясь руками о пол, все крутит и крутит... После Жени на круг вышел дядя Юра с сыновьями, которые проказничали лучше, чем танцевали...

Потом мама берет меня на руки, и мы с ней танцуем вальс, вернее, танцует мама, а я просто сижу у нее на руках и целую ее в губы. Губы у мамы накрашены помадой, и я тоже хочу быть с накрашенными губами. Я целую маму и, показывая на свои губы, спрашиваю:

— Красные?

— Красные, — подтверждает мама и тоже целует меня в губы, чтобы усилить эффект от помады.

Когда все немного утомились от танцев, взрослые затянули песни.

Песни в то время были напевными, красивыми. Дети притихли, слушающая, как «расцвела под окошком белоснежная вишня», как «кто-то с горочки спустился» и еще много прекрасных, но грустных песен. Разрядил обстановку снова дядя Юра — он вдруг запел какие-то блатные куплеты, которые слышал, когда бродяжничал. Я не помню их содержания, но они были смешными и нелепыми. Дядя Юра вообще умел смешить, обладал огромным чувством юмора и обаянием...

Я уже засыпала, а из кухни слышались голоса бабушки и мамы — они домывали посуду. Завтра, когда я проснусь, мама уже будет ехать в поезде. Праздник кончился...

У Жени ангина. У меня температура, кашель. У нас постельный режим. Мы лежим в разных комнатах, вставать нам запрещено, Люда и бабушка, следя за лечением, только передают нам сводки о состоянии друг друга и приветы.

Колька с Вовкой к нам не ходят, вернее им не разрешают нас навещать, чтобы они от нас не заразились. Поэтому они иногда заглядывают в мое окно с улицы и корчат, как им кажется, смешные рожи. Покривлявшись перед моим окном, они идут веселить Женю — ему тоже скучно.

Но вот наконец-то дело пошло на улучшение, и, чтобы проветрить мою комнату, меня заворачивают, как младенца, в одеяло и несут в комнату к Жене! Он уже сидит на диване таким же запеленатым младенцем — ему перестылают постель. Мы не можем вынуть рук и дотронуться друг до друга, но оттого, что мы рядом, счастье переполняет нас. Мы смотрим друг на друга, растянув свои рты в неконтролируемой улыбке.

— Ты уже стала меньше кашлять, — говорит Женя. — Не так часто слышно.

— А у тебя сильно болит горло? Ты уже можешь глотать?

— Теперь могу, теперь уже почти не больно.

— Я так соскучилась, — говорю я. — Скоро Новый год, а мы еще ничего не приготовили. Ты будешь на школьную елку делать игрушки?

— Не знаю, если успею, конечно, буду

— А что ты будешь делать, уже придумал? — не унимаюсь я.

— Нет еще, надо подумать, — успокаивает Женя. — Скоро нам вставать разрешат. Если на улицу не пустят, вот и будем дома сидеть и мастерить гирлянды, игрушки.

— Снежинки-то, конечно, можно вырезать, — говорю я. — Мне так хочется вырезать красивую, настоящую снежинку, но они у меня пока не получаются, но вдруг в этом году уже получатся?

Тут наш разговор прерывается, меня несут в мою свежую, проверенную комнату, в которой я снова остаюсь одна, но счастья короткого свидания с Жекой мне хватит, чтобы дотерпеть до конца болезни. Делать мне в постели нечего, и я прислушиваюсь к радио, которое никогда не выключается.

Радио, на мой взгляд, — одно из самых замечательных изобретений, ведь это настоящее окно в мир. Мои любимые передачи даже не «Угадайка» и не «Пионерская зорька», которые я тоже слушаю с удовольствием. Но люблю я «Театр у микрофона».

Благодаря радио я узнала оперетты Кальмана и полюбила спектакль «Принцесса Турандот» в исполнении артистов театра имени Е. Вахтангова, узнала «Иркутскую историю» и про то, как строили «Город на заре». Я переживала за «Барабанщицу» и никак не могла понять: почему Братцу Кролику не живется мирно? Зачем он все время делает пакости?

Это радио познакомило меня с Пиаф и ее песнями, от которых бежали мурашки по спине. Это радио объяснило мне, что «мы в ответе за тех, кого приручили». Это радио голосом Виктора Татарского рассказывало невероятные, но жизненные истории, в заключение которых звучала песня, которую кто-то из слушателей разыскивал. Слушая эти истории, я думала о том, что со мной ничего невероятного произойти не может, да и все песни к тому моменту, когда повзрослею, уже найдут...

Очень часто в пятидесятые годы звучал про радио хор ансамбля имени Александрова, а еще читали про неунывающего солдата Теркина.

Я пока не умела читать, и радио помогало мне знакомиться с этим неизведанным миром, который находился за пределами улицы 8 Марта.

Женя же любил книжки. Он читал «про войну», детективы, приключения. Он читал, когда садился есть, читал под одеялом с фонариком. Он читал всегда и много. Даже когда совсем ослеп, он слушал записи книг. Ему не надоедали традиционные сюжеты, он следил за судьбами героев и, как в подростковом возрасте, переживал за них.

Кроме радио в семье еще были журналы — у каждого свой. Жене выписывали что-то про технику, про то, как устроено радио. Я должна была читать «Мурзилку», бабушка выписывала журнал «Работница», а дедушка читал «Крокодил», который я тоже любила, собственно, по нему я и читать научилась. Подписи под карикатурами были короткие, и, когда кто-нибудь при мне читал их вслух, я просто запоминала, как выглядит слово, и повторяла потом, делая вид, что читаю. Потом научилась комбинировать, а в итоге, когда пришла пора мне идти в школу, всех очень удивило, что я умею читать.

Женя, наверное, опять читает в постели, а я слушаю радио.

— Ноги на ширине плеч, руки в стороны. Делаем глубокий вдох...

Дни зимой короткие, поэтому часто наши гулянья длились «до ночи» — как нам казалось, потому что на улице было темно. Лампочки уличных фонарей горели через раз — мальчишки расстреливали их из рогаток. Ставни в домах уже закрыты, и только у наших ворот — перевернутая воронка света. В этом единственном световом столбе видно, как метет метель и заносит снегом улицу и огороды.

Забравшись на забор, раскинув руки в стороны, мы падаем навзничь в глубокий снег. Лежа на спине, я смотрю в небо — оно как сине-черный бархат, по которому рассыпаны звездочки, мерцающие, подмигивающие, манящие. Где-то там летает искусственный спутник Земли. Мне кажется, что я не лежу на снегу, а тоже лечу где-то высоко в небе, которое затягивает меня своей глубиной.

Но мне на лицо сыплется снег — это Вовчик, пытаюсь встать, поднял настоящую метель....

Новый год уже совсем скоро, и в один из вечеров бабушка достает из своих закромов цветную блестящую бумагу — это обертки от чая, конфет, которые мы съели за год. Все это собирается ею и обязательно оказывается востребованным в период подготовки к Новому году.

Мы все сидим за большим столом, заваленным бумагой, из которой нам предстоит делать украшения для елки. Бабушка приносит большую коробку и извлекает из нее мой костюм Снегурочки. У меня сжимается сердце от страха:

— Баба, он, наверное, теперь мал мне? Я же уже большая...

— А вот и посмотрим, — отвечает бабушка и помогает мне надеть шубку Снегурочки. — Почти в аккурат, только рукава чуть-чуть отпустить. — Бабушка всегда шьет с запасом, «на вырост», но так, чтобы это было незаметно.

Я заглядываю в коробку — там тряпичные длинные косы для Снегурочки, они из белого трикотажа с нежно-зелеными ленточками.

Колька тут же напяливает косы на себя и начинает изображать Снегурочку:

— Я Снегурочка, я Деда Мороза потеряла...

Вовчик хохочет, я пытаюсь отобрать свои «косы», а бабушка уже достала бурочки — легкие, тряпичные, простроченные и сшитые ее руками сапожки, их даже на ногах и не чувствуешь. Я надеваю их — пальцы упираются, но ходить еще можно, тем более — лишь один новогодний вечер.

Бабушка забирает у Кольки косы и вместе с кокошником водружает мне на голову.

Я бегу к зеркалу посмотреть на Снегурочку, в которую превратилась.

И вот мы наряжаем елку. Бабушка снова приносит откуда-то коробку — в ней елочные игрушки. Каждая завернута в отдельную бумажку,

разворачивать надо очень осторожно — игрушки хрупкие, их можно нечаянно сломать.

Каждый ищет то, что ему нравится. Я очень люблю клоуна, сделанного из ваты, покрытой густым крахмалом и раскрашенной, а еще стеклянный шар — голубого цвета, с нарисованным на нем заснеженным домиком, в котором так уютно светятся окна.

— Женья, сначала гирлянду надевай, а потом верхушку.

Мы все помогаем распутывать гирлянду, пытаюсь распределить ее по елке равномерно. Потом Женья встает на табурет и крепит верхушку — это красивая, сияющая звезда! Почти как на кремлевской башне!

Дальше елку украшаем вместе — роста мы все разного, а потому получают охвачены все уровни елки. Все затягивается нежной канителью и серебристым новогодним дождем. Мы сразу выключаем свет и включаем гирлянду — надо же полюбоваться!..

На Колю надели костюм Деда Мороза, Вовчика нарядили Новым Годом, а я, конечно, — Снегурочка. У Коли-Мороза в руке перекладина от моей кровати, которая соединяется с вертикальной трубкой красивым фигурным уголком, но «палка» коротковата для Коли, и он, ходя возле елки, слегка сутулится, постукивая по полу своим посошком, хотя бороды у него нет — он молодой дед. Через плечо у него висит сумка с гостинцами — их надо заработать.

Я шел сквозь снежные просторы,
Я лесом шел, взбирался в горы!
Подарки детям я принес.
Как звать меня?

— Ты Дед Мороз! — кричим мы все дружным хором.

— Ну что, дедушка, — приходит к нему на помощь дядя Юра, — ты с гостинцами? А то вон Вовчик очень подарок хочет получить.

— Просто так не дам, — отвечает Дед Мороз. — Пусть стихотворенье расскажет или спляшет.

Вовка, возмущенный такой позицией брата, выходит к елке:

— Ах так, да? Ну ла-а-адно, посмотрим еще, кто кого!

И вдруг неожиданно громко и быстро начинает выкрикивать:

Плачет киска в коридоре:
У нее большое горе!
Злые люди бедной киске
Не дают украсть сосиски!

— Вот так, понял? — он вызывающе глядит на брата — Деда Мороза.

Мы аплодируем (хотя слегка обескуражены таким натиском) и ждем — Дед Мороз роется в своем мешке, а дядя Юра подбадривает его:

— Дедушка, может, тебе помочь? Ты рукавицу-то сними, легче будет...

Бабушка подталкивает меня к елке, значит, мой выход. Выхожу к елке и вижу, что дядя Володя уже приготовил баян.

Здравствуйте, а вот и я!
Я — Снегурочка, друзья,
К вам сегодня торопилась
И, конечно, нарядилась.

Дядя Володя начинает играть вальс, бабушка подает мне в руки нарезанный узкими длинными ленточками целлофан, и я начинаю танцевать, за мной вьется серебристый шлейф. В финале я сажусь на полушпатаг и принимаю позу умирающего лебедя, а по замыслу — Снегурочки, занесенной снегом.

Поднявшись под аплодисменты, я оглядываюсь на елку:

Ух! Какая у вас елка!
Серебриста, ярка, колка.
Ну-ка, встали, детвора,
Хоровод водить пора!

Елка у нас стоит в углу, и хоровод мы водим перед ней. В хороводе все — дети и взрослые, Люда и Женья тоже с нами. И мы с радостью поем:

— В лесу родилась елочка...

После того, как Снегурочка навестила детей, бабушка переодела меня в костюм татарочки: красивые нежно-голубые шаровары, сшитые из накрахмаленной марли, белая блузочка, поверх которой надета жилетка, расшитая бисером и круглыми, как монетки, железками. На голове татарская шапочка, тоже расшитая блестками и бисером. Дядя Володя играет, а я танцую татарский танец. Почему татарский — не знаю да и не задумываюсь. Потом Люда поет про травушку-муравушку, а Женья в этот раз — в группе поддержки: из всех костюмов вырос да и стесняться немного начал...

Праздничный стол, сладкие подарки, и спать мы ложимся гораздо позже, чем обычно, но как часы бьют двенадцать раз и приходит настоящий новый год, я уже не слышу...

Зима не бывает вечной, и вот уже тает снег на крышах, соблазняя сверкающими сосульками, которые так хочется откусить. Дедушка выпускает голубей на волю, бабушка все чаще выходит в огород. Меняется образ жизни. Мальчишки начинают готовиться к уличным играм — строгать и шкурить шаровки для игры в клёк, а на первых проталинах, рыхлых и мягких, играют в классики и «в ножички». Игру «в ножички» бабушка не приветствовала — у Жени отбирали ножички, которые он прятал, но

мы все равно играли и резали мягкую черную влажную землю на кусочки, пытаюсь отрезать кусок пожирнее.

Пока мы занимали себя забавами, бабушка начинала готовиться к Пасхе. Это, пожалуй, был самый красивый праздник в нашей семье. Подготовка к нему начиналась сразу после Нового года. Бабушка прикупала шпроты и сардинки, понемногу разных конфеток. Яйца ели уже экономно — копили к Пасхе.

Перед Пасхой обязательно была побелка и генеральная уборка. Посуда из «белого» шкафа вся выкладывалась в ванну, перемывалась. Очищались песком кастрюли, закопченные за зиму на печке. Мебель отодвигалась от стен, пол застилался газетами, разводилась известка, вязались щетки из мочалки для побелки.

Мы больше пугались под ногами, чем помогали, но ощущение участия в процессе было важным. Управлялись быстро, весело, я ждала — когда попросят принести снятое со стены зеркало. Когда я несла зеркало и в нем отражался потолок, возникало ощущение, что пол исчез и я сейчас провалюсь куда-то далеко и глубоко. Страх и в то же время желание оказаться по ту сторону зеркала обуревали меня. Я не знала, чего хочу сильнее — остаться здесь или все же провалиться куда-то далеко, как Алиса, в какую-нибудь Страну чудес.

Выставляли зимние рамы, которые отправлялись на чердак. После побелки мыли окна, смазанные разведенным с водой мелом или зубным порошком. Отмывали полы, всюду стелили новые салфетки, вешали свежие шторы. Дышать становилось легко, а приближение лета просто становилось очевидным.

И вот уже на подоконниках расставлены тарелочки. По окружности каждой из них разложена мокрая марля с пшеницей. Она прорастет нежной зеленью точно к Пасхе, и в центр тарелки бабушка поставит кулич, весь покрытый белой глазурью. Восхитительное зрелище.

Женя по вечерам опять что-то выпиливает лобзиком. Братья, которые во время побелки бросили в ведро с известью карбид, за что были «под арестом» несколько дней, наконец-то на свободе, и их голоса слышны где-то на улице.

И вот наконец-то Пасха. Ни Женя, ни я, ни мои братья про нее ничего не знаем, кроме того, что на Пасху бабушка запекает окорок, печет куличи, иногда свой фирменный торт «Весна», красит яйца и очень красиво накрывает стол. Каждый член семьи получает свой персональный кулич. А еще в центре стола возвышается творожная пасха с цукатами, орехами, изюмом. Это для нее выпиливал Женя форму по просьбе бабушки.

Улица вся усыпана разноцветной яичной скорлупой, которая на фоне сырой черной земли смотрится непонятной мозаикой...

Нам понятно только одно: раз празднуем Пасху, значит, скоро — Первое мая и демонстрация!..

Луинец, май 1945 года

А в сорок пятом Пасха была поздняя и сначала праздновали Первое мая. Ах, какой это был праздник!

Накануне сообщили: «В Берлине наши войска, продолжая вести уличные бои в центре города, овладели зданием германского рейхстага, на котором водрузили знамя победы!»

В школе устроили концерт — к нему готовились заранее, но не предполагали, что праздник будет таким воодушевляющим! Где-то далеко в Германии над рейхстагом развевалось наше знамя победы!

Перед началом концерта директор школы поздравил всех с Первым мая, а когда он сказал про знамя, в зале закричали:

— Ура-а!

Новость про знамя, конечно, уже знали все, но радость переполняла людей настолько, что они не могли нарадоваться долгожданному счастью. Победа была близка, все это понимали.

Какая в этот день была отзывчивая, легкая на реакцию публика!

С каким воодушевлением слушали и подпевали:

— Выходила на берег Катюша...

А потом аплодировали так, словно для них пела солистка Большого театра!

Галя тоже принимает участие в концерте. Она играет в спектакле «Русалка». На сцене есть даже декорации — плетень, за которым и Днепр, и мельница. Плетень Галя и Володя вместе с мамой соорудили дома из веток и притащили в школу...

Горе брошенной девушки сегодня не особо трогает зрителей:

Ох, душно!

Холодная змея мне шею давит!

Змеей, змеей опутал он меня,

Не жемчугом...

Но они все равно сочувственно аплодируют «русалке». Володя аккомпанирует танцорам.

Эх, яблочко, да сбоку зелено...

Мальчишки лихо тянут канат, плавают, высматривают кого-то в «бинокль», и зрители в итоге тоже взрываются аплодисментами.

Настроение у всех уже праздничное, и взрослые, и дети живут в режиме ожидания — радио не выключается, ждут объявления об окончании войны. Всем хочется услышать лишь одно слово: «ПОБЕДА!»

В ночь на майские праздники милиция снова поднималась по тревоге — с бандами бандеровцев никак не могут совладать, а они, понимая, что терять им нечего, все равно скоро придет конец, нагледят, и в городе то и дело шушукуются, что где-то опять бандиты зарезали крестьянина и всю семью... мстят тем, кто был связан с партизанами.

Концерт закончился, разбирались декорации, складывались костюмы, а настроение было такое — будто концерт продолжается!..

Папа Гали и Володи уже не работает в милиции — он сломал большой палец правой руки, который пришлось ампутировать, был комиссован. Теперь он начальник спецторга.

На праздничном фоне Первомайских событий мама скромно, но все же накрывает стол в Пасху, которая пришлось в этот раз на 6 мая.

В Лунинце уже совсем тепло — ребяташки бегают раздетые, в школу тоже ходят налегке. Трава, разрастающаяся на пустырях и в воронках от снарядов, маскирует следы уходящей войны. Под травой уже не видно патронов, которые мальчишки собирали и устраивали всякого рода опасные игры. Эти страшные забавы детей военного времени порой становились причиной пожаров, а случалось и непоправимое...

Восьмого мая у папы день рождения, а он уехал в Минск за товаром. Вечером пришли друзья — бывшие сослуживцы. Несмотря на отсутствие именинника, пили чай и снова говорили о победе.

Этой ночью они услышат, как Левитан зачитает акт о военной капитуляции фашистской Германии и указ об объявлении дня 9 мая праздником Победы. Они даже успеют разрядить свое оружие в пылу радости, но в конце мая трое из них будут застрелены бандеровцами. Девятерых служащих милиции, погибших на боевом посту, будут хоронить всем городом, торжественно, с духовым оркестром и особой печалью послевоенных потерь...

А пока все пьют чай с оставшимися с Пасхи куличами.

Галя проснулась оттого, что мама трясла ее за плечо, а по щекам у нее текли слезы, как тогда, в день начала войны, только в этот раз мама радостно повторяла:

— Галя, победа! Полная победа! Дождались!

Галя еще не успела открыть глаза, но зато слышала жуткую беспорядочную стрельбу, которая доносилась отовсюду, но маму почему-то не боялась.

— Какая же победа, если снова стреляют?

— Это салют, Галя, это салют! Радуются все!

Сел в кровати и Володя, непонимающе тараща глаза. Лишь одна Люда спала.

Оружия в городе было много, а потому салют радости продолжался до самого утра! Утром, нарядная, в парадной пионерской форме, с отглаженным галстуком, Галя шла в школу. Буйно цвели яблони, стояла прекрасная солнечная погода. На улице все обнимались — знакомые, незнакомые, — обнимались, плакали, шли дальше.

Обнимали и Галю. Мужчины брали ее на руки, подкидывали вверх, ерошили волосы, так что в школу она пришла уже лохматая и в захватанной, со следами крепких мужских объятий блузке, со сбившимся галстуком, совсем не нарядная... В школе тоже царил праздничный хаос — долго не было звонка на урок, словно про детей все забыли, а потом пришла учительница и сообщила:

— По случаю победы нашей армии над фашистской Германией занятия в школе отменяются! И мы все дружно идем на площадь на митинг!..

В 1946 году, 1 июня, в семье Ульяновых родился еще один сын. Его назвали Евгением, а через четыре месяца семья снова грузила свои вещи в арендованный товарный вагон, чтобы покинуть Лунинец и вернуться в Курган. Где и как устроятся, они не знали, ехали в надежде на лучшее. Отец решил вернуться в мукомолы, вернуться к делу, которым занимались его дед, отец, он сам.

Несколько лет старший Ульянов заведовал мельницей на Петровке, где поселилась семья, где подрастал Женя, где учились в школе Галя, Володя и Люда. В 51-м в Северном поселке по улице 8 Марта Ульяновы купили домик, который долгие годы прирастал площадями, обзаводился заборами и воротами, благоустраивался. Сюда принесли после роддома и меня, чтобы я росла и училась понимать — что такое забота, любовь, семья.

У детей Люды, Жени, дяди Володи будут свои маршруты, и понятие «дом» будет связано с каким-то другим местом, но для меня ДОМ навсегда останется на улице 8 Марта, где все те, кого я так люблю, были еще вместе.

За окном автобуса плыли деревья, сквозь тучи начало проглядывать солнце. Пассажиры протискивались к выходу.

— Центральный универмаг, — услышала я голос кондуктора.

«Моя остановка!» — Я вскочила и поспешила к дверям, которые хлопнулись сразу за моей спиной.

Автобус отъехал от остановки, и мне открылось красивое здание универмага с витринами, возле которых я когда-то дожидалась своего любимого Женю. Я была благодарна за то, что он вернулся ко мне. Тогда я поняла, как важно знать дорогу к дому...

Владимир КОСОГОВ

ПОТОМУ ЧТО ТЬМА

* * *

я прощаю все потому что тьма
выедает меня изнутри
обреченность дышать как манеру письма
точно ластиком изведи

и не надо божьим пугать судом
я другого избрал царя
и стихи как бабочки под сукном
трепыхаются только зря

* * *

Что осталось нам? Подобьем итоги:
По деньгам прикинем — рванем на юг.
И заглянем к бабушке по дороге,
И отца проведаем. Этот крюк
Компенсировать можно глотком спиртного,
Чтобы, слух вернув через много лет,
Я услышал: «Господи, что такого,
Что отец счастливый урвал билет?»»

* * *

Со мною больше не общаются
друзья, которых я любил.
Они в земле лежат. Качаются
кресты заброшенных могил.

Не знаю, где вы похоронены,
 но правильно писал поэт,
 что жизнь и мука есть синонимы,
 а смерти, может быть, и нет.

* * *

Высоко звезда горит
 и со мною говорит:
 — Твой мотивчик безнадежный
 ничего не теребит.

— Не на это был расчет.
 Если брать судьбу в расчет,
 скоро я с тобой, родная,
 свой земной сравняю счет.

* * *

Хочу туда, где мы втроем останемся
 Неведомой реки на берегу.
 История дописана пока не вся,
 И точку я поставить не могу.

Придут за нами ироды и мороки
 И заберут чудесное дитя.
 Фонарной лампы медленные всполохи
 Осветят путь, краев не очертя.

* * *

Дача была на реке Свапа:
 Домик в четыре окна.
 Жалуйся, будто судьба скупа,
 Невелика цена
 Дням, ускользнувшим на дно реки,
 Прожитым без потерь.
 Это потом я узнал-таки:
 Не ту я захлопнул дверь.

* * *

Не снились ни живые, ни покойники,
поэтому и выспался, как маленький.
Куда ни ступишь в четырехугольнике
квартиры — в тесноте живешь, как в спальнике.

На улице просторнее, но зрением
гирлянды замечаешь мельтешение
и продолжаешь думать с раздражением:
а дальше что там? Ангельское пение?

* * *

Ну и что? Забыла и забыла.
Фуфел ваше первое «люблю».
Типа даже сердце не разбила,
Душу не размыло, говорю.

А казалось страшной катастрофой
Все произошедшее тогда.
Но велосипедным катафотом
Промелькнуло, стерлось без следа.

* * *

Я усну, зима опустится,
Все накроет белым саваном,
Точно бабочки-капустницы
На участке приусадебном.

Воздух колкий, как пощечина.
Выдох жаркий, как простуда.
И на сердце червоточина —
Почему я и откуда?

Дмитрий ЗАРУБИН

СТАРШИЙ ПРАПОРЩИК АВРОРА

Р а с с к а з

1.

Она лежала в крошечной темноте, неловко поджав ноги. В большой вентиляционной трубе, установленной под самым потолком, шуршал крошечными льдинками воздух. Вскидывая голову при едва слышных звуках, она видела серебристый металл, поблескивающий в приглушенном ночном свете узких, как амбразуры дотов, окошек, и ей казалось, что она угадывает солнце, его слабое присутствие там, за толстыми стенами, в замазанном порывами ветра и метелью пространстве. Светило среди этих шорохов, стуков и мелких движений представлялось неярким блином коричнево-желтого цвета, не теплым и не желанным — лишь знаком, что пора выходить на службу. Но даже в грезах Авроре не хотелось опускать глаза вниз, чтобы увидеть там то, что всегда приводило ее в ярость и лихорадочное возбуждение, не подвластное никаким поводам, — выкрашенные молочно-белой краской стены и сероватый бетонный пол. Это отвращение к белому цвету обнаружилось и прочно закрепилось в ней когда-то после нескольких дней напряженной работы на улицах, когда вместо одной привычной смены приходилось торчать среди огромного скопления людей много-много времени...

Она потянула широкими ноздрями, пытаясь выхватить из холодного, пугающего своей безбрежностью потока лучший запах в своей жизни — аромат только что скошенной зеленой травы. Мягкий, чувственный, пробуждающий желание скакать от беспричинного счастья, такой сладкий, что текут слюнки и увлажняются глаза, а воспоминание остается навсегда; причем каждая встреча с уложенной ровными рядками влажной кошениной помнилась отдельно, ведь трава была разная, а значит, и пахла всегда немного по-другому, в зависимости от преобладания какого-либо растения. Еще Авроре нравилось горьковатое благоухание, доносящееся

из раскрытых в жаркие дни дверей городских кофеен, от чашек на столиках открытых веранд, мутно-черных лужиц и кругов на пластиковых столешницах. Эти памятные ароматы помогали сейчас перетерпеть боль и почти забыть усталость, внушали надежду на передышку и теплый кров.

В трубе, затянутый воздушным потоком, прогрохотал крупный обмерзший кусочек неизвестно чего. В правом боку, которым она привалилась к шершавой и грязной бетонной стенке, больно кололо, словно какая-то часть организма старалась пробиться сквозь жесткие ребра наружу. Сохранившиеся мышцы пока сдерживали это стремление, но тело уже изнемогало от постоянной борьбы с внутренней силой, как будто решившей вывернуть его наизнанку.

Аврора неловко пошевелилась, случайно приняв еще более неудачное и неестественное положение. Сразу захотелось вернуться к утраченному, прежнему, но теперь уже было невозможно определить, как располагался корпус и на что опиралась тяжелая, невымытая и нечесанная вот уже много дней голова. Болело ушибленное много весен назад правое колено. Кровь стыла от холода: шкура не грела, а жира почти не осталось, потому что еда теперь перепадала редко и не та, к которой Аврора привыкла за свою долгую доблестную службу.

Под подрагивающими, накрепко сжатыми веками дергалась абсолютная чернота, и вспышки чудовищно-фиолетового и сиреневого цвета где-то в мозгу только делали мрак еще беспросветнее.

Сомкнув по собственной воле глаза, она возмещала этим отсутствие привычных пластиковых шор, что обычно закрывали боковой обзор и отсекали бесполезных живых существ, ненужные детали и предметы.

Аврора помнила, что впервые щитки, ограничившие расплывчатое и непонятное пространство до четко очерченного и ясно видимого сектора, ей надели перед погрузкой в неприятное железное стойло, вонявшее рвотными массами, испускавшее клубы сизого, раздражающего гортань дыма, качавшееся и кренившееся под ногами. Это металлическое корыто вызвало у Авроры дикую ярость и необоримое желание показать норов.

Она начала сопротивляться: дергала головой и раздраженно фыркала, обильно разбрасывая желтоватую пену, резко и высоко вскидывала костлявые колени, словно неприятные запахи были врагами, из которых можно было таким образом вышибить дух. Попыталась попятиться — нога неожиданно провалилась в пустоту, и пришлось замереть и позволить знакомому человеку беспрепятственно подойти. Он неловко залез к ней в кузов, долго возился с нащечными и затылочными ремнями, плотнее подгоняя шоры. Другие люди кричали ему что-то грубое и неприятное, тыкая пальцами во все стороны. Чуждая и непривычная конструкция давила Авроре на голову, казалась совершенно ненужной, делала уязвимой.

Она дернула шеей, чтобы не дать ремням затянуться, но нога провалилась еще ниже, а зазубренный край распахнутого заднего борта до крови оцарапал голень. Человек громко и огорченно вздохнул, тыльной стороной ладоней погладил ее скулы и продолжил крепить щитки к оголовью.

Аврора напряглась, готовая сделать победный рывок к свободе, но тут шоры все-таки надели, и она почувствовала мгновенную радость. В уголки глаз перестал задувать ветер, больше не попадала пыль, и веки расслабились, омочив слезой роговицу. Зрение сфокусировалось, и пространство прояснилось; Аврора внимательно посмотрела под ноги, теперь не только инстинктивно, но и умом осознавая, куда ставить копыта, чувствуя себя по-новому сильной и уверенной. Из поля видимости исчезла вся публика, стоявшая по бокам, и стало понятнее, чего хотел от нее человек, настойчиво тянувший вперед — к небольшим яслям, заполненным пахучим сеном...

Она громко сглотнула. Где-то далеко, за пределами жалкого, блеклого пятна света, затряслась под порывами ледяного ветра большая щелястая деревянная дверь, пропуская внутрь узкие острые лезвия наружного воздуха с колючими мокрыми снежинками. Аврора завывала бы, если бы физически могла это сделать, а главное — если это хоть на миг вернуло бы к прежнему состоянию внезапно и грубо разрушенный миропорядок.

Она всего лишь негромко всхрипнула, пробуя желание на осуществимость и сама пугаясь издаваемых звуков.

Ей хотелось есть до колик в желудке, который, казалось, старался удержать воспоминание о давно переваренной пище. Сфинктер прямой кишки судорожно сужался и расширялся, и она попыталась еще немного повернуться, чтобы какая-нибудь внешняя преграда прекратила этот невыносимый, как предсмертное дыхание, тик-так.

От этих мелких перемещений грязная нестриженная челка сползла на брови, длинные, огрубевшие от налипшего жира волосы жестко и неприятно проскребли по тонкой и сухой коже лба. Аврора сглотнула огромным пересохшим горлом, с трудом высунув язык, облизала распухшие, потрескавшиеся губы и наудачу коснулась им холодного шероховатого бетона. Ей повезло — из-за перехода от дневного тепла к ночной стуже образовались две крупные капли, они не напоили, но хотя бы вызвали прохладные и чистые видения, пахнущие свежескошенной травой и солнцем.

Сон не шел которую ночь, потому что спать Аврора могла, только хорошо перетерев пищу и запив ее водой. Таков был ее извечный жизненный режим, который сейчас сломался, и она подозревала, в чем причина. Но поскольку хоть что-то изменить казалось невозможно, она только инстинктивно сжималась на несвежей соломе, колкой под широкой поясницей, надеясь пережить и это время, чтобы потом вернуться к любимому делу, снова стать нужной хозяйке и получить заслуженное ласковое слово и, конечно, вкусную еду и свежую воду.

Терпения и сил добавлялось, когда в затуманенном голодом и недостатком влаги мозге возникали образы славного боевого прошлого. И Аврора старалась вызывать их вновь и вновь, заглядывая в глубины своей скромной, нечеловеческой памяти, силясь, чтобы эти картинки не повторялись, упорствуя, как тренировали, в стремлении выжить. Но больше всего она вспоминала о ней — надежной, немногословной, строгой и даже грубоватой днем, ласковой и почти нежной вечером — хозяйке!

Аврора, казалось, всегда знала о хозяйке, даже до того, как эта женщина в первый раз подошла к ней, далеко и прямо вытягивая руку, и коснулась лопатки. Аврора вздрогнула от незнакомого прикосновения, по коже пробежали крупные мурашки, она недовольно переступила с ноги на ногу, выворачивая длинную шею, чтобы увидеть, не делает ли чужой чего-то плохого или унижительного для нее. Но ощущения были приятными, касания — легкими, и она позволила женщине провести рукой по запылившейся от долгой поездки шкуре, почувствовала биение крови в кончиках чужих пальцев, немного удивилась, что человек не брезгует притрагиваться к застывшим комочкам грязи.

Одна рука незнакомки осталась на лопатке, а вторая, с жесткой щеткой, прошла по подплечью. Аврора почувствовала нажим и подняла ногу. Подчинилась. Успокоилась и позволила почистить несколько беспокоившее копыто, где в самой чувствительной части застрял угловатый гранитный камешек.

Затем женщина деликатно и ласково промокнула влажной мочалкой морду Авроры, мягко протерла глаза, осторожно убрав из уголков выпавшие шерстинки, освежила веки и мягкие шелковистые ноздри. От удовольствия Аврора постаралась улыбнуться незнакомке, взмахнув длинными мохнатыми ресницами — словно вспыхнули, погасли и снова загорелись два больших голубых фонарика.

А потом Аврора услышала голос хозяйки, повторявший ее имя тихо, раз за разом, то смягчая грубые звуки в середине и конце, то теряя начало и окончание, как будто захлебываясь. Она повернула голову и посмотрела в лицо женщины, одетой в серый, без особых примет, костюм. Они стояли вплотную, и было интересно наблюдать, как болтаются по бокам круглого лица коротко остриженные белые волосы, как шевелятся на нем бесцветные потрескавшиеся губы, а тонкие черные брови поднимаются и опускаются в такт движению рук.

Авроре понравились неяркость, приглушенность голоса, странная неправильность и неожиданная открытость гостьи, приглашающая к сочувствию и соучастию. Для полного понимания Аврора глубоко вдохнула, цепляя ноздрями запахи, присущие только этому человеческому существу. Результат ее удивил. Запахи были необычными — и по отдельности, и вместе, — совсем незнакомыми, не такими, какие исходили от требовательных и жестких инструкторов на конезаводе. Тренеры воняли табаком, листья которого изредка попадались в яслях вместе с сеном, и грубой перебродившей жидкостью, напоминавшей Авроре скисший прошлогодний овес, тоже частенько добавляемый в корм. От незнакомки же волной распространялся аромат с резким, почти отталкивающим жженым оттенком, как у горелой сухой травы, навязчивым, но гораздо более приятным и убедительным, чем слова, которые бормотала женщина.

Последняя процедура — купавшая осторожно облила все туловище лошади из небольшой, похоже, предназначенной для полива цветов пластмассовой лейки — удивила Аврору, но понравилась и еще более расположила к незнакомке. В завершение женщина прошла по лошадиной коже мягким скребком, снимая лишнюю влагу, а голову промокнула ши-

роким сухим платком. Разнесла казенный инвентарь по местам, отвязала поводья от металлической трубы и потянула Аврору за собой.

Они вышли из-под навеса, неспешным шагом пересекли из угла в угол широкий сухой плац. Рядом, приглядываясь к поступи кобылы, шел коренастый мужичок. Обогнули несколько серых невзрачных зданий и подошли к распахнутым воротам приземистого, сложенного из красно-коричневых кирпичей, порядком закопченного корпуса. Изнутри раздавался металлический стук, оттуда дышало жаром, вырывались клубы дыма, пахло паленой шерстью и костью. Аврора напряглась, сбилась с шага, хотела выказать неповиновение, но уже была утомлена утренней разминкой на длинном ремне, долгим и тщательным купанием, знакомством с постоянной хозяйкой и прогулкой на свежем воздухе. Поэтому она доверилась ведущей и почувствовала глубокое облегчение и даже счастье от послушания.

Хозяйка завела ее в широкое помещение, они прошли к стенке и встали. Женщина удерживала поводья и ласково гладила Аврору по скуле. Коренастый мужичок надел брезентовый фартук, погладил лошадь по ноге, приподнял копыто и, перешагнув, аккуратно зафиксировал его между своими бедрами. Аврора слегка заволновалась, но хозяйка снова потрепала ее по морде, и она расслабилась, тем более что ничего не ощущала и не слышала, кроме стука копыта о твердую поверхность. Потом на пол полетели куски отросших ногтей, уже несколько дней мешавших Авроре бегать, и мелкие костяные опилки. Так обработали передние копыта. С задними мужичку пришлось повозиться, а кобыле при этом — поволноваться, переступить недовольно несколько раз, попрядать ушами, пока женщина не прислонилась щекой к ее морде. Только тогда Аврора успокоилась и позволила уложить копыто на специальную железную подставку, чтобы повторить процедуру.

Вскоре она ощутила неприятный запах газа, и левому боку стало заметно теплее. Кузнец приподнял ее левую ногу и примерил к копыту массивную раскаленную подкову. Кузню окатил густой вонючий пар, мужичок убрал горячий металл и внимательно посмотрел на оставшийся на кости след, проверяя, подходит ли размер.

Аврора почувствовала, как железо вновь, уже с мягкой резиновой прослойкой, легло на копыто, кузнец прибил его и срезал концы гвоздей, в завершение шоркнув несколько раз по оставшимся неровностям рашпилем и вкрутив напоследок в подкову шипы. Через те же операции прошли поочередно и остальные копыта. Получились удобные «тапки» без пяток, стрелки* теперь «дышали» и чувствовали легкое движение воздуха, сердце забилось ровнее и мощнее, а ноги, оснащенные шипованной металлической обувью, стали еще более грозным оружием.

Необычайная, неслыханная тишина опустилась на мир, шаги хозяйки и лошади вязли в ней, точно обе ступали по мягкому песочному полу манежа, а не по неровному, разбитому и местами проломленному мно-

* Стрелка — клиновидная мозоль в задней части лошадиного копыта, которая меняет форму при разной нагрузке. Это гасит удары при движении, а также помогает сердцу прокачивать кровь по организму лошади.

гочисленными ударами человеческих и звериных ног бетонному плацу. Аврора чувствовала всем своим мощным телом, что подготовка завершилась. Начиналась настоящая Служба, к которой ее готовили с самого начала, с тех самых пор, когда она, тоненько заржав от недовольства, вывалилась из материнской утробы. Лошадь вытянулась в струнку, стараясь казаться выше, затрепетала от волнения, задышала прерывисто и жарко; ей захотелось натянуть повод, встать на дыбы. Она скосила большой голубой глаз на женщину, громко фыркнула и подпернула голову вверх и вбок.

— Готова? — не сразу, а через какое-то количество шагов насмешливо поинтересовалась хозяйка. — Отдохнешь, и приступим, — добавила, когда они уже подходили к широкому, распластанному у края небольшой рошницы зданию, из которого волны теплого воздуха несли запахи свежей соломы и сытной еды.

Женщина приложила руку к серой шапке с малиновыми полосками и, повернув голову в сторону, скороговоркой прокричала: «Здравей-жайтов-ктан!» Аврора раздраженно всхрапнула, но сразу поняла, что этот случай сродни уже виденным ею прежде, когда двуногие послушно, по какому-то непонятному ей сигналу, сбегались в одно место и выстраивались в ровные, одинаково серые шеренги, издав издав казавшиеся чем-то неживым. Ее это не удивляло, она решила, что всех людей тоже специально учат, как себя вести, совершенно как и лошадей. Хозяйка не была исключением. Наверное, им сейчас встретился кто-то, с кем полагалось держать себя именно так.

Они вошли в просторный сумеречный коридор, по обеим сторонам которого из полумрака возникали наполовину закрытые кирпичом, зарешеченные толстыми металлическими прутьями боксы с большими проемами посередине, из которых высовывались морды лошадей, методично и безостановочно перетиравшие что-то крупными зубами. Из темноты влажно проблескивали глаза. Слышалось непрестанное глухое постукивание переступающих ног. Каждое животное пахло по-своему, и в каждом чувствовалась общая нотка: они пахли Службой, человеческой кожей и железом, которое им ежедневно вставляли в рот.

— Это дом, — неожиданно звонко сказала хозяйка. — Запоминай!

Они дошли почти до конца помещения, когда женщина остановилась и, повернувшись влево, загрохотала цепью, по-прежнему удерживая в правой руке поводья. Она напрасно беспокоилась: Аврора никуда бы не делась, даже если бы хозяйка отпустила ремень. Кобыла устала и хотела лечь, закрыть глаза и выбросить на какое-то время из памяти этот насыщенный событиями день.

Ласково подталкивая лошадь в бок, хозяйка завела в ее денник, растегнула и сняла уздечку. Покопалась в нагрудном кармане и вытащила плитку прессованного корма — протянула на ладони. Аврора громко фыркнула, но угощение взяла аккуратно, оттопырив коричневые губы. Женщина погладила ее по морде и ушла, напоследок громыхнув дверью и засовами. Аврора глубоко вздохнула и осторожно легла, умащиваясь на опилках.

2.

Татьяна Ивановна очнулась от полуобморочного сна, расслышав слабенький перезвон колоколов церкви, построенной бывшим первым секретарем горкома комсомола в ограде городской больницы. Звук стуктами пробивался сквозь двойное стекло, нарастая с внешней стороны изморозь ломала и его, и навязчивый свет полной оранжевой луны, висевшей над захудалым районом, где частные дома со всех сторон лепились к старенькому больничному зданию.

Она выпростала пухлую, бесформенную руку и попробовала раскрытой ладонью исцарапанное стекло. Холодно. Ночью ударил первый, неожиданный и внезапно сильный мороз, приведя в ужас все, что могло замерзнуть. Вероятно, выпал и снег, но его не было видно из-за мерцающего лунного света. Кровать стояла вплотную к окну, так Татьяна Ивановна могла время от времени, раздвигая короткие шторы, следить за происходящим на улице: не крадется ли кто, не раздаются ли шаги злоумышленников или просто пьяных, грозящих нарушить покой мирных граждан.

Колокольный перезвон повторился. Она поморщилась: такой же надоедливый, как и речи начальников, которых она немало наслушалась за годы службы. Бессмысленный, пустопорожный шум.

Батарей центрального отопления еле теплились, откуда-то снизу поддувало, и Татьяна Ивановна плотнее закуталась в толстое ватное одеяло, упакованное в старенький цветастый пододеяльник. Она не любила просыпаться раньше пронзительного и какого-то надломленного треска старого будильника, считая это нерациональным и унижительным для ее должности и человеческого достоинства.

Заскребла когтями по косяку дверей кошка. Татьяна Ивановна подумала, что на потемневшем от времени дереве останутся белые полосы.

Она терпеть не могла людей надменных, грозно водящих руками, но, воспитанная Службой, понимала — без них беспорядка будет еще больше. А могут даже возникнуть хаос, анархия, нестабильность, которые обязательно приведут к разрушению созданных с таким трудом уюта и покоя, струящихся от каждого предмета в этой, и другой, и третьей комнате. Хотя иногда ей до безумия, до тошноты хотелось с разбега, со всей мочи поддать под жопу своей начальнице, когда та с умным видом изрекала длинные, лишённые всякого значения витиеватые фразы.

Татьяна Ивановна сухо причмокнула от привкуса алюминия и пепла во рту. Шелестела в допотопных чугунных трубах вода, и гремели боязливо маленькие камушки, попадавшие под напором насоса в невидимый поток. То исчезало, то возникало тиканье древних настенных часов с истершимся циферблатом и металлической гирькой на цепочке.

Когда-то, в далекой иной реальности, здесь же у окна на этой кровати лежала ее мать — парализованная старуха с желтым лицом и обвисшими щеками. Татьяна каждые три дня стригла ей быстро растущие, розовые и нежные, как у младенца, ногти и меняла на голове стремительно пропитывающийся потом суконный платок, серый с черным, на такой же, только в белую клеточку.

Она помнила последний разговор с матерью перед тем, как паралич отнял у той голос. Может — Татьяна Ивановна легко это допускала по опыту прожитых лет, — удар и случился из-за их обоюдно гневных словес.

А началось все обыденно. Не имелось в городе работы, вот хоть лопни. С высшим образованием не брали в продавцы, а без того — в менеджеры по продажам. В почтовых отделениях трудились бабульки преклонных лет, а на местной кондитерской фабрике — недоучившиеся студенты юридических факультетов, теперь приобретавшие знания в той области, которая требовалась нанимателю. Дворничьи места занимались исключительно среднеазиатами, а в охранниках состояли отставные военные, подкрепившие свои претензии соответствующими документами и государственными наградами, да кавказцы.

Обнаружилась только вакансия в конном полку полиции, с одним условием — не бояться лошадей. Татьяна Ивановна и пошла туда, а что? В деревне не раз каталась с пацанами верхом, коней любила за большеглазую красоту и уважала за трудолюбие: видела, как они, бедняжки, возили телеги, груженные и навозом, и песком, и кирпичом. Машина — дорого, а лошади у многих были собственные; и поскольку они не люди, то и относились к ним в целом безжалостно, не забывая, правда, поить и кормить, чтобы живой механизм не сломался раньше времени.

Татьяна тогда была молодая и долго не раздумывала — пришла в часть, поговорила с кадровиком, сходила в манеж и на конюшню с инструктором, показала, что у нее есть навыки езды, ухода. Даже седло смогла почти правильно подобрать и приладить. И ее взяли на работу, приказав прийти на следующий день к восьми часам утра для получения обмундирования и оформления бумаг.

Прибежала домой радостная, но не сообщила матери сразу — хотела после первой получки: чтобы и деньги в дом, и новости приятные. Но не получилось. Выдали форму, и Татьяне показалось, что будет расточительно теперь ходить в гражданской одежде. Так и пришла однажды домой в темно-синем костюме с нашивками, в высоких берцах и кепке с трехцветной кокардой.

Мать тогда уже лежала, но еще могла самостоятельно поворачиваться с боку на бок и разговаривала, как стреляла, — через равномерные паузы, почти так же громко, даже казалось, что гильзы от не произнесенных, но подуманных ругательств звонко сыплются на пол.

— В армию призвали? — глухо поинтересовалась она.

Будто штук шесть обгорелых, пахнущих порохом железяк выпало у изголовья на пол и, громыхая, покатились в темный угол.

— Нет, работу нашла, — устало ответила Татьяна.

— Где же? — продолжала допытываться мать.

Дочери не нравилась эта настойчивость, но деваться было некуда, да и самой все-таки хотелось рассказать.

— В полиции.

— Это милиция, что ли? — не поняла старуха.

— Да, бывшая. Ее недавно переименовали, — слегка расслабилась дочь. — Милиция — это народное ополчение, а полиция — государственные служащие для поддержания закона и порядка.

— А-а-а, — протянула мать, — так, значит, твоего деда в тридцать седьмом году народ расстрелял где-то на задворках.

Татьяна опустила на стул напротив ее кровати.

— Ты мне этого не рассказывала.

— Не было повода, вот и не говорила. — Старуха тяжело дышала. — А сейчас, как я посмотрю, самое время. Но может, уже и опоздала, признаю.

— А за что его?

— Да уже и не помню. — Мать поблескивала глазами, а гильзы, дымясь и пованивая, сталкиваясь и дребезжа, все отлетали под кровать. — Да и бабка твоя не больно об этом распространялась. Моталась с нами по деревням в округе, пока в городе не зацепилась. Чужие языки могли много нехорошего сотворить, а ей и так несладко было с тремя детьми на руках и без кормильца.

— Я просто работаю, — сказала Татьяна. — Хорошая зарплата, уметь ничего особенного не надо, только поддерживать порядок. Ну требуют еще, чтобы законы выучила, так я постараюсь... Где я еще такую работу найду в наше-то время? — пробубнила она напоследок.

В комнате стало темно, по деревянному полу заструился прохладный сквознячок. Татьяне показалось, что пыльные полотенца, которыми был занавешен верхний пустой угол напротив кровати, шевельнулись. Она двинулась, стул под ней затрещал.

— Включу, наверное, свет?

— Как хочешь, — отозвалась мать. — Просто уточню, если все еще не понимаешь. Это те, кто расстрелял деда, взяли тебя на работу.

— Ты не права! — горячо воскликнула Татьяна. — Сейчас все поменялось. И государство не СССР, и религию разрешили...

Кровать злобно и безжалостно заскрипела пружинами.

— Ты расскажешь подробно, что случилось с дедом?..

Не дождавшись ответа, дочь встала:

— Я все-таки включу электричество.

Она прошла по дому, тщательно задергивая занавески, накидывая одну на другую справа налево так, чтобы не было даже малейшего просвета. Щелкнула выключателем. Старуха лежала отвернувшись. Татьяна Ивановна прислушалась. Дыхание вроде бы пробивалось. Она подошла поближе и тронула мать за плечо. Никакой реакции. Пощупала лоб — холодный. Перегнулась и посмотрела в лицо — глаза были открыты, из разинутого рта воняло гнилой селедкой...

Фельдшер скорой помощи диагностировал полный паралич. А пришедший на следующий день участковый врач сказал мудреное слово:

— Тетраплегия. Придется потерпеть, пока не отмучается...

Умерла мать через две недели.

Вернувшись с кладбища, Татьяна выплеснула на задний двор воду, набжавшую в тазик, который подставляли под гроб, прибралась в доме.

Устроила для соседей скромные поминки, заказав готовую еду в ближайшей столовой. И зажила по-своему: работа — дом — работа...

Пронзительно и надломленно затрепал будильник.

Татьяна Ивановна с трудом поднялась и двинулась по устоявшемуся в последнее время маршруту: стул с халатом — туалет — ванная — кухня. Поставила чайник на газовую плиту, зажгла огонь. Достала из холодильника масло и сыр, из настенного шкафчика — нарезанный батон. Положила все на стол, оперлась о столешницу. И вспомнила, как поймала первого хулигана.

Все было как обычно. Шлем, наручники, дубинка. Рядом — молчаливый напарник. Летом, несмотря на жару, всех всадников обязали надевать черные с тонкой красной полоской шлемы — после того как весной сильно расшиблась девушка-патрульная. Ее кобыла испугалась внезапно раскрывшегося в руках прохожего большого черного зонта, понесла и налетела на забор.

Ветерок шевелил гриву лошади. На асфальтированных дорожках из осторожности двигались шагом, чтобы не задеть мамаш с колясками и спящих туда-сюда велосипедистов. Завидев сквозь деревья и кусты грунтовую дорогу, старший молча повернул туда. Цивилизация кончилась практически сразу, только желтые пластиковые мусорные баки, украшенные похабными выражениями и прочим народным творчеством, встречались на лужайках то тут, то там.

Всадники въехали в необычайную, обволакивающую тишину почти естественного лесопарка. Шаги лошадей гасли в дорожной пыли, точно животные ступали по войлочной подстилке. Татьяна наслаждалась покоем и от покачивания в удобном кожаном седле почти задремала, как вдруг в прозрачный воздух штопором ввинтился вопль:

— Помогите! А-а-а!..

Тогда-то и началась настоящая Служба! Восторг от собственных умений, обретенных на тренировках, упоительное единение с лошадью, ее стремительный яростный разбег без всяких понуканий, мелькающие по бокам зелень и мшистые стволы, невесомые, как полет, прыжки через поваленные деревья — и вот, ошеломленный внезапным появлением кентавра, враг мечется, не зная, бежать ему с отобранной сумочкой или бросить ее, защищаться или сразу сдаваться.

Последний рывок — и конные полицейские зажали с двух сторон молодого парня. По праву старшего напарник грозно спросил:

— Нарушаете, гражданин?

— Да не нарушает он! — завизжала сидящая на покрывале женщина. — Грабит, грабит, гра-а-аби-и-ит!

Рядом с ней неуклюже вставал с земли мужчина, а маленький мальчик в шортиках и беленькой маечке, усаженный возле пня, удивленно переводил взгляд с одного взрослого на другого.

Лошади возбужденно толкали грабителя вспотевшими боками, Татьяна рывком выдернула дубинку и замахнулась...

— Сдаюсь, сдаюсь! — поспешно сказал парень, роняя сумку и судорожно вскидывая ладони вверх.

Нетерпение свело руку, и Татьяна со всей силы, с оттяжкой, ударила! Дубинка смачно приложилась к уху и плечу грабителя, тот упал, кобыла попыталась встать на дыбы, но Татьяна удержала поводья — смирила и подчинила животное.

— Хорош! — торопливо закричал напарник, проворно соскочил с коня, перевернул парня, защелкнул на его запястье один браслет наручников, рывком поднял — и прицепил второй к специальному кольцу на седле.

— Мама, а тетя ударила дядю палкой, — сказал мальчик, глядя с любопытством. — Так можно?

Женщина не смогла ответить, она только открывала рот и судорожно хватала воздух. Мужчина наконец-то встал — и уронил в маленький костерок рогатку с тремя шампурами. Завоняло горелым мясом.

Лошадь запрядала ушами и попятилась.

— Не нравится запах? — Татьяна ласково погладила вспотевшую лошадиную шею дрожащей от выброса адреналина ладонью. — Молодец, Аврора, умница!

...Татьяна Ивановна улыбнулась. Лучшей наградой за Службу была сама Служба.

По радио объявили московское время — девять часов тридцать минут. Вяло и без аппетита позавтракав, она сидела на кухне в любимом углу, где были прикрыты спина и бока, но откуда прекрасно просматривался вход, и бессмысленно разглядывала закрытую дверь. На столе неряшливо рассыпались крупные хлебные крошки, валялся маленький ножик с налипшим маслом и подтекал использованный пакетик чая.

Вот уже четыре месяца, восемь часов, двенадцать минут и тридцать секунд она была на пенсии. Удовольствия не ощущалось ни в одном органе. Более того, не хотелось ни есть, ни пить, ни спать, ни даже отправлять естественные надобности. Разве что когда уж совсем доходило до крайности, тогда просыпалось соревновательное любопытство, что случится быстрее: она добежит до туалета или надобность успеет просочиться.

На холодильнике забормотало радио, докладывали местные новости. Татьяна Ивановна от скуки прибавила громкость.

Журналистка бодро вещала:

— По информации источника, попросившего его не называть, скончалась кобыла, ранее приписанная к конному полку ГУ МВД области. Животное было переведено на ипподром для ответственного хранения. О том, что лошади уже нет в живых, сообщил бывший сотрудник конюшни. Причину смерти он не назвал. Получить официальный комментарий от руководства конного подразделения пока не удалось. Конюх рассказал о плачевном состоянии лошадей, которых раньше использовали для нужд полицейской кавалерии. По его словам, конный полк частично расформировали еще в начале года, с тех пор за животными нет надлежащего ухода. Коней должны регулярно выгуливать, давать им необходимую для

здоровья нагрузку, но этого не делается. Как пояснил бывший работник конюшни, гуляют только жеребцы, кобыл не выводят. За минувший год лошади похудели. Сейчас они истощены и нуждаются в медицинской помощи. «Для чего их содержат, непонятно, — говорит мужчина. — Над ними просто издеваются!» Сейчас решается вопрос о списании всех животных конного подразделения...

Татьяна Ивановна слабо улыбнулась. Смысл жизни забрезжил перед ней, возникнув отсюда, откуда она и ожидать не могла, — из сводки новостей. Впервые на ее памяти журналисты дали ей что-то полезное и, похоже, ценное.

Она засмеялась во весь голос, встала и быстро, торопясь, как на привычную, до пенсии, службу, стала убирать со стола.

Надо прийти пораньше и сразу к начальнице — объяснить ей, что Аврора в опасности, а ведь это животное с большими заслугами перед государством и народом, которое надо сберечь, чтобы на его примере воспитывать подрастающее поколение полицейских. Полковник должна понять, ведь она же всегда с таким проникновенным видом повторяет, что «нынешняя стратегия правоохранительных органов позволит поднять гуманность на новый, невиданный доселе уровень и сделать их служение социально-ориентированным и предметно-практическим». И, несмотря на всю свою нелюбовь к этому конкретному полковнику, Татьяна Ивановна думала, что, в сущности, начальница права: органы коренным образом изменились.

Еще ей нравилось, как полковник не отвечала на каверзные вопросы, когда вдруг приходилось иметь дело со штатскими — людьми чужими и странными, которые не носили погон и могли прийти и уйти без разрешения. Полковник просто молчала и смотрела на спрашивающего — холодно, светло и насмешливо, словно бы знала о нем что-то такое, в чем тот и себе-то боялся признаться. И вскоре любитель попытаться опускаться, беспомощно краснел и втягивал голову в плечи. И вроде ему ни рук не выкручивали, ни дубинкой по почкам не били, а у него уже тек по вискам пот, он чесался и топтался на месте, словно хотел немедленно убежать и больше никогда не возвращаться.

Поначалу Татьяне Ивановне казалось, что полковник прямо так и родилась на свет с этим своим волшебным умением. Конечно, оно не вызывало любви, но почтения прибавилось, и Татьяна Ивановна стала внимательнее присматриваться к начальнице, перенимать навыки и такой Службы. Осознала, что руководителей, как и лошадей, тоже учат в разных академиях и на курсах, как с кем себя вести, как не пугаться ругани и угроз и что при этом говорить. Или не говорить, а только всезнающе ухмыляться.

3.

Аврора обиделась. Это чувство появилось сразу, как только ее глаза привыкли к полумраку нового помещения, в которое ее ввели. Она просто оторопела, увидев сородичей, стоящих и лежащих на грязных опилках, с

нечищенными мордами, забитыми пеной ноздрями и с бесцветными глазами, в которых не было блеска и комками засохла слизь. Она даже брезгливо тряхнула гривой и попыталась остановиться, но человек, который вел ее на брезентовом ремне, грубо зажал поводья и свободными концами не больно, но оскорбительно ударил ее по крупу.

И Аврора поняла, что попалась. Ей припомнилось, что в таких случаях говаривал старший над хозяйкой: «Все по одному делу попадают — за глупость. Был бы умный, как-нибудь бы да уберегся». И служба уже не вернется, и хозяйка, исчезнувшая в одночасье, может быть, уже не жива. И она, Аврора, осталась одна. Навсегда.

Человек тянул ее вглубь конюшни, воняющей немывтыми телами и опасными крысами, угрожающе замахивался и бормотал такие слова, за которые всего лишь неделю назад его могли бы пристегнуть железками к ее седлу, и она бы не без удовольствия дергала его из стороны в сторону, переходя с шага на легкий бег и замедляясь только по окрику хозяйки.

Печальным был путь. Старые жильцы вставали и выглядывали из стойл, уныло поворачивая морды вслед, роняя густые желтые слюни, не моргая и не издавая ни звука. Откуда-то тянуло сквозняком. Кормушки и поилки были пусты, в некоторых валялись дохлые мыши. Почти в самом конце помещения виднелись пустые стойла. Человек выбрал — видимо, в наказание за непослушание — не соседствующее с животным, а следующее, оставив между приведенной лошадей и ее единоплеменниками пустой загон, лишив новенькую даже малейшего общения. Аврора расстроилась пуще прежнего.

Конюх не стал церемониться и крепко привязал поводья к стальной стойке возле денника. Несвязно бубня и мерзко ругаясь, долго возился с ключами, подбирая нужный, с замком, наконец распахнул дверь и щелкнул выключателем.

Аврора встала на дыбы и захрапела от ненависти, увидев грязно-белые стены и серый бетонный пол, едва прикрытый несвежими опилками.

— Ах ты, сука! — бранясь, отпрянул от нее конюх.

Аврора металась из стороны в сторону, стараясь выдрать ремень и вырваться наружу, напоследок ударив это кричащее, а значит, нарушающее установленный порядок существо.

Человек встал так, чтобы лошадь не могла дотянуться до него копытами, и злорадно скалился.

— Ничего, — приговаривал он торжествуя, — ничего, перебешишься! Устанешь — зайдешь туды, куды гонют, как миленькая! Еще и жрать попросишь.

Аврора выдохлась быстро. Сказались долгий переезд в неудобном фургоне, голод и жажда, угнетающая новая обстановка, а неприкаянное одиночество — конюх бросил ее прямо в широком проходе и ушел по каким-то своим делам — выжигало остатки бывшего самоуважения. Она громко всхрапнула, признавая поражение и показывая, что готова выполнить все указания ведущего. Но человек пришел не сразу, а лишь когда ясный прямоугольник далеких раскрытых ворот постепенно стал угасать, что свидетельствовало о завершении дня.

У лошади подгибались колени, ей хотелось попить, а потом лечь и закрыть глаза, чтобы не видеть весь этот неуютный новый мир, данный ей — она это отчетливо поняла — навсегда.

От подошедшего несло алкоголем. Аврора помнила этот запах, поскольку так часто воняло от людей, которых она вместе с хозяйкой конвоировала в полицейское отделение. Мужчина безразлично и бесстрашно — видимо, она была не первой, кого так поначалу бросали посередине конюшни, — приблизился к лошади, отстегнул поводья и, подталкивая в бок, загнал ее в денник. Снял уздечку и поводья, подтолкнул животное еще дальше в загон и закрыл решетчатую калитку. Пробормотал что-то непонятное, опять выругался и ушел.

Чувствуя полное бессилие, Аврора все же несколько раз ударила задними ногами по молочным стенам, каждый раз оглядываясь: отлетел ли кусок краски, хорошо ли она запачкала их, закрыла ли этот пронзительно бьющий в мозг белый цвет. Потопталась по полу, растаскивая опилки, прошлась по периметру, касаясь боками стен, обживая пространство, в котором наверняка предстояло провести очень много времени.

Конюх вернулся, налил в поилку воды, расплескивая на пол, из другого ведра насыпал в кормушку овса. Аврора, с трудом сохраняя остатки гордости, дождалась, когда он скроется с глаз, и только потом подошла и осторожно пригубила долгожданную влагу. Жидкость оказалась привычной температуры, и лошадь, увлекшись, вылебала посудину до дна. Есть не хотелось, и она, уже не спеша, обошла загон, принаравливаясь, ища место, где можно отдохнуть. Решила все-таки лечь в углу, находящемся ближе к стойлам сородичей, в надежде ловить хотя бы запахи соплеменников.

На потолке погас отсвет последнего далекого желтого круга электричества. Аврора осторожно подошла к ограждению, выглянула, услышала, как на краю прошлой жизни со скрипом закрылись ворота конюшни. В темноте она перестала различать, какого цвета задняя стена стойла, и, слегка успокоившись, легла. В правом боку, которым она привалилась к шероховатой стене, больно кололо, от бетона поднимался пронизывающий холод. Она закрыла глаза, и последний, ослепительный в своей отчетливости день настоящей, вместе с хозяйкой, Службы вспыхнул в ее возбужденном мозгу.

...Лошадей разбудила включившаяся раньше положенного времени вода в автопоилках. Потом вспыхнули диодные лампы, озарив конюшню мертвенным бледно-синим светом. Озабоченные конюхи двигались по проходу, закладывая в небольшие сеники у каждого стойла свежее сено. Слегка встревоженные кони поднимались, встряхивались и подходили к воде. Еще не все дожевали травку, а в кормушки уже засыпали корм. И, не дождавшись, пока крайние доели последние куски концентратов, к животным, находившимся ближе к выходу, уже подошли хозяева, напряженные и взвинченные, как почувствовали лошади.

Помимо обычного снаряжения и пластиковых шор в этот раз женщина пристегнула Авроре широкий нагрудник из гибкого, но твердого материала. Вместе с конюхом перебинтовала сухожилия, надела наколен-

ники и ногавки, а поверх копыт — защитные колокольчики. Под седло положила вальтрап, а на круп — попону, плотную сверху, а снизу мягкую. Осмотрела, поворачивая, снаряженную лошадь, осталась довольна и повела наружу, на ходу переговариваясь с коневодом.

— Первая неделя декабря, а морозно...

— Да, — согласился конюх. — У погоды свои резоны, что ей наши проблемы.

— Зима, а снега нет, — вздохнула хозяйка. — Я розы, конечно, в палисаднике укрыла, но, если сугробов сверху не навалит, померзнут.

— И то. Климат на глазах меняется: то оттепель, то стужа... Не понимаешь, к чему и приспособливаться, какую одежду надевать.

На плацу их уже ждали специальные машины с прицепленными вагонами на шесть животных. Аврора немножко удивилась и заволновалась: их нечасто перевозили в комфортабельных импортных прицепах, обычно это делалось для доставки в центр города. Значит, работа сегодня будет ответственной.

Женщина бережно завела Аврору в вагон, где уже стояли две лошади, погладила по шее, подала вежливо морковку и вышла. Скоро транспорт заполнился, дверь закрыли, и мягкое покачивание оповестило, что машина тронулась. Аврора успела увидеть в окошко, что хозяйка с большой спортивной сумкой забежала в бело-голубой, с зарешеченными окнами автобус, который тронулся следом.

Ехали долго, сквозь узкие окна прицепа уже начало проглядывать солнце. Остановились в тесном переулке, заполненном разнообразной техникой. Лошадей вывели не сразу. Когда распахнулась дверь, Аврора сначала даже и не угадала хозяйку. Та была одета в черный бронезилет, такие же черные щитки прикрывали предплечья и голени, горбились на локотники и наколенники, на голове — большой шлем с открытым забралом. У пояса висели наручники, дубинка, серый цилиндр с красными пятнами и что-то вроде ручного фонарика.

Хозяйка осторожно вывела Аврору наружу и для разминки проводила к началу широкой улицы. Аврора немного дрожала, еще не привыкнув к холоду. Женщина аккуратно похлопала ее по спине, счищая иней, и взлетела в седло. Секунда — и они слились в кентавра с едиными чувствами, нервами, сосредоточенного только на исполнении Службы. Вместе с такими же едиными черными созданиями выстроились в линию, перегородив переулок. По громкой и резкой команде, прогремевшей из мегафона, двинулись вперед, стараясь не ломать строй. Как удар бича, прозвучал еще приказ, полицейские взяли в руки дубинки и перехватили их поудобнее...

Передний ряд выдвинулся из переулка.

Площадь была наводнена людьми, человеческие ручейки и реки ежеминутно выносили на нее с прилегающих улиц, из переулков, подземных переходов все новых и новых мужчин и женщин. Пар из тысяч ртов клубами поднимался над зданиями, голоса сливались в мощный гул, и он напоминал клочкотание пробудившегося вулкана.

Авроре это невиданное людское скопище напоминало огромное живое существо, набирающее силы и готовящееся к прыжку, подбадриваю-

щее себя речевками: «Мы не дадим вам умыкнуть нашу свободу!», «Мы не слушаем ваши отравленные слова!», «Мы не верим вашим лживым обещаниям...». Над исполином развевались большие и маленькие белые полотнища, ленточки, флажки.

— Это Геракл! — охнула хозяйка. — Черт побери, огромный какой...

— Ничего, — сквозь зубы прошипел старший, — сейчас мы ему сухожилия подрежем.

— Рысью, марш! — взвыл мегафон.

И кентавры двинулись вперед — к центру площади, рассекая людскую воду, рассыпая удары дубинок налево и направо. Торопящиеся следом пешие омовцы довершали разгром, выхватывали отдельных непримиримых, как скользких рыбин, и, выкручивая им руки, бросали в садки-автозаки.

Аврора и Татьяна Ивановна перестали чувствовать мороз. От быстрых, дух захватывающих действий по ним прошла первая волна жара — та, от которой под формой и бронежилетом, под верхней и нижней попоной и бельем становится влажно и горячо. Но они ни на миг не останавливались, не переводили дыхание, а продвигались по площади все дальше и дальше, рассекая толпу. И спустя час накатила вторая горячка — та, от которой пот высыхает. Ни ледяной ветерок, потягивающий со всех сторон, ни нескончаемая круговерть падающих и уволаскиваемых тел — ничто не могло их отвлечь от Службы, к которой они готовились так долго.

На декоративных столбах уличного освещения, обрамлявших площадь, висели и сидели подростки, они беспрестанно улюлюкали, размахивали белыми тряпками, кидали в полицейских перчатки и шарфы, гамбургеры, жвачку и конфеты. Одна из сосисок больно ударила Аврору по носу.

Распаленная бегом и битвой, кобыла, почти не слушаясь седока, подскочила к светильнику, уперлась лбом, защищенным кевларом, в трубчатую опору, надавила со всей силы, стремясь опрокинуть железку вместе с мальчишкой, устроившимся в обнимку с мигавшим от перенапряжения фонарем на самом верху, непрерывно вопящим что-то нахальное и трясушим широкой белой лентой.

Столб покачнулся, но устоял, а подросток пронзительно засвистел и, перегнувшись, стал размахивать белой тряпкой прямо перед глазами животного.

Рывок и напор Авроры позволили Татьяне Ивановне привстать в стременах, вытянуться стрункой и резким ударом выдвинутой до упора телескопической дубинки достать пацана по обнаженной ноге между обувью и задравшимися джинсами. Тот заголосил от неожиданной пронизывающей боли, дернулся, и белая кроссовка с красными шнурками слетела на асфальт. Аврора тут же наступила на нее грязным копытом и злобно растоптала в молочно-красные ошметки. Мальчишка подобрал ноги повыше и обиженно надулся, почти заплакал.

Хозяйка огляделась: вокруг продолжалось избивание толпы, пытающейся найти промежутки, чтобы вытечь из котла, созданного кентаврами и омовцами. Некоторые избиваемые сопротивлялись, накидывали флаги на головы лошадям, сцеплялись руками и упирались клином, но от

этого им становилось только хуже. Завидев такое скопление, всадники атаковали его с удвоенной силой, кидали под ноги бунтарям светошумовые гранаты, а за спину — слезоточивые и дымовушки.

Аврора чувствовала: хозяйке хотелось помочь коллегам, но сидящий на фонаре подросток, продолжавший кричать непонятные лозунги, свистеть и размахивать белой тряпкой, раздражал их обеих неимоверно. Да он, им так казалось, и был центром, средоточием, сердцем этого многоликого Геракла-исполина. И тогда Татьяна Ивановна сорвала с пояса электрошокер, принудила Аврору чуть отступить от железной опоры и стать боком, прижала электроды к трубе и нажала спуск.

Мигавший фонарь резко вспыхнул и перегорел. Мальчишка замер на полуслове и, раскинув руки, повалился спиной в месиво борьбы. Он падал, как в воду, но, в отличие от жидкости, которая образовала бы впадину, принимая погружающийся в нее предмет, в толпе на месте падения подростка возникла возвышенность — из взметнувшихся навстречу рук, готовых принять его и не дать рухнуть на камни, из распрямившихся спин и плеч. Разинутые рты изрыгали проклятия, а распахнутые глаза запечатлевали, словно фотопленки, миг трагедии.

Увидев планирующий вниз белый флаг, Аврора от восторга встала на дыбы.

Подростку не дали упасть на брусчатку, его подхватило множество рук, и сразу раздался вопль: «Врача! Скорее!» Но, охваченная безумием стычки, хозяйка направила лошадь в образовавшееся людское скопление, стремясь прорваться к главному на сегодня противнику, чтобы закрепить успех — схватить, заломить руки назад, заковать в наручники и отправить за решетку.

В толпе, окружившей положенного на скамейку пацана, появились палки, выломанные из этой же лавочки, и кто-то сильно ударил Аврору по колену. Она громко всхрипнула от неожиданной и резкой боли, попыталась достать нападавшего другой ногой, но не получилось — не было правильного упора. Хозяйка завизжала. Аврора отшатнулась, мелко-мелко прядая ушами и быстро-быстро перебирая копытами, чуть не упала сама и едва не уронила женщину.

— Стоять! — заголосила Татьяна Ивановна. — Стоять! Ребята, на помощь!

Омоновцы откликнулись мигом. В толпу полетели светошумовые гранаты, пешие бойцы, тяжело дыша, матерясь и размахивая дубинками, вклинились между Авророй и сопротивлявшимися. С кого-то сбили очки, пронзительно заверещала девушка, раздался треск разрываемой куртки, скамейку опрокинули, и через минуту место побоища заволокло дымом и паром.

Хозяйка спрыгнула с седла и за поводья потянула Аврору назад — к переулку, из которого они атаковали, к транспортному прицепу, где была развернута палатка полевой ветеринарии и сидел дежурный фельдшер. Она постоянно оглядывалась назад — на лошадь, и Авроре хорошо и отчетливо было видно ее лицо, которое несколько не портили несколько глубоких морщин, перерезавших открытый лоб, свежая, сочащаяся жиденькой кровью ссадина на подбородке и мутные капли пота, выступившие

над верхней, вздернутой в зверином оскале губой. Оно было прекрасным, божественным, светилось целеустремленностью и преданностью целям великой Службы.

Аврора давно заметила, что лицо хозяйки, не совпадая по мелочам, в целом до странности похоже на лицо старшего, конюха, инструктора, даже «Здравей-жай-тов-ктана». У них у всех обязательно твердый раздвоенный подбородок, прямой, без горбинки, нос, тонкие волевые губы, жестко обтянутые кожей скулы, глаза — честные и непримиримые, умеющие долго смотреть в упор и повелевать без слов. Порой Аврора ночью в своем деннике пыталась скопировать их выражение, сделать морду такой же бескомпромиссной и беспощадной и понимала — такие лица могли принадлежать только высшей породе, самой умной, бесценной, редчайшей породе животных, которые только и годны для Службы. И она надеялась, что добросовестным и неукоснительным выполнением команд хозяйки заслужит, чтобы женщина стала считать и ее высшей породой, приняла в свою служебную семью...

В большой вентиляционной трубе, установленной под самым потолком, загромычала затянутаая воздушным вихрем крупная льдинка. Аврора открыла глаза — ничего не изменилось: те же смазанные темнотой контуры конюшни, нечистый запах, а в правом боку, которым привалилась к шершавой и грязной бетонной стенке, больно кололо, словно какая-то часть организма стремилась пробиться сквозь ребра наружу.

4.

Товарищ полковник не подвела. Увидев вошедшую — предварительно постучавшую и получившую разрешение — Татьяну Ивановну, она скупно, поскольку находилась при исполнении, улыбнулась и встретила коллегу словами:

— Знаю, знаю, зачем вы пожаловали. Наверное, услышали новости о лошадях? — Начальница встала. — Ох уж эти журналюги! Растреплют всему свету и перевернут на ходу, не поморщившись.

— Помните, — все же начала приготовленный монолог Татьяна Ивановна, не в силах вот так сразу переключиться на волну руководителя, — я вам несколько раз рассказывала об Авроре, которая, можно сказать, спасла меня в одной из заварушек?

— Как же, как же. — Полковник обошла внушительный стол, доверительно взяла коллегу за руку. Татьяна Ивановна обмерла от счастья. — Да вы присаживайтесь, сейчас я вам кофейку соображу, а потом мы поедем.

Татьяна Ивановна послушно проследовала за начальницей к небольшому столику и села на краешек кресла.

— Куда? — робко спросила, волнуясь от неожиданного, почти интимного контакта. — Куда поедем?

— На конюшню, — буркнула начальница. — Будем демонстрировать журналистам, что с лошадьми, отправленными на ответственное хранение, все в порядке. Они сыты, напоены, находятся в достойных, соответствующих их статусу условиях. А вы, как специалист совместной с

ними службы, подтвердите, что все как надо, и расскажете какую-нибудь душещипательную историю о своей лошадке.

— Аврора тоже там? — разволновалась Татьяна Ивановна, зазвенев ложечкой в чашке. — Она жива? С ней все в порядке?

— Да успокойтесь, в конце концов! — рассердилась товарищ полковник. — Что вы как студентка какая-нибудь, а не полицейский с большим стажем. Не знаю, кто там содержится, но, поскольку будут показывать журналистам, значит, все живы и, наверное, в норме. Тем более что условия и рацион питания животных регламентируются федеральным законом и неукоснительно соблюдаются.

Начальница внимательно посмотрела на подчиненную. Та поставила кофе на стол и безотчетно сжимала кулаки.

— Вы способны будете все сказать как положено? Что-то вы уж слишком разнервничались...

— Нет-нет, — Татьяна Ивановна отодвинула забренчавшую чашку с недопитым кофе, встала и распрямила плечи. — Я смогу, я готова. Едем!

Она первая поспешила в коридор и надела форменную куртку и демисезонное кепи.

Доехали быстро на шикарном черном служебном внедорожнике товарища полковника с кожаным салоном и чувственным ароматизатором. Всю дорогу валил снег, начавшийся еще рано утром вместе с порывистым ветром. Ослепительно-белые, крупные, замысловатые снежинки густо заполняли пространство, сокращая видимость и затрудняя движение, маскируя находящееся снаружи, превращая окружающий мир в нечто мягкое и пушистое, непохожее на повседневность.

У слагбаума, перекрывавшего въезд на территорию режимного объекта, уже скопились машины, кучковались журналисты, покуривая и подетски радуясь настоящей зиме и снегопаду. Метель не успела скрыть просевший и ломаный шифер на крыше конюшни, как будто бы придавленной сверху чем-то грузным и неровным. Металлические столбики вентиляционных воздухопроводов пестрели ржавчиной и глубокими трещинами, их поклевывали многочисленные здоровые вороны и шустрые голуби, шумно перепархивающие с места на место. Окошки подслеповато посверкивали разбитыми стеклами, рамы в них растрескались и перекосились. Да и все здание, обмазанное в неизвестном году грязноватой известкой, напоминало глинобитную хижину, растянутую до размеров авиационного ангара.

Товарищ полковник солидно и достойно вынесла себя из автомобиля, поправила зимнюю шинель с каракулевым воротником и кокетливо, чуть набок, приладила на ухоженную головку каракулевою же папаху. Увидев представительную машину, работники пера и микрофона сразу поняли, что прибыло лицо, уполномоченное с ними разговаривать, и, бросив недокуренное и недорассказанное, рванулись со штативами наперевес к начальнице, уверенно двинувшейся им навстречу.

Они сошлись у КПП. Товарищ полковник важно подняла тонкую руку в лайковой перчатке, призывая к тишине, и со значением произнесла:

— Хочу сразу подчеркнуть, что руководство УМВД на состоявшемся недавно заседании городской думы обращало внимание народных из-

бранников на проблемы, связанные с содержанием служебных лошадей кавалерийского полка патрульно-постовой службы. После заседания мы направили информационное письмо главе гордумы, в котором сообщали дополнительные подробности.

Начальница с ходу подавила попытки поговорить с ней на конкретные темы и предложила пройти и посмотреть, как чувствуют себя много лет выходявшие на охрану общественного порядка и покоя граждан животные, с гордостью добавив, что эта конюшня в системе МВД образцовая и период дожития лошадей в ней составляет свыше пяти лет.

Попирая снежное покрывало не соответствующими уставу заграничными модельными полусапожками, она направилась к предупредительно распахнутым воротам конюшни. Журналисты потянулись следом, сообщив, что от товарища полковника они добьются немногого.

Татьяна Ивановна дождалась, пока все отвернутся и двинутся к обозначенному «объекту ответственного хранения». И только потом, не торопясь, вылезла из машины и потихоньку побрела за ватагой любопытствующих. Ей внезапно расхотелось встречаться с Авророй. Она осознала, что ее переживания — это некое отклонение от правильного курса Службы, и чувствовала себя неловко, потому что свои первоначальные волнения интуитивно понимала как верные, иначе бы не бросилась сразу к руководству. Теперь же ее мучили сомнения. А в таких неопределенных случаях она обычно растягивала любое действие, превращая его в ритуал, чтобы получить лишнюю минутку на раздумье.

У входа в конюшню гостей встретил дневальный, попытавшийся отдать рапорт товарищу полковнику, но та от него отмахнулась и приказала провести гостей по намеченным заранее точкам. Впереди пошел конюх, рядом с начальницей — ветеринар, а в хвосте, заботясь, чтобы журналисты долго не задерживались на одном месте и не слишком вникали в реальное положение дел, — дежурный.

К приходу прессы заранее подготовились. Средний проход был вычищен, выщербленный бетонный пол темнел свежими цементными заплатками, заметно выделялись недавно вставленные доски в денниках, вода в поилках манила прозрачностью, сквозняк от ворот, с самого утра раскрытых с обеих сторон, вынес неприятные запахи. Радовала глаз новенькая доска объявлений и распоряжений с графиком кормления и прогулок животных, с фамилиями дежурных. На каждом загоне имелась табличка с инвентарным номером, кличкой лошади, годом ее рождения и выборки со службы, именем прикрепленного к ней конюха.

Журналисты активно снимали животных телекамерами, фотографировали фотоаппаратами и смартфонами. Несмотря на общий позитивный вид, два коня в возрасте двадцати пяти лет — на их табличках были имена Лобзик и Лох — казались истощенными. Ветеринар объяснила это особенностью обмена веществ пожилых животных и подтвердила, что осестью лошадей не выгуливали из-за конского гриппа.

— Данные животные находятся на балансе МВД, за каждой закреплен конюх, — провозгласила товарищу полковник. — Средствами массовой информации распускались слухи, что на их питание тратится всего по девять рублей в сутки. Это неправда! На кормежку в среднем уходит сто

девяносто один рубль в день, это пять тысяч семьсот тридцать рублей в месяц. На каждую лошадь приходится по семь килограммов сена и шесть овса, корма закупаются по оборонному заказу. Животные всё получают исправно. Умершие кобылы, о которых сообщали газеты, были в почтенном возрасте и пострадали от тяжелой формы гриппа.

Татьяна Ивановна подошла к воротам конюшни, прислонилась к косяку и прислушалась к отдаленным голосам, сливавшимся в монотонный бубнеж.

«Зря я сюда пришла, — подумала она. — Зачем меня сюда, собственно, принесло? К живому потянуло, к тому, что можно еще пожелать. Наверное, мне показалось, будто я что-то поняла. Что-то со мной сделалось за последний год... Я утратила цель, наверное, вот что! Служба закончилась, и целеустремленности не осталось. Даже нужник каменный не смогла выстроить на огороде, развалился к осени: как дожди пошли, земля отсырела — и фундамент поплыл. Всего каких-нибудь пять лет назад я точно знала, зачем нужны те или иные мои действия. А теперь вот сомневаюсь, да и просто — не знаю».

На фоне яркого просвета в другом конце здания колыхались в мареве испарений фигуры людей.

— А вот это, — втолковывала телевизионщикам товарищ полковник, — кобыла Аврора! Наш старый боевой товарищ, доблестный работник. Неоднократно участвовала в подавлении массовых беспорядков, лошадь особого назначения. В знак признания ее заслуг перед государством ей присвоено специальное звание — старший прапорщик полиции! Полгода назад мы торжественно проводили ее на пенсию. Много вкусняшек подарили, приезжал даже начальник главка, товарищ генерал-лейтенант, чтобы лично проводить животное на заслуженный отдых, отдать ей, так сказать, все положенные почести...

Аврора стояла, повернувшись крупом к выходу, с закрытыми глазами. Сегодня она очнулась от полуборморочного сна очень рано, ее потревожил внезапно включившийся мертвенно-бледный свет, оглушительный грохот ведер и баков, громкие человеческие голоса и уличный воздух, ворвавшийся в конюшню и заолодивший лежанку. Она не хотела подниматься, но стужа пронизывала тонкую шкуру на животе, и пришлось приложить огромные усилия, чтобы сначала сесть на круп, согнуть колени — правое переднее распухло и откликалось пульсирующей болью — и резким рывком подбросить тело, ощущавшееся чужим, вверх.

Аврора распрямилась, перевела дыхание, успокоилась. Сегодня ей впервые в жизни приснился чудесный сон, в котором ее звали Скрипкой. Женщина, управлявшая ею, была просто другом, а не хозяйкой. И в живописном, заросшем кустарником и лохматыми деревьями парке они катали на маленькой, расписанной разноцветными красками тележке смешных человеческих детенышей. Дневной свет был таким ярким, лучи солнца, просачиваясь сквозь ветки и листья, крошились на отдельные резные кусочки, покрывавшие Скрипку с головы до хвоста невесомой белоснежной попоной. Волосы идущей рядом и счастливо улыбающейся женщины отливали белым золотом.

Аврора знала, откуда это наваждение. Как-то раз, патрулируя вместе с хозяйкой городскую площадь, она видела такую же повозку, в которую была впряжена маленькая, непохожая на нее лохматая и легкомысленная лошадка. Тогда Аврора удивилась этой непонятной и несерьезной службе, гордо и независимо продефилировала мимо с высоко поднятым хвостом. А хозяйка засмеялась, ласково потрепала ее за шею и сказала шепотом в самое ухо: «Вот выйдем на пенсию и станем так же катать детишек...» Но пенсия, как Аврора осознавала, пришла уже давно, а женщина так и не исполнила данного обещания. И было обидно за всегда такую правильную хозяйку и немножко — за саму себя, потому что Аврора чувствовала: ей бы понравилась эта новая служба, наверное, гораздо больше, чем та, которую приходилось выполнять раньше.

Коневоды разнесли корм и налили воды. Есть не хотелось, а попить она подошла — вылебала чистую, давно такой не было, влагу и вернулась к стенке. Закрывает глаза, погружаясь в отстраненную дрему.

Далеко-далеко раздался голоса. Аврора почуяла запах предметов, всегда присутствовавших при массовых скоплениях людей, она даже запомнила их название, поскольку оно часто повторялось хозяйкой и старшим: телекамеры — их еще приказывали не трогать, чтобы они не разбились. Звуки то поднимались, то опадали, то приближались, то отдалялись, совсем как при движении разгоряченной толпы. У Авроры рефлекторно поджались мышцы, она тряхнула гривой, в натренированном мозгу всплыла картинка — строй кентавров, равняющийся на выходе из переулка.

Человеческая ватага остановилась возле ее денника. Хаотичные звуки наполнили пространство.

— Откройте загон, — сказала начальница конюху, красуясь перед журналистами выправкой и статью.

— Э-э-э, товарищ полковник, — беспокойно протянул коневод, — лошадь слегка не в себе, нервничает, переживает...

— Вы слышали приказ? — грубо оборвала начальница. — Выполняйте! И доложите командиру конюшни, что я наложила на вас взыскание.

Конюх хмуро загремел цепью. Дважды кликнул замок, и заскрипела открываемая дверь.

— В этом году в ведомстве проведена плановая выбраковка служебных лошадей, непригодных для дальнейшего использования по целевому назначению вследствие полной утраты служебных свойств, — торжественно объявила товарищ полковник. — Организацией, уполномоченной решать вопросы, связанные с высвобождением и реализацией движимого имущества полиции, является ФКУ «Центральное окружное управление материально-технического снабжения МВД России». Но желающие приобрести списанную служебную конскую единицу должны обращаться к командованию, и мы внимательно рассмотрим заявление.

Аврора внезапно ощутила родной аромат хозяйки. Он был слабеньким, едва осязаемым, стелющимся по низу от ворот конюшни. Она подумала, что все-таки мальчишка одержал верх и каким-то образом сумел спешить женщину и сейчас бьет толстой деревянной палкой, выломанной из скамьи, поэтому запах так незначителен: хозяйка не торопится сюда, а отбивается от нападения.

Аврора всхрипнула и, решив, что снова в строю, резво повернулась. Под отросшей спутанной и грязной челкой яростно горели два больших голубых глаза, кобыла скалилась, жалея, что нет во рту удила, — так было бы страшнее.

В гурьбе, стоявшей у ее загона, она увидела огромное белое пятно — одна из журналисток пришла в белом пуховике, — всхрипнула, грозно встала на дыбы и рванулась туда.

— Назад, назад! — засуетился конюх, оттаскивая оцепеневших женщин от денника.

Товарищ полковник потеряла один полусапожек и прижалась к грязной выпщербленной стене. Операторы расступились, прикрывая собою камеры.

Аврора выпрыгнула в проход и понеслась на запах хозяйки, высекая искры из бетонного пола. Служба вернулась — и она была готова к ней, преображаясь на ходу: тело подобралось и стало упругим, хвост развеялся, как победное знамя, грива взметнулась и уже не опадала, шея вытянулась в струнку. И Аврора услышала ту тишину, которая всегда сопровождала ее перед тем, как она врезалась в тугую толпу, издав далеко казавшуюся такой сплоченной и единой, а на самом-то деле рыхлую и податливую, когда в нее вгоняется, словно клинок по рукоятку, существо, наделенное пониманием долга. И в этой тишине, как всегда перед схваткой, она слышала только себя — дробь копыт, жаркое, пьянящее дыхание атаки! Это была величайшая минута службы Авроры, ее звездная минута!

Лошадь вырвалась из конюшни и встала так резко, что наст, успевший образоваться на снегу, брызнул из-под ее ног. Перед ней расстилось огромное белое полотнище, чистое и сверкающее под проглядывающим неярким солнцем. «Они одолели, — подумала Аврора. — И хозяйки уже нет». А с неба продолжали падать новые и новые белые ленточки и кружочки, покрывавшие уже и ее шкуру. Она еще упрямо шагнула — и упала на снег.

Татьяна Ивановна с трудом заставила себя отлепиться от створки ворот конюшни, к которой прикинула от страха, как только слышала звон подков идущей в атаку лошади. Она остороженько, подальше обогнула лежащую Аврору и заспешила к автомобилю, зачерпывая бортами форменных полуботинок свежий холодный снежок.

Быстренько распахнула заднюю дверцу, залезла внутрь и, инстинктивно перебравшись к противоположной двери, защелкнула блокираторы. Забилась в угол сиденья, зажала между ногами трясущиеся кисти рук, отвернулась к тонированному окну и в смятении повторяла и повторяла беззвучно:

— Так хо-ро-шо. Так хо-ро-шо. Так хорошо...

Но даже сквозь темную пленку к ней пробивался ослепительный свет, в котором она угадывала белые и насмешливые лица матери и деда и еще мальчишку, торжествующе раскинув руки, летящего с фонаря.

Евгений БАБИКОВ

РЯБИНОВЫЕ ПЕСНИ

Желания

По щучьему веленью не получится,
Перо жар-птицы выпало не всем...
Мы будем долго мыкаться и мучиться,
Пока не повзрослеем насовсем.

На самобранки-скатерти нет ордера,
Где все — само! А ты попробуй сам
Испить воды живой и мертвой Родины
Да не пролей напрасно по усам.

Найди себе дорогу на распутии,
А не проси клубочек у Яги.
У старой сказки нет конца. Забудь ее!
От всех советов — и моих — беги!

Не примеряй чужих одежд и имени.
Прими свой крест и донеси его
До дня, когда, для Бога не чужие, мы
Желать уже не будем ничего.

* * *

Давно на все вопросы есть ответы,
Да не с кем по душам поговорить.
Друзья закончились, как в пачке сигареты...
О боже! Как же хочется курить!

РЯБИНОВЫЕ ПЕСНИ

Поздняя ягода

Я и не загадывал —
Все само вышло так:
Ты моя ягода
Поздняя, лишняя.

У любви краденой
 Ни души, ни тела...
 Поздняя ягода —
 Самая спелая.

Все слова помнишь ты —
 Глупые, робкие,
 Как в реке омуты,
 Гиблые, топкие.
 В омуты надо нам
 Прыгать без оглядки...
 Поздняя ягода —
 Самая сладкая.

Бабье лето кончится,
 Станет день вечером,
 А любить хочется,
 А жалеть не о чем.
 Листопад радует,
 Твой ответ знаю я...
 Поздняя ягода —
 Самая-самая.

Романс недотроги

В мятых липах старая дорога,
 Прошлогодних листьев сладок дым;
 Ты губами рук моих не трогай —
 Посидим и просто погрустим.

Мы с тобой забудем все, что было,
 Если кто-то что-то не забыл;
 Никогда тебя я не любила,
 Никогда меня ты не любил.

Теплый ветер солнце в дом приносит,
 И сирень бушует у окна,
 А у нас с тобой сегодня осень,
 Даже если на дворе весна.

Фотографий я не сохранила,
 Писем ты моих не сохранил:
 Никогда тебя я не любила,
 Никогда меня ты не любил.

За окном дорога от порога,
 А на сердце сумерки опять;

Называл меня ты недотрогой,
Так и не сумев поцеловать.

Я тебе, конечно, все простила,
Но какой же ты несмелый был!
Милый, я всегда тебя любила.
Ты меня когда-нибудь любил?

Романс рябине

Ах, какая у меня
под окном рябина!
Листья темно-красные,
грозди как в крови.
Ты сказала, что меня
навсегда забыла,
ты сказала, что у нас
не было любви.

Я ответил: «Не спеши,
может все случиться!
Стерпится — так слюбится,
поживем — пойдем».
А рябина в душу мне
ветками стучится
и роняет ягоды
под моим окном.

Я беду переживу,
вырву боль из сердца.
А когда захочешь ты
ласки и тепла,
мы у красного костра
будем вместе греться,
и рябина все простит,
не помянет зла.

Ранним утром до зари
тихий дом покину,
вновь дорога длинная,
вновь в тумане даль.
Ах, какая у меня
под окном рябина!
Ах, какая у меня
на душе печаль!

Геннадий ПРАШКЕВИЧ

АРХИПЕЛАГ ИСЧЕЗАЮЩИХ ОСТРОВОВ

Поиски литературной среды и жизнь в ней

Многие помнят строфы английского поэта и проповедника Джона Донна (хотя бы по эпиграфу к одному из романов Эрнеста Хемингуэя): «Нет человека, который был бы как Остров, сам по себе, каждый человек есть часть Материка, часть Суши; и если волной снесет в море береговой Утес, меньше станет Европа, и так же, если смочет край мыса или разрушит Замок твой или друга твоего; смерть каждого Человека умаляет и меня, ибо я един со всем Человечеством, а потому не спрашивай, по ком звонит колокол: он звонит по Тебе».

Но я помню и другие замечательные слова: те, что дали название моему эссе. Они принадлежат советскому писателю Л. Платову (являясь названием одного из его романов), которого я знал, к которому относился как к одному из своих старших наставников. Нечасто в обычной жизни можно с кем-то открыто поговорить о том, что тебя действительно интересует. У меня интерес к науке и литературе прорезался в ранние годы, я жадно, часто вслепую искал интересных мне собеседников и, к счастью, находил.

Письма, приведенные ниже, думаю, подтверждают это.

*Геннадий Прашкевич*¹

* * *

(От Ивана Ефремова)
Москва, 23 апреля 1957.

Уважаемые юные палеонтологи!² Вы, наверное, судя по письму, молодцы, но вы задали мне нелегкую задачу. Популярной литературы по

---

¹ Геннадий Мартович Прашкевич (род. в мае 1941 г. в с. Пировском Красноярского края) — поэт, прозаик, переводчик, историк литературы. Член Союза писателей СССР с 1982 г. (Союза писателей России — с 1992 г.), Нью-Йоркского клуба русских писателей — с 1997 г., российского ПЕН-центра — с 2002 г. Заслуженный работник культуры РФ (2007), лауреат отечественных и зарубежных литературных премий. Автор романов «Секретный дьяк», «Пес Господень», «Теория прогресса», «Дэдо», «Гуманная педагогика» и других. Живет и работает в Новосибирске. Постоянный автор «Сибирских огней».

² В начале 1957 г. я написал письмо И. А. Ефремову — на адрес Палеонтологического института АН СССР, рассказав о своем (и школьных моих приятелей) огромном интересе к миру давно вымерших животных и растений. Очень скоро пришла из Москвы бандероль: «Дорога ветров» — об исследованиях палеонтологов в Монголии, с автографом: «Кружку трех палеонтологов г. Тайги на добрую память от автора». С этого и началась переписка. — *Здесь и далее примечания автора.*

палеонтологии нет. По большей части — это изданные давно и ставшие библиографической редкостью книги. Кое-что из того, что мне кажется самым важным — Вальтера, Ланкестера, Штернберга и др., наверное, удастся достать, и я дал уже заказ, но это будет не слишком скоро — ждите. Свою последнюю книгу о раскопках в Монголии я послал вам. Извините, что там будет срезан угол заглавного листа — она была уже надписана в другой адрес.

Для вас я имею в виду пока популярные книги, но не специальные. Надо, чтобы вы научились видеть ту гигантскую перспективу времени, которая собственно и составляет силу и величие палеонтологии. Если вы ее поймете и прочувствуете, то тогда найдете в себе достаточно целеустремленности и сил, чтобы преодолеть трудный и неблагодарный процесс получения специальности палеонтолога. Никаких специальных институтов, где готовят палеонтологов, не имеется. В палеонтологии существует два отчетливых направления. Одно, наиболее распространенное и практически самое нужное, — это палеонтология беспозвоночных животных, связанная с геологической стратиграфией. Подготовка палеонтологов этого рода ведется на геологических факультетах некоторых университетов — Московского, Ленинградского, Львовского, Томского и др.

Другое направление, наиболее трудное, но и наиболее интересное и глубокое теоретически, — это палеонтология позвоночных, на которую идут люди только с серьезной биологической подготовкой. Это, собственно, палеозоология позвоночных, и для успешной работы в ней надо окончить биологический факультет по специальности зоология позвоночных со сравнительно-анатомическим уклоном (иначе — морфологическим). Это все так, но диплом дипломом, а вообще-то можно преуспеть в науке и с любым дипломом, лишь бы была голова на плечах, а не пивной горшок, да еще хорошая работоспособность.

Почитайте подготовительную популярную литературу, тогда можно будет взяться и за книги посерьезнее. А так — ваши товарищи правы — для человека невежественного скучнее палеонтологии ничего быть не может, всякие подходы к широким горизонтам в ней заграждены изучением костей и ракушек. Впрочем, и подходы к физике тоже заграждены труднейшей математикой. Везде так — нужен труд — в науке это самое основное.

Что вы собираетесь делать летом? Наш музей мог бы дать вам одно поручение: посмотреть, как обстоят дела с местонахождением небольших динозавров с попугайными клювами — пситтакозавров, которое мы собирались изучать в 1953 году, но оно было затоплено высоким половодьем. Это в девяноста километрах от Мариинска, который в 150 км по железной дороге от Тайги. Если есть возможность попасть туда и посмотреть — срочно напишите моему помощнику Анатолию Константиновичу Рождественскому (по адресу Москва, В-71, Б. Калужская, 16, Палеонтологический музей Академии наук СССР) о том, что вы могли бы посетить местонахождение. Он напишет вам подробные инструкции и советы, что надо делать.

Вообще вам надо связаться с нашим музеем — там есть хорошие молодые ученые, у них времени немного больше, чем у нас, старшего поколения, — и пользоваться их советами и поддержкой. Мне тоже можно писать по этому адресу.

Желаю вам всем всякого успеха и удачи. Иметь определенный интерес в жизни — это уже большое дело. Рассказы писать, по-моему, еще рано (для тов. Геннадия). Правда, может быть, особая гениальность... Все возможно.

С искренним уважением — И. Ефремов³.

* * *

(От Ивана Ефремова)
Москва, 10 июля 1957.

Уважаемый Геннадий со товарищи! Меня очень заинтересовало ваше сообщение⁴. Если вы действительно нашли там черепа пситтакозавров, а не что-нибудь другое, то вы все молодцы и вашу работу мы осенью отметим, когда съедутся мои сотрудники. Чтобы судить об этом, упакуйте ваши сборы в большой и крепкий ящик. Если они тяжелы, то лучше отправить ящик по железной дороге пассажирской скоростью по адресу: Москва, В-71, Большая Калужская, 33, Палеонтологический институт Академии наук СССР. Если же вес не очень велик, то упакуйте в два-три небольших ящика весом по 8—10 кг и пошлите почтой по тому же адресу. На все эти операции я переведу вам триста рублей, как только получу телеграмму в ответ на посланную вчера.

Рождественский⁵ забрался далеко в Южный Казахстан и вернется в Москву к середине сентября или к концу. Поэтому я пока замещаю его по переписке с вами. Однако торопитесь мне ответить, если еще что-нибудь нужно, так как я уезжаю после 20-го на отдых.

Упаковку производите так: каждый обломок должен быть завернут в отдельный кусок мягкой бумаги — газету — и затем все обломки, относящиеся к одной части, совместно в один большой пакет. Все тяжелые и большие куски должны быть помимо бумаги обернуты в вату (купите в аптеке) и переложены ватой, паклей или по крайности мхом, сухой и

³ Ефремов Иван Антонович (1908—1972) — крупный палеонтолог, основатель тафономии (одного из важных разделов этой науки), доктор биологических наук, лауреат Сталинской премии (1952, как раз за монографию «Тафономия и геологическая летопись»), писатель-фантаст, член Союза писателей СССР, автор знаменитых романов «Туманность Андромеды» и «Час быка», путевых записок «Дорога ветров». В одном из своих интервью (1969) очень ясно высказался о роли фантастики. «Эту роль я попытался бы сформулировать так: фантастика отражает отказ человечества от утилитарности мышления, возрождая на новом уровне идеи просветительства. Фантастика должна отвечать обязательному требованию: быть умной, а не мотаться в поисках каких-то необыкновенных сюжетных поворотов, беспочвенных выдумок, сугубо формальных ухищрений — в общем, всего того, что поэт метко охарактеризовал «химерами пустого баловства». Для меня эти слова Ивана Антоновича до сих пор остаются действенными.

⁴ В Шестаково по совету Ивана Антоновича мы действительно съездили. К сожалению, вода в реке Кия в то лето стояла высокая, зато мы нашли многочисленные следы стоянок людей каменного века.

⁵ А. К. Рождественский — палеонтолог, кандидат биологических наук, коллега Ефремова.

мягкой травой так, чтобы не касались друг друга, чтобы не тереться и не биться о стенки ящика или его дно.

Постарайтесь отправить как можно скорее, так как идет долго — пока там мы получим коллекцию, особенно если по железной дороге. Можно вместе с костями отправить кремни и черепки — по-видимому, в верхних горизонтах обрыва вы нашли остатки палеолитической или неолитической стоянки. Мы передадим их для определения в Институт материальной культуры — они установят ценность находки. В прилагаемой этикетке дайте чертеж обрыва и высоту залегания всех находок от уреза воды реки и от бровки (верхней) обрыва и схему геологического разреза. Оставшиеся от упаковки и отправки коллекций деньги можете употребить на покупку нужных вам научных книг, фотопринадлежностей, карт и т. п. — что там вам понадобится.

Одновременно с этим письмом я пошлю вам хороший атлас реконструкции жизни животных в разные геологические эпохи. Он на чешском языке, но смысл его — в отличных картинках.

В общем, мне экспедиция ваша нравится, и вы, по-видимому, — способные ребята. Ежели вас драить, по морскому выражению, не давать писать фантастических рассказов и вообще никаких пока, то толк будет.

С палеонтологическим приветом — И. А. Ефремов.

* * *

(От Леонида Платова)
 Комарово, 28 октября 1957.

Дорогой Геннадий! Позавчера получил из Москвы твое «Утро»⁶ и письма, и сегодня спешу ответить. Я, видишь ли, с июля не живу в Москве. Поэтому и «Утро», и письма лежали, пока мне их не догадались переслать в Комарово, под Ленинградом, в Дом творчества, где я нахожусь.

По поводу твоего «Утра». Это, несомненно, свидетельство твоей одаренности. Юноше 16 лет написать так! Есть и размах, и настроение, и несколько хорошо, в ефремовской манере, написанных сцен (напр., пляска девушек). Язык в общем хорош, хотя слишком гладок, по-ученически, извини меня. Желательно, чтобы ты уладил некоторые свои разногласия с грамматикой и орфографией, тем более удивительные, что пишешь-то ты вполне грамотно. Нельзя писать «женьщина», «коллона», «меллодия». Требуется также ставить мягкий знак в глаголах, которые отвечают на вопрос «что делать?»», «что будет делаться?». Тут у тебя просчет. А по существу дела боюсь, что «Снежное утро» будет трудно устроить. Может быть, в «Сибирских огнях». Или в каких местных изданиях. Честно говоря, я не нашел в этой короткой повести чего-либо такого оригинального,

⁶ Повесть о людях каменного века, написанная мною в 1957 г. С некоторыми правками я напечатал ее в журнале «Байкал» (Улан-Удэ), в последующем она не раз включалась в мои сборники, была даже переведена на болгарский язык.

что не приходилось мне видеть у Тана-Богораза («Жертвы Дракона», «Семь племен» и др.), у Нелсена (если не ошибаюсь, тоже о людях ледникового периода), у Рони, у Уэллса, у Джека Лондона и т. д. Лучшее на эту тему (утро человечества), по-моему, у писателя-этнографа Тана, а также у Нелсена. Читал ли ты их?

Если бы ты с таким же старанием написал о себе, о своей работе, стремлениях, мечтаниях, срывах и удачах (вкрапляя, ежели тебе желательно, куски «Утра», как фантазию молодого археолога, его размышления во время раскопок), это было бы совсем другое дело. И поверь, получилось бы еще лучше, значительно лучше. Почему ты не хочешь последовать моему совету, ведь я давно пишу тебе об этом. Ты какой-то страшно загорающийся, и бросаешься сломя голову в непроверенные предприятия. Хочется быть палеонтологом? Отлично. Готовься, сдавай экзамены и учишься. Стипендию дадут. Да еще подработаешь летом и, кроме того, будешь писать о себе, о своих товарищах, своей работе. Так и вырастет из тебя писатель. И, если не разбалуешься, я уверен, вырастет из тебя хороший писатель. Очень эмоциональный, образно мыслящий, со своей творческой индивидуальностью и своим почерком. Пиши о том, что видел, пережил, и не замахвайся раньше времени на темы мировые. Уж если серьезно готовиться (вот он, мягкий знак) к деятельности писателя-палеонтолога, пройди период ученичества. Подумай, тебе совсем немного лет, а впереди еще лет сорок-пятьдесят. Распределяй свои усилия равномерно. Не спеши. Не придумывай несуществующих названий, подобно Ефремову. Что приличествует ему, то тебе пока... не по росту. Если бы я не думал о тебе хорошо, я бы решил, что ты позируешь перед самим собой.

Мой совет: готовься в институт, работай в газете⁷ (не отталкивай, не презирай ее). Не суетись, не расслабляйся. Из юношей делаются взрослые. Если теперь писать рассказы, пиши их для себя — не в печать. Пока. Там будет видно. Через год ты поразишься результатам. Очень важно уметь писать для себя! Времени у тебя впереди уйма. Спешу медленно. Я пишу тебе по-взрослому — всерьез и желая тебе добра. Так это и прими.

Желаю успеха — Л. Платов⁸.

* * *

(От Георгия Гуревича)
 Москва, 12 мая 1957.

Дорогой Геннадий! Мне очень приятно было получить такой лестный отзыв от одного из читателей⁹. Боюсь, однако, что ты преувеличиваешь

⁷ Я много в тот год писал для городской газеты «Тайгинский рабочий».

⁸ Платов Леонид Дмитриевич (1906—1979) — прозаик, фантаст, журналист, член СП СССР. Научно-фантастические романы Платова «Архипелаг исчезающих островов» и «Страна семи трав» многое определили для меня в выборе пути в жизни.

⁹ Мне очень нравилась научно-фантастическая повесть Гуревича «Подземная непогода» (Гос. изд-во дет. лит., Москва, 1956).

мои достоинства. В Москве я считаюсь рядовым второстепенным писателем, отнюдь не классиком.

Ты хочешь стать автором научно-фантастических произведений. Это хорошо. Фантастика — нужный жанр, а желающих писать в нем — мало. И хорошо, что ты понимаешь, что прежде всего и долго еще тебе нужно учиться.

Когда мне было 14 лет, я тоже писал стихи, хотя и не был известен в Московской области как поэт. Тогда же я написал первую свою научно-фантастическую повесть, которая нигде не напечатана и, вероятно, не пригодна для печати. Уже в то время я надеялся стать писателем, но решил ни в коем случае не поступать в Литературный институт.

Дело в том, что литературное образование дает умение писать, умение оформить мысли, не дает самих мыслей. А ведь каждый писатель прежде всего должен сообщить читателю что-то всем интересное и только им, писателем, замеченное: наблюдения, мысли, умозаключения о жизни, людях, науке. Эти собственные мысли труднее всего собрать тому, кто связал свою жизнь с чужими книгами.

Писателю лучше работать в колхозе, на заводе, на стройке, в школе — там, где есть уйма непечатого материала. Тогда в литературу он приходит с самостоятельным багажом. Писателю-фантасту лучше быть научным работником, инженером, геологом, врачом, химиком. Имея высшее образование, легче размышлять о судьбах науки.

Сам я по образованию инженер-строитель. Пишу я, как вы знаете, не только о строительном деле, но техническое образование помогает мне писать. Я без трепета смотрю на интегралы и способен разобраться в специальных статьях и по физике, и по медицине. Конечно, мой путь не обязательный. Образование можно заменить самообразованием, но это куда труднее. И жизненный опыт можно заменить наблюдениями и расспросами, но получается это куда хуже.

Итак, первая твоя задача: прежде, чем стать фантастом, быть кем-то еще в жизни. Учиться писать, а прежде всего — о чем писать.

Желаю успеха. Г. Гуревич¹⁰.

P. S. «Подземную непогоду» выслать не могу — кончается запас. Высылаю предыдущую книжку «Иней на пальмах»¹¹, которая вышла сейчас вторым изданием, и сборник «Полет на Луну», который я составлял и редактировал, но не сумел переписать полностью — авторы сопротивлялись.

¹⁰ Гуревич Георгий Иосифович (1917—1998) — писатель-фантаст, критик и исследователь научной фантастики, популяризатор науки, член СП СССР. Мы дружили с ним многие годы. Он последовательно и уважительно учил меня «организовывать» мозг (по выражению Герберта Уэллса). Надеюсь, это удалось.

¹¹ Эту книжку (два разных издания) Георгий Иосифович дарил мне дважды: в августе 1957 г. и в июле 1976 г., когда мы, наконец, впервые встретились в Москве — на Всесоюзном семинаре по фантастике.

(От Николая Плавильщикова)
Москва, 4 апреля 1958.

Дорогой Геннадий! Одновременно посылаю книжку Немцова. Я не поклонник этого писателя, но... ничего другого — пока — для посылки Вам нет.

Писать, конечно, продолжайте¹², но помните: 1) не нужно спешить, 2) не нужно писать о том, чего хорошо не знаешь и о чем не можешь узнать, 3) «наскоком» здесь ничего не сделаешь, нужно терпеливо работать.

Как я писал «Звено»?¹³ Очень часто спрашивают — не у меня, а «вообще»: как вы работаете; просят: расскажите, как писали такую-то вещь... На эти вопросы нельзя ответить ТОЧНО: всегда отвечающий будет ходить «вокруг да около» и спрашивающий не услышит того, что ему хочется услышать. И это понятно. Возьмите какой-либо другой случай. Вопрос: хорошего закройщика спрашивают: расскажите, как вы кроите. Он отвечает: а очень просто. Гляжу на заказчика, делаю несколько промеров, кладу на стол материал и... раз, раз ножницами! — Спрашивающий проделывает в точности то же самое и... портит материал. Секрет прост: опыт, его словами не передашь, а в творческой работе — «внутренние процессы», которых не знает сам «творящий», как передать словами их. Поэтому ответ всегда будет очень «формальный». Так и со «Звеном». Издательство привязалось: напишите что-нибудь фантастическое о предках человека. Просят сегодня, просят завтра... Мне надоело. «Ладно, говорю, напишу». И самому занятно: что выйдет? Немного времени уделить на этот эксперимент я мог. Как и о чем писать? Питекантроп... А как его — живого — «свести» с современным человеком? И не ученым, это будет скучно. Вот я и придумал своего героя. А почему его потянуло на питекантропа? Устраивается завязка: встреча с Дюбуа¹⁴. Кошка на окне — просто так, для интригующего начала («При чем тут кошка и гвоздики?») и ради причины переезда на другую квартиру. Затем новая задача. Как устроить встречу Тинга с «питеком»? Можно — лихорадочный бред, можно — «во сне». Но это привяжет Тинга к постели, а мне нужно, чтобы он был в лесу... «Цепь мыслей»: бред больного — бред пьяного — бред отравленного... Вот оно! Пьяный, сами понимаете, невозможно, да он и не набегаёт много, а ткнется в куст и заснет. Отравленный — дело другое. Чем отравить? Всего занятнее — чего-то

¹² В то время уговаривать меня и не надо было: из написанных в школьные годы рассказов в будущем возникли такие повести, как «Мир, в котором я дома» (1974) и «Разворованное чудо» (1975), опубликованные в журнале «Уральский следопыт» (Свердловск) в 1974 и в 1975 годах соответственно.

¹³ Плавильщиков Н. Н., «Недостающее звено», Гос. изд-во дет. лит., Москва, Ленинград, 1945.

¹⁴ «Горшок гвоздики стоял на окне пятого этажа. На перилах балкона третьего этажа дремала голубая персидская кошка. Тинг, выглядывая в окно, столкнул горшок. Падая, горшок задел кошку, а та спросенок прыгнула и упала на мостовую».

наелся в лесу. Ну, я ищу — чем его отравить? И как видите, получилось: отравы «подходящая» во всех смыслах. А дальше... Придумывается, что могли делать «питеки», ищутся способы использования местной фауны тех времен, пейзажа и проч. Выглядит все это совсем просто, да так оно мне и казалось: основная работа шла в «голове», даже без моего ведома. А потом готовое попадало на бумагу. Конец пришлось переделывать: редакция потребовала более спокойного конца (у меня было так: Тинг обиделся на Дюбуа, переименовал бабочки и т. д.), и пришлось писать ту «мазню», что в конце последней страницы.

Как видите, нужно придумать основную сюжетную линию, а затем подобрать материал. МНЕ это было совсем нетрудно: я знаю, что примерно мне нужно, а главное — знаю, ГДЕ это искать. Остается «компоновка».

Вот и смотрите: научились вы чему-нибудь? Вряд ли. Можно написать о том же в десять раз больше, но суть останется той же: поиски «объекта» и возможностей его обыгрывания. Отравленный «желтыми ягодами» обязательно «бегает». И вот — ряд всяких пейзажных и иных «моментов», которые должны отразить «беготню» и вообще настроение отравленного. Говорят, это получилось. Не знаю, как с «настроением», но концы с концами я свел... Для меня это был «эксперимент» особого порядка: суметь показать бред так, чтобы это выглядело «явью», с одной стороны, и чтобы все события, якобы случившиеся, были оправданы и состоянием бредящего и окружающей его обстановкой. Тинг видит себя в лесу ТЕХ времен, но «бегают»-то он по современному лесу. Отсюда ряд пейзажных и сюжетных комбинаций: современность, преломленная в прошлое. Так как наши дни и дни питека не столь уж резко разнятся (в тропиках подавно) по составу фауны и флоры, то «сработать» все это было не так уж и хитро. Конечно, зная.

Вот это-то «зная» и есть одно из двух основных условий работы: нужно ЗНАТЬ то, о чем пишешь, и нужно УМЕТЬ рассказать, то есть уметь «видеть» описываемое и уметь передать это своими словами, причем не в живой речи, а на бумаге. Для того, чтобы иметь и то, и другое, нужно время (особенно для приобретения знаний), а для писателя еще и ОПЫТ. Способности — сами собой, но некоторые «средние» способности есть почти у каждого, а вот Пушкины и Алексей Толстые — великие редкости, и по ним равнять не приходится. Чтобы ЗНАТЬ — нужно учиться (всячески: и по книгам, и «по жизни»), чтобы УМЕТЬ — нужно упражняться. И то, и другое — время и время. Правда, я не «упражнялся»: первая написанная мною книга пошла в печать, и я сразу «встал на ноги» как писатель и начал писать «по заказу»: на темы, предложенные издательством. И вот уже много лет я не придумываю темы: мне тему дает редакция. И это не от лени или недостатка фантазии. Издательству нужна книга на определенную тему, вот оно и ищет автора. Просит меня... Что ж, всякая тема интересна, а если она «чужая», то тем интереснее: справиться с «чужим» (не по своей специальности) материалом.

Все это выглядит легко и просто на бумаге. В жизни же, да для НАЧИНАЮЩЕГО оно несравненно сложнее...

Оба Ваших письма от 19 и 28.III получил. Наши письма встретились в пути, поэтому я не стал отвечать на Ваше письмо от 19.III. Насчет морского леопарда и его сердец Шеклтон что-то напутал. Да Вы и сами должны понимать, что ДВА сердца если и возможны, то лишь как редчайшее уродство и вряд ли обладатель их проживет долго.

Сказать, какие основные задачи у современной биологии, очень трудно: что считать основным? Сейчас усиленно работают в области изучения влияния излучения («атомки») и радиационной генетики («лучевой болезни и ее проявления в развитии зародыша»), но это — «модный вопрос», а не «основная задача». Ну, лист кончился. Привет.

Н. Плавильщиков¹⁵.

* * *

(От Ивана Ефремова)
Абрамцево, 20 октября 1959.

Глубокоуважаемый Геннадий! Прочитал Ваше письмо с удовольствием.

Мне кажется, что Ваша жизнь хоть и скудная материально, но правильная — такая и должна быть у людей, по-настоящему интересующихся наукой. Все же университет должен быть неизменной целью, хотя бы для права заниматься наукой и идти по любимой специальности. Черт бы взял нашу бедность с жильем — надо бы взять Вас в лаборанты к нам в Институт — самое верное и самое правильное, но без прописки в Москве принять Вас нельзя, а прописаться без работы — тоже не выйдет. Вот и принимаем в лаборанты всякий хлам только потому, что живет в Москве, — глубоко неправильный подход к комплектованию научными кадрами. В том и смысл Академии, что она должна брать к себе все настоящее из всей страны, а не случайных маменькиных сынков... Все же Вам надо не отставать от Института — участвовать в экспедициях — на следующий год опять будут кое-какие раскопки...

Я все еще на временной инвалидности (сердце), живу под Москвой и вернусь к работе в Институте только в марте будущего года. Тогда подумаю над книгами. На чем Вам заниматься — очень большой вопрос. У нас нет ни популярных работ, ни хороших учебников — все еще только в проекте. Как у Вас с языками? Надо знать минимум английский язык, чтобы прочитать ряд хороших работ по палеонтологии позвоночных, морфологии (функциональной) и сравнительной анатомии. Следите за работами академика Шмальгаузена — он написал в последнее время ряд интерес-

¹⁵ Плавильщиков Николай Николаевич (1892—1962) — зоолог широкого профиля, популяризатор науки, энтомолог, крупнейший в мире специалист по систематике и фаунистике жуков-усачей (Cerambycidae), доктор биологических наук, профессор, писатель, член СП СССР. Научно-фантастическую его повесть «Недостающее звено» я считал и считаю одним из самых ярких проявлений жанра. Уверен, Николаю Николаевичу было бы приятно знать, что в мою честь (во многом считаю себя учеником Плавильщикова) названы новые виды джунгарского паука — *Gnaphosa prashkevichi Fomichev* — и бабочки с индонезийского острова Сулавеси — *Tarsozeuzera prashkevitchi Yakovlev*.

ных работ по происхождению наземных позвоночных. Если Вы владеете английским — составлю Вам список книг, которые можно будет получить по межбиблиотечному абонементу в Томске (а может быть, таковой возможен у Вас в Тайге?)¹⁶.

Теперь коротко о Вашем вопросе (подробно писать не могу — переписка у меня выросла так, что совершенно меня задавила, и не отвечать нельзя, и отвечать невозможно, секретаря мне по чину не положено).

Так вот, на человека теперь, в наше время, в цивилизованной жизни не действуют никакие силы отбора, полового отбора, приспособления и т. п. Накопленная энергия вида растрчивается, потому что нет полового подбора, и вообще человек не эволюционирует, во всяком случае, так, как животные. Да и общий ход эволюции животного и растительного мира из-за столкновения с человеком сейчас совершенно исказился и продолжает еще сильнее изменяться под воздействием человека...

А Вы выписали наш «Палеонтологический журнал»?

С приветом и уважением — И. Ефремов.

¹⁶ Меньше всего места в нашей переписке Иван Антонович уделял литературе, по крайней мере на мой взгляд. В 1957 г. по завершении Очерской (Пермский край) палеонтологической экспедиции я приехал (вместе с монолитами, отправленными на грузовике) в Москву. По молодости лет все меня восхищало. Вот ведь как бывает: рядом со мной настоящий ученый, можно выведать многие научные тайны, о которых тебе никто другой не расскажет. Я и пытался говорить о чем-то таком, но Иван Антонович, к безмерному моему удивлению, думал о чем-то своем. Так, он вдруг совершенно неожиданно спросил, прочел ли я «Анну Каренину» и вообще что там случилось в этой семье. Я обрадовался, ведь в школе мы это проходили. Закончилось все в общем нормально, напомнил я забывчивому ученому: Анна Аркадьевна бросилась под паровоз, старенький Каренин занялся вопросами образования, флигель-адъютант куда-то слинял. Иван Антонович даже остановился, и по его глазам я вдруг почувствовал, что сказал явно не то что-то. «Вернешься домой, — сказал Ефремов, — перечитай книгу и напиши мне».

И я вернулся в Тайгу. И принес книгу из городской библиотеки. Толстая книга, я бы сказал — слишком, но я ее внимательно перечитал. И впервые, в процессе этого медленного, как бы даже навязанного мне чтения, каким-то неясным образом стало доходить до меня, что Лев Николаевич роман свой написал, кажется, не ради несчастной Анны Аркадьевны. Но чего, чего ради? В ужасном, каком-то лихорадочном ожидании я дошел наконец до последней, восьмой, части, на которую прежде не обращал внимания. «Уже стемнело, — вчитывался я, — и на юге, куда он (Левин) смотрел, не было туч. Тучи стояли с противной стороны. Оттуда вспыхивала молния и слышался дальний гром. Левин прислушивался к равномерно падающим с лип в саду каплям и смотрел на знакомый ему треуговник звезд и на проходящий в середине его Млечный Путь с его разветвлением. При каждой вспышке молнии не только Млечный Путь, но и яркие звезды исчезали, но, как только потухала молния, опять, будто брошенные какой-то меткой рукой, появлялись на тех же местах». Это вспыхивающее и потухающее небо поразило меня. «Ну, что же смущает меня?» — думал Левин (а с ним — я). «Мне лично, моему сердцу открыто несомненное знание, непостижимое разумом, а я упорно хочу разумом и словами выразить его».

Знание, непостижимое разумом... Эти слова будто раздавили меня... А то, что Левин никак не может примириться с женой, хотя очень хочет этого, стремится к этому, совсем меня расстроило. Левин шел по аллее и думал: «Так же буду сердиться на Ивана кучера, так же буду спорить, буду некстати высказывать свои мысли, так же будет стена между святой святых моей души и другими, даже женой моей...» Вот оно... Вот оно... Я уловил мысль... Вечность и непонимание... «...Но жизнь моя теперь, вся моя жизнь, независимо от всего, что может случиться со мной, каждая минута ее — не только не бессмысленна, как была прежде, но имеет несомненный смысл добра, который я властен вложить в нее!»

Сложно, не просто было сказано. Но я упорно вчитывался, упорно пробивался к сути. До этого литературой я считал все, что лежало передо мной, все, что походило на книгу (особенно толстую). Сказки, песенники, фантастические романы, даже стихи. А теперь вдруг до меня дошло, что не красивые мощные лошади на ипподроме, не энергичные флигель-адъютанты, не блестящая светская жизнь привлекают к себе внимание настоящего писателя, а то, что происходит в душе человека, каждого человека, хотя бы и скучного (как, скажем, Каренин). Я читал и — впервые — сравнивал прочитанное с тем, что окружало меня: деревянные дома, палисады, низкая луна над улицей Телеграфной, вечная лужа на площади, уже зарастающая зеленой ряской, споры соседей, паровозный дым, запах угля и дыма, купающиеся в пыли куры. Потрясенный тем, что до меня дошло, я написал об этом Ивану Антоновичу, и он ответил. Так что впервые истинный смысл литературы, ее внутренний смысл, нашу вписанность в любой мировой сюжет (события) мне открыли не писатели и поэты, с которыми я общался, а крупный, известный своими открытиями ученый. Правда, он сам был писателем.

(От Евгения Долматовского)
Москва, 2 апреля 1962.

Дорогой Геннадий, третьего дня посетила меня девушка с Вашим письмом — Мила Ногина. Я, к сожалению, не имел возможности уделить ей много времени; все же мы поговорили. Я не спешу отчитаться перед Вами о Ваших стихах, рассчитываем одно из них опубликовать в № 10 «Смены»¹⁷, но пока еще не все ясно, потому что в редакции бесконечные перемены.

Вы спросили меня в письме насчет моего мнения о планах Вашего журнала¹⁸. Мне хочется дать Вам вот какой совет: не включайте в журнал отдел мало известных сегодня поэтов. Я понимаю интерес пишущей молодежи к творчеству тех, кто по тем или иным (подчеркиваю: или иным) обстоятельствам не печатался давно. Но я рассказывал Миле о том, что Маяковский говорил о Гумилеве в ответ на восторги одного из поклонников Гумилева. Неточность Ваших вкусов и задачи видна, например, по тому, что Вы назвали Мариенгофа или Шершеневича (уж не помню кого), да, Шершеневича. Он всегда был очень плохим поэтом, мелкой литературной сошкой. Об Андрее Белом особый разговор, но мое мнение заключается в том, что советским поэтом Андрей Белый никогда не был, хотя и дожил до советской эпохи. Его творчество относится к первым десятилетиям века, к дооктябрьским бурям и противоречиям.

Мне кажется правильнее и просто нужнее, если уж Вы хотите делать журнал, вести его как один из каналов современной общественной жизни и культуры. Книга Мандельштама¹⁹ вот-вот выйдет. Он был незаслуженно репрессирован, и выходом этой книги восстанавливается его доброе имя, но я не думаю, что Вашим сверстникам — ученым и рабочим — окажутся близкими его стихи. Поэтам, конечно, надо знать и Белого, и Мандельштама, — это уж вопрос профессиональной учебы, если хотите. А журнал, задуманный Вами, насколько я понимаю, не для поэтов, а для читателей. Вот мы мечтаем о создании нового журнала — «Поэзия». Я думаю, что сборники «День поэзии» постепенно превра-

¹⁷ «Мои товарищи». Опубликовано в журнале «Смена», 1962, № 18.

¹⁸ С 1959 г. по нынешнее время я живу (с вычетом семи лет, проведенных на Сахалине) в новосибирском Академгородке. Светлый мир светлых умов — иного определения у меня нет. Геолог Г. Л. Поспелов читал нам, поэтам первого созданного нами в Академгородке литобъединения, свои стихи («Разве итог у юности — старость, разве итог у старости — смерть?»), цитировал Илью Сельвинского, Велимира Хлебникова, Владимира Луговского. Химик В. М. Шульман восхищался Андреем Белым (и прозой его), Николаем Гумилевым, Анной Ахматовой, Владиславом Ходасевичем. Всегда под рукой была знаменитая антология И. С. Ежова и Е. И. Шамурина «Русская поэзия XX века» («Новая Москва», 1925). Но этого нам было мало. Мы решили издавать свой собственный журнал, даже пригласили к участию в этом деле Анну Андреевну Ахматову. (Ох, не обратил я, совсем не обратил внимания на слова, подчеркнутые многоопытным Долматовским: «не включайте в журнал отдел мало известных сегодня поэтов».) Как и следовало ожидать, инициатива наша (практически нереальная) была жестоко пресечена: партийные работники и сотрудники КГБ в те годы вполне справлялись со своими обязанностями. Подробности можно прочесть в книге Л. К. Чуковской «Записки об Анне Ахматовой» (любое издание) и в очень интересной работе новосибирского историка А. Г. Борзенкова «Молодежь и политика: фотографии, факсимиле, плакаты и рисунки по истории студенческой политизированной самодеятельности на востоке России (1961—1991 гг.)» (Новосибирск, 2003).

¹⁹ В издательстве «Советский писатель» (Москва) планировалось в серии «Библиотека поэта» избранное О. Э. Мандельштама. Издание это растянулось на много лет, и книга вышла только в 1973 г.

тятся в такой журнал. Там будет место всевозможным публикациям. Но и там главное место должно быть уделено сегодняшней жизни поэзии. Честно говоря, мне трудно Вас понять — ищущий, вдохновленный и вдохновенный геолог вдруг заболевает детской болезнью увлечения русским декадансом и модернизмом. Две эти ипостаси несовместимы — одна из них наносная, и я уж точно знаю, что это не Ваш современный облик, а как раз вот эти самые детские болезни. Я не доктор, но мне кажется, что Вы мне верите, так поверьте и выбросьте из головы все эти прожекты.

Ваш Евг. Долматовский²⁰.

Р. С. Я не успел отправить письмо, и в воскресенье, 1 апреля, прочитал в газете «Литература и жизнь» очень интересную статью критика Метченко как раз на тему, о которой идет речь у нас с Вами. Прошу Вас раскопать эту газету и посмотреть статью, там много интересного и точно подмеченного. Статья вооружит Вас... против Вас же²¹.

Всего доброго.

* * *

(От Ким Цын Сола)
16 апреля 1969.

Дорогой Геннадий Мартович! Сегодня днем (16.IV) от Т. Кузнецова и Маринова слышал про вчерашнее обсуждение²². Они тоже толком не знают, ведь сами в писательской организации не были. Я со вчерашнего дня лежу в постели. У меня давление повышенное.

Мне кажется, что нападки на Вас — это организованное. Сочувствую, Геннадий Мартович, но нужно терпеть и терпеть. Издательство просто-

²⁰ Долматовский Евгений Аронович (1915—1994) — поэт, прозаик, публицист, автор многих известных советских песен, член СП СССР, лауреат Сталинской премии. Прошел всю войну, попадал в окружение. Кавалер многих орденов и медалей. Вся страна пела его «Песню о Днепре», «Сормовскую лирическую», «Венок Дуная», «Любимый город», «Дорогу на Берлин», «Все стало вокруг голубым и зеленым» и многое другое. С подачи Евгения Ароновича в 1962 г. в журнале «Смена» появились первые мои стихи.

²¹ Нашел. Прочел. Не вооружила.

²² Все лето 1968 г. я находился на полевых работах на севере Сахалина. Вернувшись осенью в Южно-Сахалинск, с удивлением узнал от редактора А. Кириченко о том, что книжка моих стихов остановлена цензурой. «Ты сам поговори с цензором», — посоветовал мне Кириченко. Он был опытным редактором, пришел в издательство с флота; иметь дело с цензорами в СССР имели право только редакторы, но никак не авторы. Все же я нашел нужный кабинет, цензором оказалась женщина привлекательная и воспитанная. «Давно не читала ничего такого свежего». Словечко «свежего» резнуло мне слух, но я обрадовался: если так, то мы, наверное, тут же решим проблему! Но претензии касались идеологической стороны, в частности содержания стихотворения «Путь на Бургас». «Где Кормчая книга? Куда нам направить стопы?» — процитировала цензор. И пояснила: «Программа построения социализма, товарищ Прашкевич, нами уже выработана». И непонимающе усмехнулась: «Болгары бегут. Их преследует Святослав». Это в нашей-то братской стране? «Сквозь выжженный Пловдив дружины идут на Бургас. Хватайте овец! Выжигайте поля Сухиндола!» Разве мог наш (мне слышалось: советский) князь Святослав вести себя подобным образом в мирной солнечной (мне слышалось — братской) стране? Все мои попытки доказать историческую правоту стихотворения (даже с помощью работ знаменитого историка академика Н. С. Державина) привели только к тому, что симпатичная цензор сухо подвела итог. «В каком году издана работа академика Державина, товарищ Прашкевич? В одна тысяча девятьсот сорок седьмом? Ну вот. Все правильно. В девятьсот шестьдесят восьмом году наш (советский) князь Святослав мог делать в мирной солнечной (братской) стране Болгарии все, что ему могло заблагорассудиться. — Цензор выдержала обдуманную строгую паузу. — Но в одна тысяча девятьсот шестьдесят восьмом году мы ему этого не позволим!» И моя первая в жизни книга ушла под нож.

напросто боится издавать Ваш сборник стихов. Не кажется ли Вам? <...> Геннадий Мартович, я, конечно, представляю Ваше нынешнее состояние. Если Вам сейчас тяжело работать над переводами²³, оставьте их или передайте кому-нибудь по вашему усмотрению. Но если есть желание, продолжайте. Я очень хочу этого. Одним словом, напишите о Вашем решении.

Всегда Ваш — Ким²⁴.

* * *

(От Ким Цын Сона)

5 мая 1969.

Дорогой Геннадий Мартович! Наконец, посылаю Вам обещанные подстрочники. У меня на работе неприятности. Меня освободили от должности. Не знаю, какую работу они мне предложат²⁵. Пока с 1 марта в отпуске. Не пишется. Поживем — увидим!

Геннадий Мартович! Моя дочь, которая передает Вам подстрочники, учится в пединституте. Она пишет курсовую работу по геологии Сахалина. Будьте добры, помогите ей литературой, которая есть у вас в личной библиотеке или в библиотеке института СахКНИИ (Сахалинский комплексный научно-исследовательский институт. — *Ред.*). Передавайте мой теплый привет Вашей супруге.

Всегда Ваш — Ким.

²³ Я довел книгу стихов Ким Цын Сона до печати. Она вышла в свет, до сих пор издается и переиздается.

²⁴ Ким Цын Сон (1918—1973) — советский корейский поэт и драматург. Как любой восточный, азиатский поэт — лирик. Разумеется, он писал и то, что было как бы нормой определенного времени: «И по велению сталинской руки восходит солнце из-за небосклона». Мы с ним дружили. Практически в один год попали под удар. Уволенный с поста заместителя главного редактора корейской газеты (резко выступил против решения первого секретаря Сахалинского обкома партии П. А. Леонова закрыть единственную на весь остров Сахалин корейскую школу), вынужден был (член Союза писателей СССР) устроиться завхозом в столовую.

²⁵ Предложили: завхозом в школу. Так поэт и умер — завхозом. Утешение одно: другие умирали и лауреатами, а кто их помнит? Через много лет, в девяностые годы (уже в Новосибирске), я получил из Москвы такое письмо: «26 сентября. Здравствуйте, уважаемый Геннадий Мартович! Пишет Вам Зоя Иннокентьевна. Если забыли это имя, то Вам стоит вспомнить корейского поэта Ким Цын Сона. Я его жена. Дело в том, что я получила письмо из Южно-Сахалинска, там живет мой сын со своей семьей — в квартире, где Вы не раз бывали. Вышел сборник Дальневосточного книжного издательства, Сахалинское отделение (1989 год). В этом сборнике помещены стихи Ким Цын Сона, Ваш перевод с корейского языка из сборника «Пылающие листья». Я пишу Вам потому, что там ошибка: год его смерти указан — 1982, а он умер 18 июня 1973 г. С первого марта 1969 г. он был (без причины) отстранен от занимаемой должности зам. редактора корейской газеты. Причиной послужил выход статьи в газете «По ленинскому пути». В основу этой статьи положена статья корреспондента ТАСС Кулаковского за 6 июля 1968 г. Номер с этой статьей был подписан редактором Хан И. А. Причин его (Ким Цын Сона. — *Г. П.*) болезни много. Гипертония плюс треволнения. Все мы живем работой, в ней находим и радость, и боль, несправедливость, равнодушие, зависть. Все это сделало (Ким Цын Сона. — *Г. П.*) калекой в 50 лет — не нужным никому, кроме родных. Ему назначили пенсию 49 руб., хотя он потерял все. Таким образом, его сейчас нет среди живых.

Уважаемый Геннадий Мартович, если что интересует Вас о нем, то я бы хотела встретиться с Вами, чтобы рассказать обо всем случившемся с ним, как издевались над ним П. А. Леонов (первый секретарь сахалинского обкома партии), Хан и другие...

Такое письмо впервые я пишу только Вам. Я проживаю одна, часто приезжает ко мне дочь. От меня привет Вашей семье. Желаю хороших успехов в Вашей творческой работе. С уважением — Зоя Иннокентьевна».

* * *

(От Семена Лившица)
 Магадан, 7 июня 1968.

Дорогой Геннадий Мартович! Рецензию написал²⁶. Где-то внутренне я ею недоволен.

Боюсь, что не очень-то убедительно. Но Вы поставили меня в затруднительное положение сроками. Вчера я получил верстку Вашей книжки, а сегодня утром сел за рецензию. Времени на размышления нет.

И все же надеюсь, что она поможет Вам. Не могу понять, какими соображениями руководствуются Ваши издатели, ибо стихи хорошие. Можно придирается — по частностям, но право Ваше на сборник лично у меня не вызывает сомнений.

Завтра улетаю на неделю в Москву, вернусь и через десяток дней — в отпуск. Но писать Вам буду, ибо хочу знать о Ваших делах, да и вообще мне доставляет большое удовольствие переписываться с Вами. Надеюсь, что при следующей нашей встрече нам будет о чем поговорить.

Всех благ — Ваш С.²⁷

* * *

(От Николая Максимова)
 Южно-Сахалинск, 30 декабря 1968, телеграмма.

Новоалександровск Строительная улица 4а кв. 8 Прашкевичу Геннадию Мартовичу Прошу зайти²⁸ творческую беседу ценю вашу эрудицию талант постараюсь сделать все возможное если вы готовы служить родине дружески николай максимов²⁹.

* * *

(От Дмитрия Савицкого)
 Москва, 6 марта 1968.

Привет! Старик, после России Блока, после «...все перепуталось и некому сказать: Россия, Лета, Лорелея» (О. М.), после цветаевского «Россия моя, Россия! Зачем так ярко горюшь?» — после всех единственных и немногих прекрасных стихов от Пушкина до Смелякова — писать

²⁶ Рецензия на мою книгу стихов. К сожалению, помочь ей ничто уже не могло.

²⁷ Лившиц Семен Ефимович (1924—2010) — поэт, публицист, член СП СССР. Более четверти века работал в Магадане. Приложил много сил к тому, чтобы спасти в 1968 году мою первую поэтическую книгу («Звездопад», Южно-Сахалинск, 1968), запрещенную цензурой. К сожалению, попытки помочь никому не удалось, зато я обрел друзей на всю жизнь, в том числе Семена Ефимовича.

²⁸ Я пришел. В издательстве находилась рукопись моей повести «Такое долгое возвращение», останавливать которую у цензуры причин не было. Таким образом, именно эта книжка (о ней я стараюсь не вспоминать) стала моей первой (вместо книги стихов).

²⁹ Максимов Николай Иванович (1911—1993) — прозаик, публицист, член СП СССР. Жил и работал на Чукотке, в Порт-Артуре, Хабаровске, Южно-Сахалинске. В конце 60-х возглавлял Сахалинское отделение Дальневосточного книжного издательства. Заслуженный работник культуры РСФСР.

о России? Нет! Можно писать «про» и «в», но тема так нашпигована миллионами «поэтов», что, ей-бог, никогда не возьмусь и не буду.

О. М. писал: «...все произведения мировой литературы я делю на разрешенные и написанные без разрешения. Первое — это мразь, второе — ворованный воздух. Писателям, которые пишут заранее разрешенные вещи, я хочу плевать в лицо, хочу их бить палкой по голове и всех посадить за стол в Доме Герцена, поставив перед каждым стакан полицейского чая и дав каждому в руки анализ мочи Горнфельда».

В том-то и дело, что прохиндейство многих сделало из литературы и журналистики невообразимый гибрид. Писать по заказу честно только статьи. Подводить вдохновение, этого пугливого сверчка, к пишущей машинке гонорарного отдела так же пошло, как выставлять свою жену в голом виде для платного обозрения прохожих...

Событий много, хотя я умышленно пытаюсь пропускать их сквозь пальцы: идет верстка и вокруг нее полемика «можно-нужно» книги Мандельштама; четырнадцатого числа, несмотря на запрет, у памятника Маяковскому должна быть читка; познакомился с интересными парнями, когда-нибудь из-под крышки гроба их напечатают и признают гениальными. Музыка, моя болезнь. Записал прекрасную пластинку — «Айдл момент» Грэнт Грина, синего гитариста, его пятнадцатиминутная пьеса, напоминающая сдвоенные ночные шаги, заставит меня снять еще один короткометражный фильм. Кто-то видел пластинку Бартока с обложкой Пикассо... Самое главное событие — не пишу. Не умышленный тормоз, а удивленный взгляд — зачем? зачем так? зачем плодить серую посредственность? Но я всегда бросаюсь в противоположность: все очерки пошли сразу в ритмической прозе. Прошел, чему я безмерно рад, мой очерк о Цветаевой. И вообще писать можно в двух случаях: когда у тебя железная позиция (канон всех взглядов) и когда у тебя горячка (ход слепым конем).

Мне не хватает душевных сил переродиться, и я ушел в ожидание. Ты можешь думать о никчемности сей городской жизни, но это будет не важно. Дело не в том, что поток информации (разнокачественной) давит и лезет, дело в том, что началась сопротивляемость давлению извне и нужен другой, внутренний поток, на своих кругах, другими словами — нужно моральное обновление и очищение. Ведь как зыбки стали собственные нормы честности, порока, тщеславия, лени, равнодушия... как ненависть рождает отчаяние, как запертость рождает сон...

Из этого трудно выйти, нужны географические или эротические сдвиги и нужно опять исправлять двойку по неусвоенному предмету молчания.

Я думал, летом все изменится, начну ездить в командировки, а в октябре — Польша... И все равно я никогда бы не захотел переиграть свою судьбу...

Теперь о делах: напиши воспоминания о своей поездке в Болгарию. Напиши так, чтобы было 40 % фактов, но напиши лирическую прозу. Включи туда три стишка и пришли. Это пойдет на иновещание.

После разговора с одним «дядей» я узнал, что отправлять тебе по почте Осипа глупо. Поэтому гони ко мне какую-нибудь оказию, и я передам. Мой телефон К-9-49-29.

Я сейчас еще посижу и отберу что-нибудь из стишат, написанных в армии и в этом феврале. Может, что-то тебе и подойдет. Не обращай внимания на мое настроение — я из тех людей, над которыми доминирует цвет воздуха.

И еще одна выдержка из О. М.: «...для меня в бублике ценна дырка. А как же быть с бубличным тестом? Бублик можно слопать, а дырка останется. Настоящий труд — брюссельские кружева. В нем главное то, на чем держится узор: воздух, проколы, прогулы...»

Твой Д. Савицкий³⁰.

Р. С. И все-таки я уверен, что хандра моя — это результат учебы в этом институте, где идет дрессировка литсклочной деятельности³¹.

* * *

(От Дмитрия Савицкого)
Москва, 2 июня 1969.

Старик, я рад, что ты объявился и жив. Сейчас я уезжаю в деревню Николина Гора на все лето и поэтому сразу не могу ничего тебе выслать. Осенью я разыщу тебе болгарских поэтов, благо у меня теперь есть знаковый болгарский поэт — он поступил к нам в прошлом году. В деревне я буду крутить для малолетней публики фильмы, шататься по лесам и писать. Таков мой невеликий план. Я очень долго не писал, и теперь надо нырять глубоко и надолго. Потянуло меня на драму, на гротеск-сатиру и на чистый формализм.

Теперь позволь мне поругать тебя за повесть³². Я думаю, ты не обидишься. Дело в том, что наша склонность к прекрасному часто оборачивается для нас пинком в зад. Я ждал иного от твоей прозы, ведь всегда, когда поэт начинает писать по диагонали, он переносит в строчку чисто поэтическое видение мира, свои образные приемы, насыщенную эмоциональность. Обнажая суть повести, я вижу сильного мужественного парня и его долгий ход к женщине, его чистоту по отношению к другой женщине, тоже прекрасной и столь похожей, но он бережет себя, оберегая в себе ту — другую, и живет привычной сложной жизнью среди камней, моря и ветров. Сюжета по существу нет. Я за бессюжетность, но бессюжетность обычно оправдана внутренними вещами: психологизмом, нарочитостью формального отсутствия сюжета. У тебя сюжет живет в эмбрионном ви-

³⁰ Савицкий Дмитрий Петрович (1944—2019) — прозаик и поэт. Мы подружились с ним в 1967 г. в Москве, куда я не раз прилетал с Сахалина, активно переписывались. Судьбу свою Дима предсказал сразу: или уеду, или сяду. В декабре 1978 г., находясь в поездке во Франции, в Париже, отправил свой загранпаспорт по почте в Кремль, на имя Л. И. Брежнева, с 1988 г. Д. П. Савицкий — гражданин Франции. Я писал о Диме в повести-эссе «Черные альпинисты, или Путешествие Михаила Тропина на Курильские острова», публиковавшейся только в журнале «Проза Сибири» (Новосибирск, 1994, нулевой номер).

³¹ Имеется в виду Литературный институт им. А. М. Горького, в котором Дима тогда учился.

³² «Такое долгое возвращение» (Южно-Сахалинск, 1969).

де — т. е. он не вызывающ, не колок. Действие повести замыкает собой неизвестный читателю предполагаемый круг «было — нет, верю, что будет — есть», 99 % мировой литературы идет по этому кругу и приходит в гавань найденной любви. Но я не про то, что это плохо. Все, что есть, уже было в Риме и Аттике. Мы не изобретаем новых сюжетов (т. е. новых нитей человеческих отношений), мы играем все на той же семиструнной гитаре, но у нас свой строй струн, своя тональность и свои песни. Я определяю качество каждой прочитанной вещи по тому, прибавила ли она мне, убавила ли, или — оставила в нетронутости. Я читал тебя и ругался. По-моему, ты здорово поспешил. Твои минусы — прежде всего форма, вся эта пофамильность, подряд идущие повторы имен, чисто профессиональные геологические определения, на которые ты здесь не имеешь права, потому что бросаешь их небрежно и многозначительно. Это то же самое, как если бы какой-нибудь герой Параллелограммов бросал газировщице:

— Алтональ шестого порядка спонтирует с утра.

Я не получил эмоциональной информации, я только немного узнал, какая у вас погода. Затем, твои героини однобоки, когда появляется в конце чисто минусовый тип в гостинице, я уже не верю. Нет людей из одних минусов или плюсов. Все мы — комплексы, и в этом наша человечность. Я пишу тебе, а на окне крутится пластинка Гершвина: опера «Порги и Бэсс». Бэсс — прекрасная, высокой души и огромной эмоциональности баба, но она наркоманка. Этого достаточно для того, чтобы я верил. У меня есть прекрасный человек — Алена. Когда я познакомил ее с одним своим другом, который разрывается от талантов, она насторожилась. И только когда он в чем-то лажанулся — она поверила в него.

Твой наибольший грех — язык. Особенно диалоги. Они нарочиты. Попробуй произнести их вслух. Ты услышишь, что они звучат книжному.

С первых строк я уже знал, чем кончится повесть. Это тоже твоя вина. В то же время я понимаю, что ты обязан был высказаться. Мне это очень знакомо. Я сделал то же самое и написал такое! — что теперь не знаю, с какой стороны подходить к собственному ребенку. У тебя, слава богу, все ограничивается этикой и натуральными отношениями. Я же погорел на вещах социальных, меня били и за натурализм, и за слабость, и за поспешность. По-моему, надо писать, имея перед собой некую сверхзадачу для каждой конкретной вещи. Так один знакомый мне режиссер ставил ординарную классическую пьесу «Проводы белых ночей». Сюжет? Парень бросает девку, он аморальщик, но находит в себе силы жить. Он по пьесе — сволочь. Мой режиссер сделал из него положительного героя, поставив одну фразу сверхзадачи: обжигайтесь, ради бога, обжигайтесь!

Если бы это был не ты, я бы ругался до вечера. Но сейчас самое главное в том, что ты не молчишь — работаешь. Вот и все.

Следующим летом у тебя будет столь же благоприятный случай разнести и меня.

А пока. Несмотря на то, что я уезжаю, пиши. Я буду часто навещать Москву³³.

³³ К сожалению, мы уже никогда больше не встречались, а в 2019 году писатель и поэт Дмитрий Савицкий ушел из жизни — в Париже.

Твой Савицкий.

Р. С. Нет ли у тебя возможности достать трехтомник Мишеля Монтеня?

* * *

(От Галины Корниловой)

Москва, 9 сентября 1969.

Дорогой Геннадий! Я очень рада за Вас. Мне было бы радостно прочитать «Столярный цех»³⁴ вообще, кем бы ни был автор, а то, что написали это Вы, — вдвойне приятно. Должна сказать Вам прямо: то, что Вы до сих пор писали, явно написано человеком талантливым, хотя и не всегда по-настоящему интересным. Эту повесть написал человек интересный, от нее можно вести отсчет серьезной писательской судьбы. Это, конечно, на мой взгляд, и хотела бы здесь не ошибиться. Во всяком случае, отдельные главы я читала с восхищением и даже завистью...

Сергея³⁵ тоже только что прочел повесть. Он говорит, что интересная, хотя находит ее излишне фрагментарной, и, кажется, «Двое на острове»³⁶ ему все-таки нравится больше. Мне же представляется, что между ними бог знает какая пропасть. Словно до «Столярного цеха» человек просто жил, а теперь все отбросил, пошел сам, и шаг сильный и уверенный. Дай Бог и дальше так идти.

Я хочу «Столярный цех» попробовать показать в «Юность» Озеровой. Если не возьмут — подумаю, куда стоит еще. И еще о «Столярном цехе». Это у Вас как день рождения. Могут быть еще повести лучше, может быть хуже — но состоялся уже писатель. Поэтому отныне можете относиться к себе с большим уважением.

Всего Вам доброго, привет от Сергея.

Г.³⁷

* * *

(От Виктора Астафьева)

Вологда, 25 сентября 1972.

Гена! Вот и укатили веселье и какие-то безалаберно-радостные дни нашей поездки по Сибири³⁸, стали уже частью воспоминаний, и воспоминаний, надо сказать, светлых.

³⁴ Корнилова читала рукопись. Впервые «Столярный цех» был опубликован в моей книге «Люди Огненного Кольца» (Магадан, 1977).

³⁵ Сергей Иванович Ларин — муж Гали Корниловой. Литературный критик и переводчик. За свои переводы с польского был удостоен звания заслуженного работника культуры ПНР.

³⁶ Повесть «Двое на острове» тоже вошла в состав моей магаданской книги.

³⁷ Корнилова Галина Петровна (род. 1928) — прозаик, публицист, член СП СССР. В шестидесятые годы прошлого века работала в редакции журнала «Знамя» (пыталась — безуспешно, к сожалению, — напечатать там «Поэму без героя» Анны Ахматовой). Поддержка Корниловой много для меня значила. Да, ей не удалось напечатать «Столярный цех» в своем журнале, но она поддержала мою уверенность в правильности пути.

³⁸ В сентябре 1972 г. состоялась большая поездка по Оби. Возглавлял московских, вологодских, томских и новосибирских писателей московский поэт Лев Иванович Ошанин, но душой компании, конечно, был Виктор Петрович Астафьев.

Я уже весь в делах, в работе, добивал «Оду огороду» под свежими впечатлениями поездки, и добивал, и добил, несмотря, что со здоровьем все еще худо — нельзя контуженому пить и волноваться, но как же без волнений и выпивки проживешь?

Закручиваю все свои дела, а их, как всегда, куча, и мы с женой отправляемся на Юг, в Сухуми, набраться сил и здоровья. Я совершенно не умею отдыхать, быть без дела, забот и хлопот — вот и поучусь этому у современных рационально устроенных интеллигентов.

Посылаю тебе обещанный отрывок³⁹, он мне кажется не совсем детским, но смотри сам — не подойдет, выброси в корзину, горя мало. Вся эта штука, или, скажем, большая новелла, наверное, будет печататься в «Нашем современнике».

Начал читать книгу Жени Городецкого⁴⁰, прочел три главы — мне нравится, на юге дочитаю — напишу ему, а пока кланяюсь ему, геологу, попавшему на Север в модельных туфлях! — а также Валерию и всем, кого я там знаю. Перестал ли Женя сипеть? Я дак все еще сиплю.

Прислал мне Н. Н. Яновский⁴¹ книгу о Сейфуллиной, отменно изданную в «Художественной литературе», с хорошим, бодрым, очень меня порадовавшим письмом — настоящего человека, да еще глубоко культурного. Настоящего солдата трудно убить и еще труднее повалить — когда уже местные культуртрегеры и подручные им шавки в модных галстуках и кушающие из отельных буфетов поймут это?

Ну, низко кланяюсь Сибири! Крепко жму руку и долго буду еще жить добрыми воспоминаниями о нашей доброй поездке.

С приветом — В. Астафьев⁴².

Мой настоящий адрес: 160004, г. Вологда, 4, ул. Ленинградская, 26, кв. 12.

* * *

(От Виктора Астафьева)

2 ноября 1972.

Дорогой Гена! Я нахожусь в Гагре, в Доме творчества, отдыхаю, набираюсь сил и жалею, что раньше не догадывался это делать. Сюда мне переслали и твое милое, похожее на тебя письмо и книжку с такими замечательными стихами (короткими), а два стиха про черемуху я считаю

³⁹ Отрывок из «Оды» Астафьева предполагалось дать в литературно-публицистическом сборнике для юношества «Собеседник», который мы в Зап.-Сиб. кн. изд-ве готовили с Л. В. Белявской.

⁴⁰ Евгений Александрович Городецкий (1934—2005) — прозаик, работал в Зап.-Сиб. кн. изд-ве. Мне очень нравилась его повесть «Лето и часть сентября» — редкий случай, когда повесть действительно начиналась прямо с названия.

⁴¹ Николай Николаевич Яновский (1914—1990) — литературовед, литературный критик, историк литературы. В 1969 г. — составитель и главный редактор известного издания «Литературное наследство Сибири» (вышло 8 томов), в 1979—1990 гг. входил в редакционную коллегию книжной серии «Литературные памятники Сибири» (Вост.-Сиб. кн. изд-во, Иркутск).

⁴² Астафьев Виктор Петрович (1924—2001) — прозаик, эссеист и драматург, сценарист, член СП СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат двух Государственных премий СССР, Государственной премии РСФСР им. М. Горького, двух Государственных премий РФ, участник Великой Отечественной войны. Перегрузка всеми этими почетными регалиями не сделала его литературным чинушей, общение с Виктором Петровичем никогда не бывало скучным.

просто шедеврами и помещу в мою «антологию», которая всегда в моем кармане и из которой я, к сожалению, так и не смог вам почитать ничего в поездке по Сибири из-за пьянки. Книжку «Последний поклон», как только я вернусь домой (10-го ноября), тут же тебе pošлю, а пока поздравляю с надвигающимся праздником и желаю всего хорошего. Получил ли Женя Городецкий мое большое письмо? Не хотелось бы, чтобы оно потерялось или попало в чужие руки.

Кланяюсь всем твоим близким. Поклон уже заснеженной Сибири, а мы здесь еще купаемся! Вот ведь какая распрекрасная у нас земля.

С приветом — В. Астафьев.

* * *

(От Георгия Гуревича)
Москва, 22 января 1977.

Дорогой Геннадий! С громадным удовольствием познакомился я с этим долговязым бородатым и клетчатым продолжением моего 14-летнего корреспондента. Представляю, как Вам было приятно явиться к этому непрозорливому Гуревичу, сказать и показать: «Вот видите, я своего добился. Хотел стать писателем и стал». Но поверьте, и Гуревичу было не менее приятно. Во-первых, отцам всегда приятно, когда дети побеждают. И вообще сверхприятно, что в этом ноющем, жалующемся, канючащем мире находятся победители — люди, сумевшие переступить через все препятствия, имеющие право гордо говорить о своих достижениях. Прекрасно, что Вы стали писателем. Поздравляю! Мо-ло-дец! А теперь, молодец Геннадий, подумайте о следующем этапе.

Не только молодые литераторы, все люди на свете проходят две стадии. И первая: кем быть? А вторая: что сделать, будучи?

Для школьника все упирается в «кем стать?». Стать геологом, артистом, лингвистом, писателем, шахматистом... Далеко не всем удастся победить на этой стадии... Но вот человек пробился. Он — профессиональный шахматист... для примера. Какой? Ну, кандидат в мастера. И вот тут выясняется, что все — только начало. Он — кандидат, он участник турниров. Но вокруг другие такие же кандидаты. И все хотят стать чемпионами.

Оказывается, эта вторая стадия труднее первой.

Почему я заговорил о шахматах? Так легче рассуждать. Я бы определил Ваше положение, как кандидата в литературные мастера. Допустим, я — мастер, не гроссмейстер, конечно. И вот я держу в руках сборник «Ошибка создателя»⁴³. Будем считать, что в нем три кандидата играют на звание чемпиона Сибири по фантастике. Кто из трех?

Без колебаний третье, последнее, место я отвожу Д. Константиновскому. Написано длинно, с претензией на многозначительность, и о пустяке. Цитаты из Свифта — это претензия: дескать, я его продолжаю.

⁴³ «Ошибка создателя» — сборник фантастических рассказов и повестей Виктора Колупаева, Давида Константиновского, Геннадия Прашкевича (Новосибирск, 1975).

А мелкий завистник в институте будущего — пустяк. И машины, копирующие мелкую зависть, — надуманная проблема.

Первое место в этом турнире трех я, увы, отвоюю Колупаеву. Отвоюю за рассказы «Улыбка» и «Спешу на свидание». У них свои недостатки, но есть человечность, и психология, и личные наблюдения. А Прашкевич, к сожалению, в этом турнире троих — на втором месте. За что? За то, что играл не в полную силу. Не использовал личных наблюдений, не использовал годы, проведенные на Сахалине и Курилах, не использовал Новосибирска, вот и сквозит в его вещах прочитанное. В «Мире» чувствуется что-то из «Секретного фарватера» Платова, а «Чудо» напомнило мне «Круглую тайну» Шефнера... но там эта тема лучше — она на ленинградском материале. Она личная, шефнеровская.

Не думаю, что надо разбирать подробно. Есть у Вас и находки, полно этой самой эрудиции, есть жемчужинки. Все это по-писательски. Так можно сформулировать: да, Прашкевич стал писателем, но писателя Прашкевича еще нет в русской литературе.

Да Вы не падайте духом, не злитесь, как Карпов после каждой ничьей.

Сказанное не отменяет Вашего права (морально-литературного) на издание сборника. Вы спрашиваете оргсоветов⁴⁴. Я советовал бы Вам написать Казанцеву⁴⁵, попросить у него совета и помощи, не ссылаясь на меня. Абрамов⁴⁶ был в Дубултах в декабре, Войсункинский⁴⁷ сейчас в Переделкине. Он человек добрый и обаятельный, но не является официальной личностью. В свое время я говорил о Вас Берковой, когда готовились рекомендации участникам семинара. Она сказала, что Вы не числитесь участником. Еще один путь: жалобы в СП или в конфликтную комиссию СП. Основание для жалобы: в Госкомитете давали на рецензию нефантасту. Добивайтесь рецензии фантаста. Я думаю, никто Вас не зарежет. Можно упрекать Вас в недостаточной оригинальности, но никак не в идеологической диверсии. Наоборот, нормальная советская антикапиталистическая агитация. Возвращаюсь к главной проблеме: что такое писатель Прашкевич? Что внесет Прашкевич в литературу?

В литературе, видите ли, в отличие от шахмат, переход из мастеров в гроссмейстеры зависит не только от мастерства. Тут надо явиться в мир с каким-то личным откровением. Что-то сообщить о человеке человечеству.

Например, Тургенев открыл, что люди (из людской) — тоже люди. Толстой объявил, что эти люди — мужики — соль земли, что они делают историю, решают мир и войну, а правители — пена, только играют в управление. Что делать? Бунтовать — объявил Чернышевский. А Достоевский открыл, что бунтовать бесполезно. Человек слишком сложен, нет для всех общего счастья. Каждому нужен свой ключик, сочувствие, любовь. Любовь отцветающей женщины открыл Бальзак, а Ремарк — мужскую дружбу, и т. д.

⁴⁴ Рецензент Госкомиздата РСФСР незадолго до этого подверг уничтожающей критике книгу моих фантастических повестей, предложенных Зап.-Сиб. кн. изд-ву.

⁴⁵ Писатель-фантаст Александр Петрович Казанцев имел большой вес в официальных кругах. Кстати, к моим вещам он отнесся с интересом и пониманием.

⁴⁶ Сергей Александрович Абрамов — писатель-фантаст, журналист и общественный деятель.

⁴⁷ Евгений Львович Войсункинский — писатель, впоследствии мой добрый, надежный друг.

Так вот, задача Ваша: найти, что же скажет миру Прашкевич?

И пора об этом думать. Толстой начал «Войну и мир» в 36 лет, а Пушкин и вообще-то прожил 37. Не надо каждодневно работать с 6 до 11, а то времени не хватает думать. Это еще Резерфорд сказал. Это даже не главная тема. Это выше — главная идея. У нас много еще будет разговоров — о главной идее и главной теме. <...> 26-го я еду в Переделкино и буду там месяц. Надеюсь за это время добить «Книгу замыслов». В апреле, уповаю, все будет перепечатано. Получается семь замыслов (сейчас дописываю шестой). Объем примерно — 10—12 листов. И тогда я смогу Вам послать на выбор все семь⁴⁸. У Бугрова⁴⁹ только три замысла на руках, окончательного выбора сделать за Вас и за меня не может. Вы мне напишите точнее: когда Вам нужна рукопись для «Собеседника» и какого объема? Можно ли ждать до апреля или требуется раньше? В плане сборника мое сочинение надо озаглавить: «Книга замыслов» или же «Семь книг в одной». И ставить его (сочинение), конечно, не во главе, а под финал. Сначала вещи авторов, потом замыслы.

<...> Моя жена посылает Вам наилучшие пожелания. Она говорит, что из всех гостей Вы ей больше всех пришлись по душе. Ваши вещи она прочла и говорит: «Хорошо бы он (Вы) в прозе был самим собой, как в стихах». Костя (сын) тоже кланяется. Благодаря Вам мы приобрели возможность пугать его: «Учись как следует, будешь как Прашкевич». Впрочем, он идет по верному пути. Сегодня добил сессию на одни пятерки.

Желаю и Вам того же: одни пятерки в жизни. Хотя у писателей такого не бывает.

Крепко обнимаю — Г. Гуревич.

* * *

(От Георгия Гуревича)
 Москва, 1978.

Дорогой Геннадий!

Сожалею, что не удалось повидаться в Свердловске, но, вероятно, Вы знаете, что причина моего отсутствия была серьезной: меня занесло в Италию.

⁴⁸ Для очередного сборника «Собеседник», выходявшего в Новосибирске.

⁴⁹ Виталий Иванович Бугров (1938—1994) — критик, библиограф, историк фантастики, работал в редакции журнала «Уральский следопыт». Библиографические работы Бугрова «Советская фантастика: книги 1917—1975 годов» и «Погребенные в периодике (1945—1976)» были опубликованы в сборнике «Собеседник». Бугров, несомненно, был душой самой главной отечественной премии по фантастике — «Аэлита». При жизни Виталия Ивановича ее вручали: Аркадию и Борису Стругацким, а также Александру Казанцеву (1981, всем троим — сразу), Зиновию Юрьеву (1982), Владиславу Крапивину (1983), Сергею Снегову (1984), Сергею Павлову (1985), Ольге Ларионовой (1987), Виктору Колупаеву (1988), Северу Гансовскому (1989), Олегу Корабельникову (1990), Владимиру Михайлову (1991), Сергею Другалю (1992), Василию Звягинцеву (1993), Геннадию Прашкевичу (1994). Я последним получил этот приз из рук Виталия Ивановича. На моем портрете, помещенном в магаданской книге «Люди Огненного Кольца», можно рассмотреть локоть слева (фотография была неудачно обрзана) — это локоть одного из самых близких, самых добрых моих друзей — Виталия Ивановича Бугрова.

Рим — Сорренто — Капри — Неаполь — Помпеи — Рим — Флоренция — Венеция — Милан за девять суток. Калейдоскоп и круговращение. Советский турист — самый выносливый в мире.

Италия неопишима и не осмысливаема. Не в восторженном смысле — знаете, что я человек не восторженный. Неопишима потому, что в основном нас водили по музеям и зданиям, а живопись и архитектура, да и природа, не излагаются словесно. Некогда я был в Канаде и изложил свои впечатления письменно, но там это удалось, потому что предметом описания была современная и малознакомая страна. А тут общеизвестная классика. Ну что добавочно нового скажешь о Рафаэле и Тициане?

Не осмысливаемая потому, что при беглом беге подхватываешь только беглые обрывки впечатлений. Обдумывать было некогда, изучить — тем более. Может быть, позже когда-нибудь появятся не мысли об Италии, а мысли по поводу Италии. Когда появятся, тогда и вставлю.

Снова (вторично) поздравляю Вас с толстой солидной книжкой⁵⁰ и с мгновенно вышедшей сверхсолидной рецензией в «Правде»⁵¹. Какое впечатление она произвела в сибирских редакциях? Удалось ли Вам зазнаться?

Теперь самая трудная часть письма. Вы делаете ее трудной, ужасно преувеличивая значение моего мнения. А сборник уже оценен «Правдой».

Больше всего мне понравился рассказ о йети (странно?), после него «Сирены Летящей». Почему о йети? — я сам себя спрашивал. Думаю, что именно этот рассказ достоин Прашкевича, выражает его неповторимую интонацию. Если я правильно понимаю, Прашкевич чувствителен и зорок. Он видел горы, зорко подметил детали — это все есть в рассказе о Гималаях. И есть доброта равнодушного человека. Рассказы на чужом материале мешают автору проявить зоркость, рассказы о всяких шпионах мешают проявить человеческие чувства.

Как-то у Вас так получается: отдельно произведения о живых людях, но без сюжета и интриги, отдельно рассказы с сюжетом и интригой, но без живых людей. Сейчас мне думается (не сразу пришло в голову), что скелет Вашего успеха в том, чтобы взять людей Огненного кольца, столяров,

⁵⁰ «Разворованное чудо» (Новосибирск, 1978). Выход книги был непрост: многократное рецензирование, непонимание. Даже замечательный сибирский фантаст Михаил Петрович Михеев, очень дружески ко мне относившийся, решил, что сведения об Иностранном легионе в повести излишни. Впрочем, Михеева я смог убедить, он был человек опытный, пуганый. В тридцатые годы работал монтером в электроцехе в городе Бийске, пописывал (по его собственному выражению) стишки. «В фабкоме встретились шофер и комсомолка». А однажды на свадьбу друга написал настоящую песню: «Есть по Чуйскому тракту дорога». Ее запели. Имени автора сейчас никто не знает, но песню поют. А тогда, в тридцатые годы, бийская городская газета напечатала статью о плохом состоянии алтайских дорог, о частых авариях, о плохой дисциплине среди шоферов. Да и какой может быть дисциплина у шоферов, спрашивала газета, если они поют подлые песни? Утром на работе крикнули: «Михеев, в особый отдел!» Михаил Петрович шел, и ноги у него дрожали. Из особого отдела можно было загреметь куда угодно, хоть в Магадан. Вошел, снял кепку. Особист в форме долго смотрел на его оттопыренные уши и молчал. Ну и Михаил Петрович молчал. Он же видел: перед особистом лежит тетрадный листок с текстом его песни. «Твоя работа, Михеев?» — «Моя». Ждал чего угодно, даже самого плохого, а особист вдруг с силой хлопнул ладонью по столу: «Да ты у нас, оказывается, поэт! Мы учиться тебя отправим!» Вот и такое случалось. Удивительно чистым человеком был Михаил Петрович. Трогательные старые часики на руке, кепка, каких уже почти не носили, ездил на старенькой советской «Победе». И кредо соответствующее. «Хочу, чтобы моего главного героя было за что любить. Мое призвание — электрик, я очень этим горжусь, но самое нужное дело — литература».

⁵¹ Брандис Е., Дмитревский В. «Взято из действительности: заметки о научной фантастике». — «Правда», 1978, 3 сентября.

геологов и путешествующих в шляпе, и кинуть их в фантастику, не обязательно космическую⁵². Именно с этого начали подъем Стругацкие, когда Борис отправил своих сослуживцев, а Аркадий — своих собутыльников в «Страну багровых туч». (Перечитайте.) А секрет их дальнейшего продолжительного успеха в том, что перед этими сослуживцами и собутыльниками были поставлены мировые проблемы.

Не помню, писал ли я подобное в прежних письмах, но сейчас мне кажется, что я советую Вам нечто дельное. Хотя нет ничего наивнее советов взрослому автору.

Получили ли Вы мою книгу? Я посылал ее по старому адресу в конце августа.

Сейчас сижу над романом для «Молодой гвардии». Срок уже приближается, но логике вопреки я еду еще и в Пицунду.

Ужасно суетливый получился год. Честное слово, я не хотел такой суеты. С самыми лучшими пожеланиями. Привет Лиде. И дочке.

Г. Гуревич.

* * *

(От В. А. Прокофьева)
 Москва, 7 сентября 1979.

Уважаемый товарищ Прашкевич! Мне хочется начать рецензию с перефразы Вашего же предисловия. Вы говорите, что «легче всего про- ставить название, гораздо труднее определить жанр». Но жанр вы уже определили — гротескная повесть. И это оказалось не так уж трудно, тем более что «Размышления о гротеске» Иштвана Эркень послужили Вам неким оправданием перед читателем. Гротеску на все наплевать, утверждает Эркень, а вслед за ним и Вы. С этим трудно согласиться. Во всяком случае, я не знаю ни одного «гротескного» произведения, автору которого было бы «наплевать» на содержание своей вещи. Прочитав же «Каникулы 1971 года», я так и не понял, какую цель Вы ставили

⁵² Это мне советовал и Аркадий Натанович Стругацкий. Я, наконец, прислушался. В 1983 г. фантастическая повесть «Великий краббен», написанная на материале моих курильских экспедиций, вышла в свет тиражом в 30 000 экземпляров, и тут же весь тираж ушел под нож цензуры. Впрочем, книжный магазин «Военторг» успел продать несколько сотен книг, до сих пор встречаю это (первое) издание у любителей фантастики. А криминал состоял в том, что главного героя повести, обаятельного и неунывающего, — бывшего алкоголика, бывшего бытового пьяницу, бывшего боцмана с балкера «Азия», бывшего матроса портового буксира «Жук», бывшего кладовщика магазина № 23, того, что в селе Бубенчиково, бывшего плотника «Горремстроя» (Южно-Сахалинск), бывшего конюха леспромхоза «Анива», бывшего ночного вахтера крупного научно-исследовательского института, наконец, бывшего интеллигента — в третьем колене, как уточнял сам герой, — звали Серп Иванович Сказкин. В кальдере Львиная Пасть (остров Итуруп) он первый наткнулся на явившегося из океанских глубин плезиозавра. Дикая доисторическая тварь активно гоняла Сказкина по узкой кромке каменистого берега. «Кто сказал, что Серп не молод?» Подобные шутки, как и само имя героя, были сочтены рецензентами Госкомиздата РСФСР неопозволительным надругательством над священной символикой страны. Выгоняя из дому неверную жену, богодул Сказкин рубил китайские пуховики бельгийским топориком, крушил тайваньским ломиком чешскую мебель, возглашая: «Свободу узникам Гименея!» Это тоже не пошло в жилу. «В наши дни, когда в Египте, Уругвае, Чили, в Южной Корее томятся в мрачных застенках борцы за мир, истинные коммунисты, чистые люди, положившие жизнь за свободу угнетенных всего мира, чего и кому требует Г. Прашкевич?» Повесть, кстати, кончалась вполне пророческими словами: «Что касается профессора Иосинори Имаидзуми, профессор пока молчит. Но и тут я настроен оптимистично: почта будет». После чего следовали заключительные слова: «Лишь бы в это дело не вмешалась политика». Но именно политика и вмешалась.

перед собой, работая над повестью? Что это? Скрытая за буффонадой ирония или просто «проба пера» ради забавы? А между тем без такого ответа трудно решить судьбу Вашей рукописи.

Я все же думаю, что повесть написана была не ради графоманского удовольствия. И сколько бы Вы ни отрещивались от прототипов героев повести, наверное, кое-какие факты, штрихи портретов, бытовые детали списаны Вами с натуры. Если это так, то картина жизни далеких Курильских островов, нравы их постоянных обитателей и «сезонников» — у Вас довольно мрачные. И как бы Вы ни сдобривали эти неприглядные штрихи хорошей дозой юмора, они все равно видны и заставляют задуматься.

Действительно, получается, что Курильские острова заселены в основном пьяницами, распутными бабами, лжеучеными, идиотами-киношниками и халтурщиками-скульпторами. Может быть, на островах и живут нормальные люди, но Вы заблаговременно отправили их в океан ловить рыбу, иначе они будут мешать «гротеску». Чтобы ваша повесть не выглядела как поклеп, злая клевета, Вы прибегаете к буффонаде. Обычно буффонада должна вызывать смех, но, право, читая повесть, я не смеялся, а злился на автора. Согласитесь, что нет ничего смешного в описаниях: «...идя в туалет, расстегиваться начинал уже в коридоре». Или: «...у моей знакомой жил пингвин, она его с мужем путала». Я не ханжа, но такой натурализм — это уже просто отсутствие вкуса.

Но давайте предположим, что повесть Ваша сочтена рецензентом произведением художественным, — как ее публиковать и для чего? Вы ведь прислали ее в центральное молодежное издательство, видимо, адресуя ее молодому читателю. Не думаю, чтобы работники этого издательства нашли в Вашей повести что-то воспитательное или познавательное. Повесть написана телеграфно и очень неряшливо. Некоторые ее фразы просто нечитаемы. «Деревянные дома, цунами-лестницы, фонари — молчали». Как понять, «цунами-лестницы»? То ли это специально построенные лестницы, по которым спасаются во время цунами, то ли это некий образ, но тогда он совсем непонятен. «Молчаливые дома» — куда ни шло, но молчащие фонари — это уже совсем никуда не годно. Гротеск, конечно, включает в себя и изображение людей в «уродливо-карикатурном» виде, но если Вы уродуете содержание книги о Робинзоне Крузо, то это еще не дает Вам права писать такими фразами-уродцами: «Его лоб, широкий как у чашника, правда, мог вызвать восхищение, а сам он умел быть и важным, и энергичным, и умел этим заразить каждого. Спутники его любили поесть, но в меру, поговорить об искусстве, но сверх меры». Или: «Я слушал хор звезд, слушал дыхание Никисора и Потапа, слушал падение листьев на рыжую траву, и жгучие слезы любви ко всему этому рождались во мне, и жгли глаза и горло». Гротеск требует хотя бы элементарной логики, иначе это будет просто бессмысленный набор слов. Я вовсе не противник гротеска, буффонады, к сожалению, в нашей литературе они редкие явления. Но буфф ради буффа, зубо-скальство ради красного словца... Нет, такое я не могу рекомендовать издательству.

А ведь Вы могли бы написать подлинно сатирическое, острое произведение, и адрес его был бы хорошо известен, и сарказм бил бы в цель, и даже «натурализмы» были бы уместны, для этого Вам нужно было только задаться вопросом: какая идея лежит в основе, для чего все это пишется? Подумайте над этим. Желаю успеха.

С уважением, член Союза СП В. Прокофьев⁵³.

* * *

(От В. А. Прокофьева)
 Москва, 16 сентября 1979.

Уважаемый Геннадий Мартович! Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» в лице Г. Рой передало мне на официальную рецензию Вашу повесть «Каникулы 1971 года», и официально я Вас хорошенько отругал. Право, жалко и времени, и сил, и «мозговой эквивалентности», потраченных Вами на эту «гротескную» повесть. В официальной рецензии я подробно изложил причины, по которым Ваша повесть (в том виде, в каком она пребывает ныне) не может быть напечатана. И уверяю Вас, это не просто мое личное мнение, а знание тех требований, кои предъявляются издательством. Я сам был редактором в этом издательстве, более десятка лет состою в рецензентах, ну и многожды там издавался.

Если бы Вы были бесталанны, то и шут с ним — с временем и силами: графомания — болезнь неизлечимая. Но ведь у Вас есть искра божья, Вы умеете видеть главное, умеете главное показать. Сужу по рукописи. И лепить характеры Вы тоже умеете. Так зачем же Вы сами это умение отправляете в корзину? Так и подмывает по-старчески побрюзжать, де, мол, вот молодость — не знает, куда девать силы и дни. А ведь Вы уже издавались, значит, Вам нет необходимости снова и снова делать «пробу пера». Пора писать! Писать и писать! Но не для собственной потехи, не в стол и даже не для будущего.

Если вернуться к рукописи, право, из нее может получиться неплохая юмористическая повесть. И переделать рукопись не так уж трудно. Мне вспоминаются юмористические повести и рассказы Санина⁵⁴ (вероятно, Вы читали их). Санин пишет на грани гротеска, но при этом ничего не выдумывает. Он, скорее, очеркист, документалист. У Вас могло получиться ничуть не хуже. Вы же знакомы с Курилами, с их бытом, экзотикой, людьми. Это же благодатнейший материал, почти целина. Вот и поднимите этот материал — как юморист или даже как сатирик. Уверяю Вас, в новой повести найдется место и вашему шефу, и скульптору, и другим персонажам. Но все они только тогда встанут во весь рост, когда рядом

⁵³ В. А. Прокофьев — прозаик, литературный критик, член СП СССР, рецензент издательства «Молодая гвардия». В конце семидесятых в этом издательстве именно он решал судьбу моей повести «Каникулы 1971 года».

⁵⁴ Владимир Маркович Санин (1928—1989) — прозаик, сценарист, драматург, полярник, путешественник. В 1987 г. рецензировал мою повесть «Война за погоду» (первое издание: Новосибирск, 1988).

окажутся люди иного плана. Уверю Вас, что такая повесть, повесть, несущая познавательные элементы и в то же время веселая, сочная, — всегда найдет издателя.

Я уверен, Вы вернетесь к повести. Я уверен, мы еще увидим ее напечатанной. Всего, всего Вам доброго.

Ваш В. А. Прокофьев.

* * *

(От Валентина Катаева)

Москва, 1978.

Уважаемый Геннадий. Книжку Вашу получил. За надпись благодарю. Я прочел ее с большим удовольствием, временами восхищаясь Вашим изобразительским талантом⁵⁵. Вашу книгу можно поставить в один ряд с хорошими американскими писателями. Не знаю — комплимент ли это, но я люблю современную американскую прозу. Вы — хороший писатель-прозаик, и я желаю Вам всяческих успехов.

Валентин Катаев⁵⁶.

P. S. И юмор у Вас отличный.

* * *

(От Юлиана Семенова)

Москва, октябрь 1978.

Дорогой Геннадий! Вот Вам рекомендация в Союз⁵⁷. Я говорил, кстати, много о Вас с гл. редактором «Сиб. огней» — свяжитесь с ним.

⁵⁵ В книгу «Люди Огненного Кольца» (Магадан, 1977) вошли повести: «Столярный цех», «Ильев. Его возвращение», «Двое», «Люди Огненного Кольца», «Мирис» и «Каникулы 1971 года».

⁵⁶ Катаев Валентин Петрович (1897—1986) — прозаик, поэт, драматург, член СП СССР. Лауреат Сталинской премии (за повесть «Сын полка»), Герой Социалистического Труда. Основатель (1955) и главный редактор (до 1961 года) чрезвычайно популярного журнала «Юность». Оценку Катаевым моей прозы я очень ценю.

⁵⁷ К письму была приложена рекомендация: «Книгу Геннадия Прашкевича “Люди Огненного Кольца” я прочитал залпом. Книга эта — необычна, ибо при всей ее *разности* со страниц встает сам автор — нельзя его не понять и не почувствовать. Автор этот влюблен в жизнь, которая прекрасна — во всей ее многосложности и противоречивости. Автор этот — романтик, который ведет многотрудный поиск прекрасного; он умеет находить прекрасное и в столярном цеху, где пахнет стружкой и клеем, и где каждый человек — человек, то есть характер, и на Курильских островах, в людях “Огненного кольца”, — однако и там, в краю романтики, Прашкевич не ищет легкого, поверхностного, он копает вглубь, и копает отменно. Прашкевич раскован в своей прозе; эпитеты его порой дерзки, и это прямо-таки замечательно. Нашему учителю Горькому много досталось за “море смеялось”. Критики Горького забыты — Алексей же Максимович вечен. Можно соглашаться или не соглашаться с “дерзостями” Прашкевича, однако же нельзя не признать, что рождены они талантливостью его литературного дара, его добротой и ответственностью за наше молодое поколение, которое постоянно корректируется в наш стремительный век. Герои Прашкевича — рабочие люди. И замечательно, что он так пристально любит их, гордится ими, так открыто за них радуется.

Есть у Прашкевича и иные герои: недобитые гитлеровцы, шваль Иностранного легиона — бандитские наемники империалистов. И здесь Прашкевич на высоте: он не мажет их черным, он не делает их глупцами, он пишет врага, которого надо уничтожить, а когда враг силен, тогда шапкозакладательство преступно. Разносторонность таланта Прашкевича очевидна. А талантливому литератору следует быть в рядах Союза Писателей, чтобы работать еще активнее.

От всего сердца рекомендую Геннадия Прашкевича в члены СП СССР. Юлиан Семенов».

Рецензию на Вас писать не просто — это надо сделать как-то по-особому, не оценочно — ждите. Сделаю. Не считайте при этом, что рецензия решает все: суета сует и всяческая суета. Главное, чтобы книгу брали в библиотеке. Искать ключи в Госкомиздат не надо — суетливо это. Поступим иначе. Пришлите официально в СП РСФСР на имя Ю. В. Бондарева и мое (как председателя Комиссии) письмо, рукопись и рецензию Дугинца⁵⁸. Попросите Бондарева, как мэтра, и меня, как маленького понимающего жанр, разобраться в этом деле и заслушать мнение литератора Дугинца, выступающего главным ценителем жанра. Сделайте это немедленно, ибо 20 ноября я уезжаю.

Вкалывать! За одного битого дают 167542987 небитых! Ощущайте продольные мышцы спины! Бегайте по утрам! Занимайтесь спортом! Смотрите на себя со стороны и радуйтесь этой возможности! Злитесь! «И это пройдет». Однако, нет большей радости в жизни, чем жизнь! Пишите. Если не отвечаю — значит, нет меня. Жму руку.

Юлиан Семенов⁵⁹.

* * *

(От Зиновия Юрьева)
Москва, 5 декабря 1978.

Дорогой Геннадий! Меня очень долго не было в Москве, почти два месяца. А когда приехал и начал разбирать бумаги, нашел Ваше письмо, но без журнала. В семье моей царит такой же бардак, как и везде, и так я и не нашел, кто же взял журнал⁶⁰. Старший сын признался, что он прочел про геологов, но больше ничего сообщить мне не смог.

Поэтому я пока воспринимаю Вас как человека, очень здорово написавшего про границу, но мы-то с Вами знаем, что в душе нам всегда хотелось писать о нас самих, а не о всяких там Джонах.

Я написал «здорово» не из вежливости. В отличие от подавляющего большинства нашего брата, Вы действительно обладаете даром слова, вкусом, т. е. талантом, хотя для успехов в советской литературе это качество вовсе не обязательно, а иногда даже мешает.

Еще раз прошу прощения, сообщите мне хоть в письме — что Вы мне присылали, я найду в библиотеке. Вы мне очень симпатичны и как человек и писатель, и мне не хотелось бы, чтобы Вы приняли меня за эдакого мэтра, не достаивающего вниманием коллегу. Бог свидетель, я не такой.

Искренне Ваш Зиновий Юрьев⁶¹.

⁵⁸ Рецензент Госкомиздата РСФСР.

⁵⁹ Семенов Юлиан Семенович (1931—1993) — журналист, публицист, кинодраматург, прозаик и поэт, член СП СССР, основатель журнала «Детектив и политика» и газеты «Совершенно секретно». Лауреат Государственной премии РСФСР, заслуженный деятель искусств РСФСР. В тяжелое для меня время (в 1983 году цензурой была запрещена моя повесть «Великий краббен») активно и дружески помогал мне.

⁶⁰ Хабаровский журнал «Дальний Восток», 1977, № 4. В этом номере была напечатана повесть «Двое на острове».

⁶¹ Юрьев Зиновий Юрьевич (1925—2020) — писатель-фантаст, сценарист, сатирик, член СП СССР. Лауреат премии «Аэлита» (1982).

* * *

(От Александра Казанцева)
Москва, 1978, телеграмма.

Срочно пришлите снежное утро я видел снежного человека⁶² на суше и на море привет казанцев⁶³.

* * *

(От Зиновия Юрьева)
Москва, 23 января 1979.

Дорогой Гена! Только что кончил читать «Огненное Кольцо». На этот раз никаких поучений, никаких претензий. И самое главное — моментами Вы каким-то таинственным образом достигаете зыбкого и неясного волшебства, какое отличает только немногих избранных. Дай бог и дальше Вам плыть в этом направлении. Если будете в Москве и не позвоните — порываю все отношения. Серьезно — обижусь.

Искренне Ваш Зиновий Юрьев.

* * *

(От Зиновия Юрьева)
11 июня 1979.

Дорогой Гена! Только что получил твое письмо, за которое благодарен, и тут же устанавливаю личный рекорд скорости ответа — 15 минут спустя после вскрытия конверта.

Весной я пробыл полтора месяца в доме творчества в Ялте, и буквально на следующий день после приезда мне было неудобно снова сматываться из редакции, тем более что мой коллега был болен. Поэтому-то я и не смог приехать в Новосибирск⁶⁴. С божьей помощью я надеюсь наверстать упущенное и увидеться с тобой. Может быть, ты соберешься в Москву, может, я — в Новосибирск.

Рад, что ты всю пищушь. Я глубоко уверен, что твой стиль, воплощенный для меня в «Каникулах», в высшей степени незауряден и приведет тебя к множеству успехов. До сих пор я под впечатлением этой прелестной, порой волшебной смеси шутки и грусти, эксцентрических и вместе с тем бесконечно симпатичных людей.

Все будет хорошо, немножко терпения.

⁶² В почтовом отделении новосибирского Академгородка телеграмма вызвала переполох: «Вы правда снежного человека видели?»

⁶³ Казанцев Александр Петрович (1906—2002) — писатель-фантаст, журналист, публицист, член СП СССР. В 1939 г. был главным инженером промышленного отдела советского павильона на Всемирной выставке в Нью-Йорке, участник Великой Отечественной войны. Роман «Пылающий остров» и рассказ «Взрыв» — важные вехи советской фантастики. Лауреат премии «Аэлита» (1981).

⁶⁴ Планировалось выступление Юрьева в Доме ученых Академгородка.

И с приемом в СП будет хорошо⁶⁵. Просто писательские сонные бонзы с летним теплом и вовсе прекращают какую-либо деятельность, кроме личного обогащения и интриг.

Написал я повесть. Друзья, которые прочли, говорят, что это лучшая моя вещь и, соответственно, имеющая минимальные шансы на опубликование. Говорят, я никого не обману, и суть ее — вопль и необходимость какого-то бога — слышен слишком отчетливо. Ну да бог с ним, посмотрим.

Искренне твой — Зиновий.

* * *

(От Бориса Стругацкого)
22 июля 1979.

Дорогой Гена! Наконец-то я имею возможность подарить Вам нашу книжку⁶⁶. Очень приятное издание, очень славные иллюстрации Мигунова, особенно — к «Парню».

Что касается отрывка для «Собеседника», то я совсем уже вознамерился прислать Вам кусок из «Жука» — 17 страниц, вполне удобочитаемых и в то же время не выдающих никаких сюжетных тайн, — как вдруг выяснилось, что «Жука» берет «Знание — сила» и начнет его печатать с девятого номера этого года. Вопрос: не помешает ли одному другому? Если нет, то я, разумеется, вышлю Вам упомянутые страницы. А если да? Просто и не знаю, что тогда делать. Не из «Лебедей»⁶⁷ же Вам отрывок давать... «Град обреченный» все еще пребывает в черновиках, да и трудненько оттуда было бы что-нибудь выбрать... Просто не знаю. Придумайте что-нибудь.

Ваш — Б. Стругацкий⁶⁸.

* * *

(От Бориса Стругацкого)
Ленинград, 24 января 1979.

Дорогой Гена! Спасибо за «Только человека». Ей-богу, славная получилась повестуха, и у нас тут возникло даже предложение именно ее

⁶⁵ После успешной первой стадии приема в СП СССР в Новосибирске, процесс затормозился — в Москве (по чисто идеологическим причинам), и вся эта история нудно тянулась вплоть до 1982 года.

⁶⁶ «Понедельник начинается в субботу» (Москва, 1979). Кроме указанной, в книгу вошла повесть «Парень из преисподней».

⁶⁷ Повесть Стругацких «Гадкие лебеди» должна была выйти в 1968 г. в изд-ве «Молодая гвардия», но не была разрешена цензурой. В 1972 г. «Гадких лебедей» опубликовало (без ведома авторов) изд-во «Посев» (ФРГ).

⁶⁸ Стругацкий Борис Натанович (1933—2012) — писатель-фантаст, сценарист, переводчик, член СП СССР. Лауреат премии «Аэлита» (1981). Писал в соавторстве со своим старшим братом, после смерти Аркадия выпустил два самостоятельных романа. Одна из самых печальных книг, посвященных советской литературе 1970—80-х годов, — это, на мой взгляд, «Комментарии к пройденному» (Санкт-Петербург, 2003). Атмосфера, в которой мы жили, только сейчас, издали, кажется романтической. В реальности она была густо напитана тяжелым дыханием бесчисленных идеологических работников, завистников, людей бездарных, но имеющих власть. Честь и слава братьям Стругацким, сумевшим сделать многое (к сожалению, далеко не все) из того, что они собирались сделать.

сунуть в сборник. Вы не возражаете? Во-первых, она заметно компактнее⁶⁹ — что существенно. Во-вторых, лично мне она показалась гораздо более энергичной и острой. Конечно, решать, скорее всего, будем не мы, а редактор, но мы все-таки предпочли бы отстаивать именно ее.

В ближайшее время Ж. Браун должна предоставить в Лендетгиз полсборника под заявку, чтобы заключить договор на составительство. Вообще-то все было для этого готово (с нашей стороны) еще в декабре, но в Детгизе сейчас происходят внутренние катаклизмы, меняется начальство, и Ж. Браун выжидает наиболее благоприятного момента.

Теперь по поводу Б.⁷⁰ Произошло то, чего и следовало ожидать: терпение у людей лопнуло, вызвали его на бюро секции и прямо спросили — в чем дело? какие у вас претензии к бюро? Выяснилось, что у него претензий нет, и тогда мы высказали ему свои. Получилась внушительная в своей мерзости картинка, такая мозаика из дерьма разных сортов. Тут было и распространение порочащих слухов (в том числе такой перл: Брандис и Стругацкий устроили в секции сионистский заговор), и использование служебного положения (проталкивал свои рукописи то как староста семинара, то как секретарь секции), чистая хлестаковщина (выдавал себя за члена СП, объявлял, что он «уполномоченный секции по связи с прессой» и т. д.) и просто жульничество (скажем, приехал в город Н, явился к издателю Икс, поставил перед ним две бутылки напитка Дж и выложил свою рукопись: «Вам привет от вашего друга, ленинградского писателя Зэт, который всячески рекомендует вам это вот мою рукопись»). Издатель Икс, спустя время тэ, шлет Зэту возмущенное письмо: «Что за дерьмо ты мне рекомендуешь, да еще таким предосудительным образом?» Писатель Зэт, ужасно разозлившись, бежит по Дому писателей и орет про жуликов и авантюристов)... Словом, выложили ему все. Половины его подвигов я, оказывается, не знал даже. Он, разумеется, брыкался и от всего отрецивался, но потом признал, что много болтал, что мог создать у собеседников неверное представление, что с джином допустил перехлест и т. д. Бюро его предупредило и в качестве наказания лишило на год права выступать перед читателями. Все бы на этом закончилось, но тут эта идиотка Л.⁷¹ (у которой у самой рыльце в пушку: по части распространения слухов и сплетен она любому Б. даст сто очков вперед), так вот эта дура принялась всем звонить, что Б. травят. Делом заинтересовались высокие инстанции, и теперь я за Б. гроша ломаного не дам, потому что крепнет общее мнение, что такого авантюриста надо отовсюду гнать в шею, — так, во всяком случае, высказывались отдельные члены секретариата. Такие вот дела. Гадко. Поразительная все-таки гнусь эта парочка! Вот что делает с людьми слишком ранняя профессионализация — я имею в виду писателей, разумеется.

Говорят, Вы скоро станете полноправным членом СП? Поздравляю от души! По-моему, Вы вполне достойны — во всех отношениях.

Жму руку, Ваш — Б. Стругацкий

⁶⁹ По сравнению со «Школой гениев» — научно-фантастической повестью, написанной в соавторстве с В. Свиньиным.

⁷⁰ Не указываю фамилию ленинградского писателя-фантаста. Дела давние.

⁷¹ Не указываю фамилию по тем же причинам.

* * *

(От Бориса Стругацкого)

28 января 1980.

Дорогой Гена! Разумеется, присылайте Вашего «Каина»⁷², когда Вам будет удобно. И я прочту, и ребятам нашим (коих мнение Вам интересно) дам прочесть. И можно будет обсуждение устроить по всей форме, если захотите. Уверен априори, что повесть обсуждения достойна.

Завидую Вашим метаниям. Честное слово! На меня 79-й нагнал оцепенение, из которого никак не могу выйти. Ничего не хочется делать, все валится из рук, даже любимая моя математика не помогает. А метания — это прекрасно! И неудовлетворенность — тоже прекрасно! Это значит — что-то будет, что-то получится, что-то появится, чего не было раньше. Так что мечитесь дальше — успокоиться еще успеете, это я Вам гарантирую.

Дела наши ленинградские скорее унылы. Семинарский сборник притормаживают всеми средствами. На Москву же надежды плохи.

На семинаре кончаем конкурс сказки. Еще одно заседание на эту тему и — конец. Результаты оказались не так уж и плохи, хотя тайная моя надежда набрать материал на сказочный сборник не оправдалась-таки, нет, не оправдалась. Итог: три добротные хорошие сказки, да парочка милых сказочек на страничку, да еще одно очень неплохое сочинение, но, к сожалению, не сказочное, а скорее сюрреалистическое, и потому непечатное. А все прочее — барахло. С одной стороны, вроде бы и неплохой результат — 5 : 21, сами понимаете, процент качества вполне достойный, а с другой... Ладно, следующий конкурс будет: спейс-опера — сюжет, забой, пальба, тайны, приключения. Посмотрим.

Жму руку, Ваш — Б. Стругацкий.

* * *

(От Бориса Стругацкого)

11 июля 1980.

Дорогой Гена! Получил Ваше письмо и сразу же отвечаю. Спасибо за разнообразную и, в общем-то, приятную информацию. Со своей стороны, могу сообщить, что сборник Стругацких «Неназначенные встречи» вышел-таки, невзирая ни на какие происки недругов. Пока у меня только один экземпляр, а как только будет больше, немедленно вышлю Вам. Сборник красиво издан, выглядит вполне солидно, вызывает у меня злорадно-мстительные чувства («наша взяла!»), но читать его мне категорически не хочется — тошнит. Цена победы — наверное, любой.

В Лендетгизе свалили наконец директора. Теперь все прижали уши, ждут, кого назначат. Слухи ходят стадами, а толком никто ничего не знает. У меня же в мозгу крутятся непрестанно бессмертные строчки из Михаи-

⁷² Повесть «Парадокс Каина», написана в 1979 г.

ла Евграфовича: «Предшествовавший начальник дал вам язвы, аз же дам ти скорпионы!» Судьба сборника молодых решится, надо думать, новым директором. Пока же перспективы не ясны.

На семинаре, как Вы, вероятно, помните, был объявлен в прошлом году новый конкурс на остросюжетное произведение под девизом «Приключение с продолжением». Как я и опасался, задание оказалось семинару не по зубам. Ни одного стоящего произведения до сих пор не подано. Завязали, завязали семинаристы в дебрях психологии, социологии, философии и пр. Сюжет им не по зубам-с! А без сюжета — какая может быть фантастика? Правда, кое-кто грозитя, что все, мол, впереди, мы еще покажем!.. Что ж, дай бог...

Мы с Аркадием все ходим около новой повести. Она возвышается над нами как гора дьявольски неприступного и неприветливого вида. А лезть надо!

Желаю и Вам того же, Ваш — Б. Стругацкий.

* * *

(От Аркадия Стругацкого)
Москва, 19 декабря 1979.

Милый, дорогой Гена! Примите мои самые искренние соболезнования. Насчет вины — это я понимаю, мучаюсь тоже: три месяца назад умерла наша мама. Мучаюсь, как и Вы, как любой. Однако и наш последний путь неотвратим, а мой, например, и совсем не за горами...

Ладно, не будем об этом. Прошу прощения, что долго не отвечал Вам, в Москве идет глухая, но очень активная драка за фантастику. Думал написать Вам, когда хоть что-нибудь прояснится, но положение остается напряженным и бог знает, когда выяснится, а тут подоспело Ваше новое письмо с бандеролью. Бандероль немедленно забрала себе Бела Григорьевна Ключева, так что я даже не знаю, что у Вас там, а письмо я от нее спрятал. (Случилось так, что мы с Ключевой принимали одну переводчицу из США, а потом приехали ко мне — она очень любит мою жену, — а тут Ваша бандероль, она и впиалась...)

О «Соавторе». Мне эта вещь очень понравилась, хоть и грешит она, на мой взгляд, некоторыми элементами штампа — в тех ее местах, где идет речь о появлении (вернее, проявлении) Чужого. Не по сути диалогов героя с Чужим (они очень интересны), а именно по атрибутике. Ну да это мелочи. Я взял эту повесть в сборник для «Московского рабочего». Но здесь обнаружилась беда: это издательство категорически не публикует иногородних, оно вообще подчиняется не Госкомиздату, а горкому партии. Если удастся отстоять в сборнике рубрику «Гости Москвы», то она там пойдет. Если же нет, тогда «Соавтор» будет включен в сборник «Молодой гвардии», за который мы начинаем битву.

Книгу, которую Вы прислали⁷³, читал раньше, за что и полюбил и оценил Вас впервые. Сердечно рад иметь ее в своей библиотеке.

⁷³ «Разворованное чудо» (Новосибирск, 1978).

Письмо это посылаю вместе с нашей книгой, хотя говорят, что на почте книги ужасно воруют. Но раз Ваша дошла, так и наша должна дойти. Жму Вам крепко руку, искренне Ваш — А. Стругацкий⁷⁴.

* * *

(От Аркадия Стругацкого)
 15 мая 1980.

Милый Геннадий! Получил Ваше письмо. Ну что тут скажешь? Выругался матерно (шепотом), облегчил душу, а толку никакого. Все скверно. Все благие порывы и начинания нашего Совета очевидно пошли прахом из-за нерешительности или напуганности С. Абрамова. Ваши известия об ударе из Роскомиздата — только завершающий штрих отвратной картины, как говорилось в старых романах.

Создавали сеть периферийных ежегодников фантастики, клялись, хвастались, истратили уймищу денег на командировки. Было? Было. А вышел пшик. Издатели объявили, что ничем подобным заниматься не будут, если им не выделят специально для этого бумагу. Ладно. Хлопотали о включении в приемную комиссию Стругацкого, дабы не повторилась позорная история с Прашкевичем. Клялись, хвастались, добились. Было? Было. А в результате приказа о включении Стругацкого в комиссию так и не случилось, и вот на днях зарубили еще одного фантаста из Сибири (не помню, как его зовут). Ладно. Планировали ежегодный конкурс для молодых, закрытый, под девизами, с председателем жюри Стругацким. Грозилась, хвастались, восхищались. Было? Было. А в результате создали ежегодный конкурс **ОПУБЛИКОВАННЫХ** произведений (т. е. для награждения самих себя) с Михаилом Алексеевым в качестве председателя жюри. Ладно. Договорились о том, что в Роскомиздате рецензировать писателей-фантастов будут не проходимцы, а члены Совета по списку. Клялись, хвастались, добились. А в результате Прашкевича опять забили по горло в землю. Ладно. Взялись заставить изд-во «Советский писатель» издавать фантастику, договорились, обещались, хвастались. Было? Было. А в результате «Советский писатель», придравшись к юридическому пустяку, расторгнул договор со Стругацкими с вычетом у них аванса и одобрения (4,5 тыс. руб.), а сборник Шалимова, где уж юридических крючков не оказалось, загнали на рецензию в Академию наук...

Вот так-то, Геннадий.

Клятвы и хвастовство Абрамова, уверявшего, что ему все это вернуть — раз плюнуть, обошлись нам дорого. Да и я-то, дурак, поверил ему, а надо было самому все это делать. Хотя, с другой стороны, пред-

⁷⁴ Стругацкий Аркадий Натанович (1924—1991) — писатель-фантаст, сценарист, переводчик, член СП СССР. Лауреат премии «Аэлита» (1981). Писал в соавторстве с младшим братом Борисом, но выступал и под одним своим именем. После окончания Бердичевского пехотного училища был откомандирован в Военный институт иностранных языков. С 1949 по 1955 г. служил (как военный переводчик) в Советской армии — в Канске, на Камчатке, в Хабаровске. Встречаясь в Москве, мы особенно часто вспоминали Курилы, на которых я провел не один геологический сезон.

седатель Совета ведь он, и очень ревнивый к своему высокому званию, меня ни к чему не подпускал... А, ну его к такой-то матери.

Мы с братом сейчас плюнули на все. Занимаемся помаленьку кино, да я перевожу более или менее усердно, как и Вы. Тем и живем. Теперь так.

Разумеется, Беркова и не подумала спросить у меня Вашего «Соавтора». Так я передал его для очередного НФ Славе Рыбакову. Может быть, хоть там что-то получится. Такие дела.

Остаюсь всегда Ваш А. Стругацкий.

* * *

(От Аркадия Стругацкого)
31 марта 1981.

Дорогой Гена! Письмо получил. Очень сожалею, что так вышло с «Собеседником», но вот Ковальчук утверждает, что, потеряв это издание, фантастика приобретает ежегодник специальный, вроде «Мира приложений». Не знаю, насколько это правда.

Книга, конечно, для тебя есть, но посылать я ее не решусь: было уже несколько случаев, когда мои книги просто не доходили, и меня строго предупредили на этот счет — один знакомый почтарь, между прочим.

Борис, кажется, оправился от инфаркта, сегодня должен был отбыть из больницы в санаторий, еще месяц — и, возможно, начнем снова встречаться для работы. Хотя где встречаться... живу вчетвером с малышом в двухкомнатной, сам понимаешь, каково это. Но бог милостив, что-нибудь придумаем. Главное, оба мы с Борисом уже старые больные клячи, в Доме творчества работать боязно — без жены, чтобы присматривала за здоровьем, насчет возможных приступов и т. д.

Рад, что у тебя хорошо с изданиями. Это все-таки самое главное сейчас.

Так я и не понял, что с твоими приемными делами. Чем кончилось, на чем сердце успокоилось? Какие перспективы?

Обнимаю, твой — А. Стругацкий

* * *

(От Аркадия Стругацкого)
23 декабря 1982.

Дорогой Геннадий! Получил твое теплое письмо. Рад, что у тебя все идет хорошо, что пишешь и издаешься, и что энергией полон, и вообще живешь на полную катушку. Слушай, никак не пойму, приняли тебя в наш растреклятый СП или нет? Справлялся — никто ничего определенного не говорит. Сообщи, пожалуйста.

А у меня, брат, дела плохи. Живу от одного сердечного приступа до другого. С Гуревичем все не могу встретиться, а очень надо, а тут еще хорошо бы у него и книгу твою взять, и рукопись.

Что касается «Отеля...», то посылать не буду, на почте все пропадает, буду ждать, когда приедешь, либо передам с оказией.

Наилучшие пожелания Вам с Лидой в новом году от нас с Леной и Машей, и с внуком нашим тож, будь счастлив, А. Стругацкий.

* * *

(От Евгения Брандиса)
 Комарово, 20 марта 1982.

Дорогой Гена! Поздравляю от всего сердца. Только что вернулся из Москвы — узнал, что Вы стали полноправный член СП, узнал и взволновался. Для меня это праздник, как и для Вас. Сказали две москвички, любящие Вас писдамы, что Сережа Абрамов сражался как лев и добился справедливости. Одновременно провели в Союз и Олю Ларионову. Все же фантастика наша понемножку пробивается, хотя, к Вашей чести, она лишь часть Вашей огромной работы⁷⁵. Пробивается, несмотря на абсолютную бесплодность состоявшегося в начале этого месяца пленарного заседания Совета. Парнов и Кулешов сделали все, чтобы разговор о фантастике на пленуме, посвященном фантастике, свести на нет. Да бог с ними. Будем жить и работать, пока живем.

Обнимаю Вас и целую. Ваш — Е. Брандис⁷⁶.

* * *

(От Евгения Войскунского)
 Москва, 12 мая 1982.

Дорогой Гена! Спасибо за теплое поздравление, за добрые слова. При всем том, что жизнь я прожил (60 лет — не шутка!) очень нелегкую (война, блокада...) — я благодарен судьбе за то, что она подарила мне большой кусок жизни после войны и еще за то, что всегда были рядом хорошие люди, друзья. К ним я и Вас причисляю по причине душевного расположения и симпатии.

Геночка, сердечно поздравляю Вас с членством в СП⁷⁷. Писатель Вы уже давно со своей темой, своим стилем, но официальное признание — вещь очень значительная. Убежден, что Вы напишете еще много хороших книг, и не только напишете, но и издадите, а это, по-моему, еще труднее. Я в прошлом году закончил большой роман «Кронштадт» — о войне, голоде и любви. Были хорошие рецензии, было превосходное заключение, роман вставлен в план редподготовки 83 г., но нет никакой гарантии, что он выйдет в 84 г. Договор не заключают. Теперь у нас договор заключа-

⁷⁵ Это так. Я всегда работал в разных жанрах, мне это было интересно.

⁷⁶ Брандис Евгений Павлович (1916—1985) — литературовед, критик, член СП СССР, кандидат филологических наук.

⁷⁷ В 1982 г. я был, наконец, принят в Союз писателей СССР. Очень вовремя. Думаю, что годом позже, после истории с запретом моей книги «Великий краббен» (Новосибирск, 1983), вряд ли мое вступление в Союз состоялось бы.

ют только после того, как рукопись утверждается в издательском плане. Редподготовка — не в счет. Ну и ну! А теснота в изд. планах с каждым годом возрастает.

Все же я надеюсь, что этот роман, над которым работал много лет, выйдет. Вот тогда и подарю Вам с удовольствием. А сейчас — ей-богу! — нечего дарить, все прежние книги у меня по 1 экз. Не взъщитесь.

Обнимаю Вас дружески. Привет от моей жены.
Ваш Е. Войскунский⁷⁸.

* * *

(От Дмитрия Биленкина)
Москва, 1 июня 1982.

Дорогой Гена! Когда я переходил на так называемую «творческую работу», то из приятелей, давно вступивших на этот неверный путь, поддержал и одобрил лишь один, прочие смотрели соболезнующе. Есть отчего! Во-первых, проблема куска хлеба с маслом: положение с изданием книг, пожалуй, никогда не было таким скверным. Во-вторых, проблема самодисциплины, тут либо коммунистическое отношение к труду, либо крах. В-третьих, домашние привыкают смотреть на тебя как на незанятого человека, на которого можно и нужно взваливать все большую меру домашних тягот. Тем не менее я лично о своем решении не жалею, хотя с деньгами, конечно, стало похуже (вторую проблему я решил раньше, третью — по ходу дела). Это притом, что существенного выигрыша времени я не получил, так как изначально добился в журнале⁷⁹ свободного распорядка и приезжал в редакцию лишь после обеда на два-три часа. Но нагрузка, особенно нервная, поуменилась, и работа стала продуктивней.

Думаю, что ты поступишь правильно, ибо работать ты умеешь, а деньги уж как-нибудь заработаешь, фокусироваться же необходимо!

У меня все то же: два новых сборника в издательствах, благоприятные рецензии и редакторские уверения, что издадим... году в 1985-м. Или 1986-м. Правда, вскоре должна выйти книга нефантастическая, нечто вроде философского эссе для детей. Да и в болгарском сборнике мы, надо думать, встретимся⁸⁰. Еще авторские книги ждут в Болгарии, ФРГ, Франции. Но это, увы, плохо компенсирует малоперспективность положения дел в родных издательствах. Такие вот дела. Всего доброго.

Д. Биленкин⁸¹.

⁷⁸ Войскунский Евгений Львович (1922—2020) — прозаик, писатель-фантаст, член СП СССР, лауреат премии «Аэлита» (2011, совместно со своим многолетним соавтором Исаем Лукодяновым). Участник Великой Отечественной войны. Долгие годы мы дружили с ним, и наши отношения никогда ничем не были омрачены. В некоторых своих книгах он с удовольствием (его собственные слова) писал и обо мне.

⁷⁹ «Вокруг света».

⁸⁰ «Срещя с медуза» (София, 1983).

⁸¹ Биленкин Дмитрий Александрович (1933—1987) — писатель-фантаст, литературный критик, журналист, член СП СССР.

(От Бориса Штерна)
Киев, 15 сентября 1982.

Мартович, дорогой! Рассказ посвящается тебе⁸². Почему — сам увидишь. Рассказ, кажется, не очень плохой. Хуже, чем «Чья планета?», но лучше, чем «Дело — табак». Я буду потихоньку продолжать эту серию об инспекторе Бел Аморе и роботе Стабилизаторе. Так... по рассказу в год... может, и насобираются через десять лет на книжку «Приключения майора Бел Амора».

Я отошлю его в «Химию и жизнь», они вроде не прочь меня печатать.

Генка, сейчас толком попытаюсь ответить на один из пунктов твоего августовского письма. Я все твои вещи читал с удовольствием. Моя беда, что я помешан на отделе (это у меня от мнительности), и так как литературная отделка — мой конек, и я на этом набил руку, то я вечно в лит. разговорах на это и напирваю. То есть плаваю там, где знаю, что не утону. (Но это не мания редактора править. Это все же другое, писательское.) Ты — писатель. Тут никаких эпитетов не нужно. Сам ведь знаешь, есть члены СП, а среди них, наверное, всего треть писателей, остальные просто члены. Так вот, ты — писатель. Такая, в общем, чепуха. Писатель сразу виден по тексту. Сразу. Пусть он будет самым последним из чукчей. Пусть правильно или неправильно расставляет слова, пусть его вкус подводит — главное, чтобы текст был живой. Значит, и человек живой, а не г... А с живым человеком всегда можно поговорить и договориться. А если и не договориться по крайней отдаленности вкусов и характеров, то хоть разойтись уважая друг друга. Теперь шутка: если даже писатели подерутся, в этом тоже своя прелесть. Толстой и Тургенев — жаль, что дело не дошло до дуэли; единственный, кажется, был бы пример в истории, как стрелялись два больших писателя. Ах, как жаль! Вот где пришлось бы потомкам разбираться! А что Пушкин и Дантес или Лермонтов с Мартыновым? Тут и разбираться не надо, кто прав, кто виноват. Пушкин с Лермонтовым правы, и весь ответ. Потому что они были писателями, а Дантес и Мартынов всего лишь членами СП (стишки кропали, наверное). Вот!

Где взять большой конверт, чтобы выслать тебе рассказ?

Гена, не вычеркивай имени лесника из рассказа⁸³. «Мартович» — хорошее и редкое имя для фантастического рассказа (сам знаешь, как трудно в нашем жанре с именами). У меня для него еще найдутся приключения вместе с майором Бел Амором.

На следующую страницу не перехожу. Доволен, как слон. Давно не писал рассказов, все над повестью. Черт с ней, подождет.

Лиде привет! Всем приветы! Всегда твой Б. Штерн⁸⁴.

⁸² «Спасать человека». Под названием рассказа было указано: «Необходимое дополнение к тем законам Азимова — посвящается Геннадию Прашкевичу».

⁸³ Одного из героев рассказа «Спасать человека» Штерн назвал Мартовичем. Ему, как и многим другим друзьям, очень нравилось мое отчество.

⁸⁴ Штерн Борис Гедальевич (1947—1998) — прозаик, член СП СССР. Один из самых ярких фантастов России, мой близкий друг. Радикальная смена жизни нашей страны в 1990-е гг. катастрофически отразилась и на нем, что, несомненно, ускорило его уход из жизни.

(От Дмитрия Биленкина)

Москва, 29 марта 1983.

Дорогой Гена! У вас зима, а у нас почти лето — в воскресенье термометр дотянул до восемнадцати, и это притом, что в лесу везде еще снег; сочетание необычное, все какие-то смурные, да еще кругом грипп. И, точно, нет гордости за восьмидесятые, из преддверья двадцать первого века шестидесятые кажутся золотистыми, не чета нынешним. Тянет на пришельцев, вообще настроение конца века серое. (Один редактор год назад сказал исторический афоризм: «Главное в наши дни — это сохранить равнодушие»; прелестно, а?)

Тебе не кажется, что замысел «Ваньки-встаньки»⁸⁵ чем-то созвучен времени? Во всяком случае это благодатная тема, с интересом буду ждать воплощения.

Эволюция к литературной простоте, пожалуй, вещь типичная (как это там у Пастернака?). Плохо лишь то, что одновременно снижается скорость писания; когда-то и семь страниц за день мог спокойно, а сейчас если две, то уже хорошо! У тебя нет пока этого? Впрочем, Булычев⁸⁶, кажется, и сейчас способен отгрохать пол-листа за смену. Утешает лишь то, что Боборыкин, вроде бы, мог еще больше. Или это вообще не показатель?

А издательство, конечно, нужно оставить, если оно уже в тягость.

Я задумывался над тем, что производит писатель. Если коротко, то, по-моему, он создает миры, которые принято называть художественными. Они существуют в ноосфере, являются модельными построениями жизни, но обладают огромной автономностью и ведут себя чертовски своеобразно. В некотором смысле, как подлинные миры, подчас даже более реальные для нас, чем... Да вот хотя бы можно спросить любого: кого мы знаем и представляем лучше, кто для нас более реален — Гамлет или Шекспир, Дон-Кихот или Сервантес, Робинзон Крузо или Дефо? После такого вопроса обычно начинают чесать в затылке. И не мистика ли, что мистер Шерлок Холмс получает в наши дни больше писем, чем мы с тобой оба вместе взятые? Короче говоря, существуют чудеса природы и техники, но, дорогие друзья, не будем забывать о литературе! Не будем, ибо существование того же Шерлока Холмса представляется мне проблемой более интересной, чем загадка каких-нибудь черных дыр. И проклятуший вопрос: а я-то создаю художественные миры? Вот выбрали мы себе профессию...

Д. Биленкин.

⁸⁵ Позже под названием «Игрушки детства» этот рассказ входил в разные сборники.

⁸⁶ Кир Булычев (Игорь Всеволодович Можейко, 1934—2003) — писатель-фантаст, драматург, сценарист, литературовед, историк и востоковед, доктор исторических наук, лауреат Государственной премии СССР, лауреат премии «Аэлита» (1997). Светлый человек, мы дружили с ним до самой его смерти. Писал Игорь действительно много и быстро, перечень написанного им занимает десятки страниц. Он был легок на подъем и всегда благожелателен, и загорался сразу. «Что? У тебя денег нет? — участливо спрашивал он, встретив меня в Москве. — Это не проблема. Сейчас же идем в издательство такое-то, его директор — мой друг. Он тебя знает. Подпишешь договор на книжку и сегодня же получишь аванс». — «Какую книжку? У меня ничего свободного нет». — «Напишешь». — «О чем?» — «Ну, о народах сибирского Севера, зря, что ли, ты там годами таскаешься?» — «Я не настолько хорошо знаю быт и историю народов сибирского Севера». — «А я, думаешь, хорошо знаю быт и историю Атлантиды? А вот написал же о ней целую книжку».

(От Бориса Штерна)
 Киев, 23 ноября 1983.

Мартович! Получил твое письмо и дней на пять впал в такую депрессию... не знаю что. Ты теперь свободен. Свобода, она — свобода. В принципе, тебе давно пора было бы перейти на вольные хлеба, но у тебя это какой-то не такой переход. Ясно же, что так просто книги под нож не идут и с работы не вылетают из-за одного росчерка Пастухова⁸⁷; тебя долго травили, и ясно, что сейчас на свободе тебя ничего хорошего не ждет.

Черт возьми, какой-то детский лепет...

Нужны союзники. Сейчас ты увидишь, кто был кем и кто есть ху.

Обещаю, что напишу рассказ или главу о том, как книга пошла под нож. Как можно веселее, чтобы слезы полились.

Генка, достоинство и твердая воля! Ты должен подняться во что бы то ни стало! Тебя сейчас начнут «не печатать». Крепись, старик! Может быть, я излишне паникую? Тебе лучше знать. Удар сильный, но ты должен отдышаться и встать. Ради самого себя, семьи, немногих друзей... и для врагов тоже. Они зеленые? Бить их, пока не покраснеют.

Гена, если все же будет возможность достать хоть один экземпляр зарубленной книги... хоть один — для меня... Где этот заплесневелый склад? Поставить кладовщику или дворнику поллитру, поговорить «так и так», и он за милую душу отдаст пачку-вторую, чтоб можно было унести в двух руках. Нет, это в самом деле выполнимо, если только знать, где «Краббен» находится, — естественно, должен это сделать не ты, а кто-то другой — надежный друг. (Если книги вернулись в типографию, тогда коней; а если они и в самом деле на каком-то книжном складе?)

Берковой я напомним про ее обещание, но все это уже пустое.

Даже если из Москвы придет благоприятный отзыв, все равно... тебя в издательстве теперь нет, и меня с Аланом похерят автоматически.

Впрочем, насчет Алана не знаю, а вот меня — точно...

Старик, не дай боже тебе сейчас запить. У тебя же есть влиятельные друзья. Абрамов, Семенов... Я в этих делах откровенный дурак, ты сам знаешь, что нужно делать...

Сдал рукопись в изд. «Молодь». Возможно, попаду в план на 1987 г. Из «Сумасшедшего короля» сделал повесть на 2 листа. В сл. году на Украине состоится конкурс на лучшие НФ-повести — премий много; надеюсь, что «Король» свое возьмет. С деньгами хреновейше. Надеюсь на гонорары из Таллина (летом взяли там два рассказа в местные журналы — а сейчас выбросили) и от тебя — а «Краббен» под нож. Итого: 300—400 рублей просвистели-прошелестели мимо.

Генка, крепко обнимаю и жму руку! Спокойствие, старик!

Всегда, во всех обстоятельствах твой Штерн.

⁸⁷ Пастухов — какая-то неизвестная мне фамилия; видимо, Борис что-то напутал. О повести «Великий Краббен» и ее судьбе я рассказывал выше.

(От Бориса Штерна)

Киев, 4 мая 1984.

Генка! Я только что отправил рукопись «Краббена» в «Химию». Рекомендации самые наилучшие. Там прочтут с самым-самым пониманием. Рекомендовал тебя как наиболее полезного для них автора, досконально знающего Дальний Восток, и т. д. и т. д.

«Краббен» хорош, мне понравился. Он живой и нестандартный, он лучший из твоих «ильевских» повестей. Правда, по моей живодерской натуре, я бы чуть сократил, есть небольшие затяжки. Если «Химия» согласится опубликовать, то, я уверен, они потребуют сделать «журнальный» вариант — страниц на 50.

Согласятся ли они на публикацию? Будем смотреть правде в подслеповатые глаза... согласились бы... да не решатся... Генка, я не скрыл от них историю с «Краббеном» — я рассказал им еще в феврале, когда был в Москве. Сейчас они его прочитают (читают они обычно всей редакцией), им понравится, но они разведут руками и скажут: «Да, конечно... но... Пастухов⁸⁸... Госкомиздат... публикация «Краббена» в таких условиях... Захарченко... вызывать огонь на себя...» Они не решатся... Изменить название? Еще хуже.

Ну, посмотрим, что в «Химии» скажут...

Был в Одессе — пригласили местные любители НФ. Меня и Снегова. Он — Штейн, я Штерн. Оригинально. Читал рассказы, понравилось. Снегов растрогался. И в «Молоди» у меня пока все развивается успешно. Редзаклучение и рецензия хорошие, осенью, как видно, вставят в план. Редактор — Юрий Попсуенко, тот самый, который был твоим редактором в «ППФ»⁸⁹. Я с ним в очень добрых отношениях. Попробовать «Краббена» на укр. мове? Не ясно... Буду говорить с Юрой... Ну, обнимаю. Лиде привет.

Всегда твой Штерн.

(От Виктора Колупаева)

Томск, 2 декабря 1984.

Плиний Юнию Маврику привет!⁹⁰ Время излечивает раны, вот только бежит шибко (это слово, если читать его по-латыни, — «быстро»). Но скоро, я уверен, мы научимся останавливать и время.

Сiju со стилем и воцеными табличками с утра до вечера. Что-то пишу, что-то переделываю, но в основном изучаю наших философов: Цицерона и Сенеку. Оделел вот «Критику чистого разума» одного из них. Жду, когда пришлют «Теодицею». Сенаторы забились по углам. Никто не

⁸⁸ Опять этот загадочный Пастухов.

⁸⁹ В киевском сборнике «Пригоди, подорожі, фантастика» в переводе на украинский печатались мои повести «Розграбоване диво» и «Я бачив снігову людину».

⁹⁰ Близким своим друзьям Виктор давал прозвища, тесно связанные с его философскими романами последних лет жизни.

заходит, никто не пишет писем. Телефон молчит. Даже рыжебородый Яволен Приск не метет тогой с пурпурной каймой мраморные плиты порога моего дома. Ну, да это все, наверное, от несносной жары, которая обрушилась на Комо⁹¹. Зато обильно цветет секвойя и черемша («колба» — по-латыни).

Пиши, что у вас нового в Риме. Что поделывает наш общий друг Квинтилиан из «Альпийского следопыта»?⁹² Что-то никаких известий от него. Может, сообщишь его адрес или телефон?

С величайшим трепетом посылаю тебе свою книжицу, которую ты знаешь вдоль и поперек и за которую ты, Маврик, схлопотал много благодарностей и наград⁹³. На видное место ее не ставь, т. к. на обложке изображен с торца мичуринец, склонившийся над грядкой со спаржей; там, где и положено (в заднице — по-латыни), впился ему комар; ну а поскольку мичуринец по образованию все-таки радиоинженер, то и соответствующая печать приклепана на соответствующем месте. Короче, все это слишком интимно, чтобы разглядывали посторонние.

Шутки в сторону, я тебе очень благодарен. Пиши или звони, а еще лучше — приезжай в Комо. Будь здоров! Твой — В. Колупаев⁹⁴, Плиний Младший.

* * *

(От Дмитрия Биленкина)

Москва, 9 марта 1985.

Дорогой Гена! Мне дали на рецензию твоего «Кота», я только что прочитал и под свежим впечатлением хочу поздравить тебя с успехом. «Кот», по сравнению с прежним, это совсем другой уровень, я, не задумываясь, включил бы «Кота» в любую антологию избранных повестей нашей НФ. Все настолько хорошо, что я, придира, нашел в повести лишь несколько ничтожных шероховатостей. Теперь ты просто не имеешь права писать ниже этой вещи!

Излишне говорить, что я горячо рекомендовал повесть в очередной сборник.

Вот все, что я хотел тебе сказать. Радуюсь твоему успеху и еще раз поздравляю.

Д. Биленкин.

* * *

(От Виктора Колупаева)

Томск, 9 апреля 1985.

Плиний Младший шлет Диону Хрисостому сердечный привет!

⁹¹ Одно из названий, придуманных Виктором для Томска.

⁹² Имеется в виду Виталий Бугров — редактор из «Уральского следопыта».

⁹³ Одна из книг Виктора, редактором которой я был.

⁹⁴ Колупаев Виктор Дмитриевич (1936—2001) — писатель-фантаст, член СП СССР. Лауреат премии «Аэлита» (1988) за сборник «Весна света». Я был редактором «Весны», и вообще мы с Виктором дружили много-много лет, встречались в Томске, в Новосибирске, в Свердловске.

Я плакал. Тебе везет. Куда бы тебя ни забросила жизнь, ты везде находишь прекрасных писателей и поэтов. Ты их просто притягиваешь, они бессознательно ищут тебя, ты счастлив. Прочитал твой трактат «О деяниях В. К.»⁹⁵. Замечаний существенных нет. Несколько фактологических исправлений наверняка заставят тебя все перепечатать. Зато бутылка «хиосского» за мной. Где ты откопал этого писателя? Поставлен ли ему при жизни бронзовый бюст? Хватит ли папируса в плавнях Нила, чтобы опубликовать все, что он написал, еще напишет и так никогда и не напишет?

Найти совершенно пустынный остров, на котором тем не менее имеются тростниковые заросли, Плиний Младший, рыжебородый Эпиктет, некто Смирнофф да еще крапчатая форма жизни⁹⁶, мне бы тоже очень хотелось. «Хиосское» можно ведь гнать и из бамбука! Природа обо всем таком хорошенько позаботилась. Но где эти желанные острова? На одних рвут бомбы, на других строят взлетно-посадочные площадки...

Часть твоей энергичной тоски забираю, часть своей безысходной бодрости отдаю. Вспомни, как ты бродил по неасфальтированным дорогам Понта и Вифинии, Ахайи и Египта! Пастушеская сумка на боку, набитая любимыми авторами (не в буквальном смысле), воюющими дощечками и стило (стилятами, стилами). Ночи у пастушеских костров, сухой сыр и козье молоко. Ты был свободен, ты свободен, ты всегда будешь свободен. Плевать на все! Наше богатство в наших головах, нашей памяти, нашей дружеской привязанности. Стилов и чистых бумаг на наш век хватит. Остальное сделаем сами. Не грустуй. Привет всей твоей семье.

А от крапчатой формы жизни персональный привет Гомбоджапу⁹⁷, который избил Гаргантюа и Пантагрюэля. Будь здоров, твой В. Колупаев.

* * *

(От Георгия Гуревича)
Москва, 6 октября 1985.

Дорогой Геннадий! Поздравляю! «Огород» — это здорово! Это достижение! Это вы прыгнули выше головы Прашкевича. Это высокий уровень. И не величайте себя моим последователем. Никаких следов нет. Оригинально, свежо, остроумно, хороший язык, яркие образы. Запоминается. Молодец!

Я даже не очень поверил своему первому впечатлению, обратился к компетентному филологу, кандидату наук, своей собственной жене. Она тоже прочла залпом, хвалила чрезвычайно, собиралась даже что-то приписать. Припишет, если найдет время. Хорошо!

А теперь подумайте вот о чем.

Герой Ваш хочет написать «лоцию». Вы — тоже. Но лоция — это не только перечень встречаемых объектов, лоция еще и фарватер, наставление, куда плыть. И каждый читатель, сознательно или бессознательно, про-

⁹⁵ «Любовь к земле: о творчестве Виктора Колупаева». Предисловие к книге В. Колупаева «Весна света» (Томск, 1986).

⁹⁶ Собака Виктора по имени Дисла.

⁹⁷ Мой кот Гомбоджап Цырэнджапович, известный всем нашим друзьям своими необыкновенными похождениями.

чтя книгу, сделает вывод, куда следует плыть. В заголовке стоит «или»: огород или уроки географии. Хотя вопросительного знака нет, но вопрос поставлен. И вывод однозначен: никакая не география, огород и только огород в тайге, в Тайге! Вывод, продиктованный и конечным решением героя, и всей системой героев: положительная мама, положительный Ефим (прижимист, не пригнул жену пьяницы и его детей, самодельный трактор изобрел, людей выручил бы, хлебом кормил бы), а с другой стороны — отрицательный спившийся географ и совсем противные горожане — кукушка Ирина, кочующая по постелям чужих мужей, и друзья ее философы-дворники.

Город раздражает. Правда у стариков в деревне? Так? И вольно или невольно Вы встали в затылок за нашими почвенниками — Беловым, Ф. Абрамовым, Распутиным. Впрочем, и за Львом Николаевичем... Почетный ряд... но ведь фальшивый. Фальшивый потому, что зовет в прошлое... и кого зовет?

Был я как-то на юбилейном выступлении Ф. Абрамова в Москве в Доме литераторов. Стоял он на трибуне, маленький, подбородок вытягивал и сердитым голосом кричал, что деревенские девки, кончив десятилетку, бегут из деревни, такие-сякие. Туфельки им нужны, коровником брезгают, в навоз лезть не хотят, а Россия вся стоит на навозе (буквальные слова). Так вот, девок он звал в навоз, а сам-то жил в Ленинграде в двух квартирах, во второй личную сауну городил.

Не знаю, может быть, Вы так и хотели противопоставить глубинку развратному центру Сибири, тогда я замолкаю. Но, может, это случилось случайно, потому что Вы художник-портретист, и написали художественные портреты, и не подумали о том, как выглядит галерея.

Б. Горбатов⁹⁸ говорил мне в древние времена, что не надо идти на поводу у материала. И еще о том, что надо знать свои слабости и уметь обходить их. Ваше сильное: зоркость, точные портреты. Ваше слабое: композиция галереи. По-моему, я писал Вам об этом.

Как быть? Можно мириться со слабостью, помнить о ней и затушевывать. Я лично всегда предпочитал самонадеянно кидаться на все без разбора. Иногда получалось, иногда не получалось. Может быть, Вы заметили, что у меня в повести «Ия» (в последней книге) тоже есть философ-дворник Сергей. Но ведь ему противопоставлен Алеша, лезущий вверх. Почему Вам такие не попались на глаза? Они должны быть в Академгородке.

Если Вы огорчились, перечитайте еще раз первые десять строк этого письма. В них главная суть. Могу повторить: «Огород» — это здорово! Это достижение! Это новая ступень! Это Вы прыгнули выше Прашкевича. Мне такого не написать! Так и держите, на таком уровне.

Гуревич.

(Окончание следует.)

---

⁹⁸ Борис Леонтьевич Горбатов (1908—1954) — писатель и сценарист, журналист, военный корреспондент, член СП СССР, лауреат двух Сталинских премий за повесть «Непокоренные» (1946) и сценарий фильма «Донецкие шахтеры» (1952).

Павел ОРЛОВ

СИБИРСКИЕ БРОНЕПОЕЗДА. БИТВА ЗА КАВКАЗ

Дорога ложка к обеду — именно эта поговорка идеально описывает выход на фронтową работу бронепоездов, построенных по директиве № 22-сс от 29 октября 1941 года.

Лето и осень 1942 года оказались крайне тяжелыми, и 87 бронеединиц, выпущенные из ворот депо и заводов страны, оказались как нельзя кстати...

Сегодня мы поговорим о боевом пути 41-го и 42-го отдельных дивизионов бронепоездов, бывших частью тех невеликих сил, что смогли остановить прорыв немцев на Кавказе и ставших той самой «дорогой ложкой». Но сначала по уже сложившейся традиции обратим внимание на детали, которые часто оказываются вне поля зрения читателя, интересующегося военной историей.

* * *

Как известно, боеспособность любой воинской части во многом определяется подготовкой ее личного состава — как индивидуальной, так и групповой. Особенно это касается технически насыщенных родов войск: люди, не обученные боевой работе с танком, артиллерийским орудием или радиостанцией, много не навоюют. Бронепоезд при всей своей архаичности не менее требователен к уровню подготовки экипажа.

Несмотря на недостаток методической литературы, неоднократно отмечаемый в документах осени — зимы 1941 года, подготовка экипажей бронепоездов (где-то лучше, где-то хуже — как всегда, многое зависело от человеческого фактора) велась одновременно со строительством матчасти и комплектованием дивизионов.

Итоги этой первоначальной подготовки фиксировались в «Актах о состоянии боевой готовности» (оценка матчасти) и «Докладах о состоянии боевой готовности» (оценка подготовки экипажа и части в целом), составляемых на каждый приходивший в Москву для окончательного доукомплектования, вооружения и распределения дивизион. Как уже упоминалось, эти документы являются одним из наиболее ценных источников в деле реконструкции истории того или иного ОДБП.

Но начнем с версий развития событий, изложенных штабами дивизионов в исторических формулярах, подготовленных осенью 1944 года. Так, 41-й дивизион, описывая историю своего создания, о прохождении проверок скромно умолчал.

Боевой путь 42-го ОДБП. ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11358

...41-й отдельный Дивизион Бронепоездов начал формирование 13 декабря 1941 года в гор. Новосибирске. Личный состав д-на был набран через РВК преимущественно из рабочих гор. Новосибирска, Прокопьевска, Кузнецка и Болотной. К 1 февраля 1942 г. дивизион был полностью укомплектован личным составом.

По предложению рабочих Новосибирского депо Томской ж. д. и по их инициативе, под непосредственным руководством Новосибирского Обкома КП(б) и личного участия депутата Верховного Совета СССР секретаря Обкома КП(б) тов. Кулагина, с 15 декабря 1941 года было приступлено к строительству двух бронепоездов для 41 ОДБП. Первый бронепоезд под названием «Советская Сибирь» строился в вагонном депо гор. Новосибирска и второй, под названием «Железнодорожник Кузбасса» — на заводе в гор. Новокузнецк. Полевые базы бронепоездов и база дивизиона строились в вагонном депо гор. Новосибирск.

Благодаря упорной работе рабочих депо и настоятельной требовательности Новосибирского Обкома КП(б), к 3-му февраля 1942 года строительство бронепоездов и баз было закончено. К 6 февраля дивизион был полностью сформирован и снабжен всем необходимым для отправки на фронт. Личный состав д-на принимал также непосредственное участие в строительстве бронепоездов и одновременно проходил обучение.

19 февраля 1942 года, согласно постановления Военного Совета и распоряжения Штаба Сибирского Военного Округа от 17.2.42 г. за № ОМ/00644, дивизион в составе двух бронепоездов — «Советская Сибирь» и «Железнодорожник Кузбасса» и баз убыл из гор. Новосибирска в гор. Москву для дальнейшего направления в Действующую Армию.

Офицеры же штаба 42-го дивизиона в подобном документе тоже по-своему расставляют акценты — например, сообщают номер приказа о формировании ОДБП и строительстве его матчасти, обращают внимание на трудовой героизм строителей и сокращение сроков сдачи бронепоездов (сокращенно — БЕПО)

вдвое по сравнению с планом (а мы помним, что сроком сдачи БЕПО по директиве № 22-сс являлась отнюдь не весна 1942 года, и уже в апреле НКВД задавал строителям неприятные вопросы).

...Советский народ никогда не забудет день 22 июня 1941 года. В это воскресенье он услышал голос Народного Комиссара иностранных дел тов. Молотова о нападении на Советский Союз гитлеровских полчищ. В этот день кончилась счастливая мирная жизнь советских людей. Наступили суровые дни войны. Под натиском первоклассных, вооруженных до зубов, Германских дивизий, Красная Армия изматывая силы противника, медленно отходила на восток...

Фронт требовал оружия.

25 ноября 1941 года приказом Войскам Сибирского Военного Округа № 0092 Начальнику передвижения войск Томской железной дороги поручено сформировать 42-й Отдельный дивизион бронепоездов. Материальную часть взяли построить железнодорожники Томской жел. дороги. В декабре м-це от Отдела Кадров СибВО в г. Новосибирск прибыли первые люди для формирования экипажей бронепоездов. В команды влились лучшие люди Томской железной дороги, отобранные по приказу СибВО и Начальника дороги. Большую работу по подбору личного состава проделал ст. политрук Лебедев. За время формирования в дивизионе была создана парторганизация, которая к этому времени насчитывала 30 членов партии. 25 января 1942 года личный состав принял Военную Присягу.

Наряду с повышением своей боевой подготовки, бойцы принимают самое активное участие в постройке бронепоездов. Следует отметить небывалый героизм и старание рабочих депо станции Белово и станции Инская, где рождались бронепоезда. Инженеры и техники, впервые столкнувшись с таким строительством, блестяще справились со своими задачами.

Работа кипела день и ночь в несколько смен. В результате этого срок, поставленный перед строителями, был сокращен вдвое.

6—8 марта 42 года дивизион получил материальную часть: бронепоезда «Сибиряк», построенный рабочими железнодорожниками депо станции Бело-

Бронеплощадка бронепоезда «Железнодорожник Кузбасса». ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11358

Бронепоезд «Металлург Кузбасса». ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11358

во, и «Металлург Кузбасса», построенный рабочими станции Инская (тот случай, когда исторический формуляр содержит явную ошибку. — П. О.)

10 марта 1942 года личный состав бронедивизиона прощался с теми, кто создал боевую часть. Телеграммой Главного Бронетанкового Управления Красной Армии дивизиону приказано выехать в г. Москва. Перед отъездом ему вручается шефское Красное Знамя и зачитывается Наказ сибиряков бойцам и командирам бронепоездов.

«Провожая вас, — наказывали рабочие, — мы хотим, чтобы в боях вы не опозорили высокого звания Воина Красной Армии, чтобы то грозное оружие, которое мы вручили вам, принесло как можно больший ущерб противнику».

22.3.42 г. (приказ № 52) полностью укомплектованный дивизион прибыл в г. Москва. Там он был проверен по всем видам боевой и политической подготовки. С этой целью был предпринят выезд в Коломну для боевых стрельб. Боевые стрельбы из пушек и пулеметов выполнены личным составом на отлично. Начальник Главного Бронетанкового Управления за отличную боевую подготовку выносит всему составу дивизиона благодарность.

Такова оценка ситуации с точки зрения проверяемых, но давайте и мнение проверяющих послушаем — для контроля боеготовности дивизионов была создана комиссия под председательством начальника 1-го отдела Управления бронепоездов полковника Н. В. Васильева (как правило, в нее также входили начальник 2-го отдела УБП военинженер 1-го ранга М. П. Коноплев и начальник 3-го отдела УБП военинженер 1-го ранга А. Т. Стоянов). Проверку экипажей проводили помощники начальника 1-го отдела Управления — вопросы политической подготовки и прочая философия их не интересовали, но состояние «железа» и умение экипажа с этим «железом» работать они инспектировали досконально, и вот что записано в «Докладе о состоянии боевой подготовки 42 Отдельного дивизиона бронепоездов»:

В период с 31.3 по 1.4.42 г. произведена проверка боевой подготовки 42 отдельного дивизиона бронепоездов.

Проверялись: строевая подготовка, тактическая подготовка комсостава и огневая подготовка расчетов с выполнением стрельб на Голутвинском полиго-

не. Одновременно произведена проверка состояния материальной части путем пробега и отстрела...

...Движение строевым шагом в составе подразделения выполняется удовлетворительно. Повороты на месте и в движении выполняются не четко. Одиночная подготовка бойца отработана недостаточно; выход из строя, подход к начальнику и отход выполняют вяло, красноармейцы нетвердо знают обязанности бойца перед построением.

Исполнение команд у боевой части «для посадки становись», «по местам», «выходи» выполняются правильно, однообразно и быстро. Личный состав хорошо знает сигналы, подаваемые флажками согласно наставления по боевому применению бронепоездов.

Вывод: Строевая подготовка дивизиона вполне удовлетворительна.

Указания командиру дивизиона: В системе повседневной учебы выработать у бойца подвижность и быстроту действий.

...Тактическая подготовка комсостава проверялась на боевом выезде с решением тактической задачи на марше. Проверка показала:

Марш дивизиона организован правильно, на марше соблюдалась должная дисциплина. Охрана в пути организована правильно, часовые свои обязанности знают и выполняют их четко. Приказ командира дивизиона на марш и на разведку отдан правильно и хорошо.

Целеуказание и распределение целей между бронеплощадками командирами бронепоездов давалось правильно, но медленно. Командный состав свои обязанности по специальности знает. Правила технической эксплуатации и жел. дор. сигнализации комсостав знает недостаточно.

Вывод: тактическая подготовка комсостава вполне удовлетворительна.

Указания командиру дивизиона: Провести два занятия с комсоставом с выходом в поле, с отработкой вопросов организации огневого налета, разведки целей и целеуказания. Срок исполнения до 8.4.42 г.

...Подготовку материальной части к стрельбе личный состав знает. Уход за материальной частью до стрельбы и после стрельбы поставлен хорошо. Огневые расчеты свои обязанности во время стрельбы знают.

Командиры орудий и наводчики подготовку исходных данных для стрельбы прямой наводкой знают, корректируют стрельбу по цели правильно, но много случаев, когда командиры орудий и наводчики опаздывают в наблюдении за разрывами. Проведенные боевые артиллерийские и пулеметные стрельбы выполнены отлично и хорошо.

Расчеты ПВО подготовлены недостаточно, материальную часть знают нетвердо, работу с орудием при открытии огня выполняют медленно.

Выводы: Огневая подготовка личного состава дивизиона хорошая.

Указания командиру дивизиона: 1. С орудийными расчетами организовать занятия по огневой службе, не менее 4-х часов, ежедневно, где отработать вопросы целеуказания, наблюдения за разрывами и корректуры огня.

2. С начсоставом провести занятие по изучению пулемета ДТ и орудий ПВО. Срок исполнения до 10.4.42 г.

...Состояние материальной части бронепоездов и их ходовых частей хорошее. Бронеплощадки имеют на вооружении 76 мм пушки (французские) и пулеметы ДТ. Материальная часть орудий в процессе стрельбы работала хорошо и безотказно, за исключением одного орудия; площадка с неисправным орудием заменена...

Вывод: Состояние материальной части бронепоездов — хорошее.

Общий вывод: Дивизион боеспособен и к выполнению боевой задачи готов.

Здесь нет ни слова о благодарности со стороны аж замнаркома обороны СССР начальника Главного бронетанкового управления генерал-лейтенанта танковых войск Я. Н. Федоренко, но дивизион показал себя достойно — это не оспорить!

Видно, что комсостав ОДБП к боям и походам подготовился ответственно, теорию изучил; местами еще не хватало практики, но накопление опыта постепенно шло. Надо отметить, что ко времени проверки экипаж отработал моменты, которые будут важны в бою, правда, местами это получилось за счет «парадных» элементов, за что любая комиссия сделает замечание. Четкое выполнение команд «По местам!» и «Выходи!», исполнение сигналов, передаваемых при боевых действиях, — заметный признак определенным образом расставленных командиром дивизиона приоритетов. Слабая подготовка расчетов ПВО объясняется тем, что площадки с зенитными пушками бронепоезда получили буквально за день до проверки и не имели времени для их уверенного освоения — это особо оговаривается в некоторых докладах.

При проверке 41-го дивизиона выявлена (в отличие от 42-го) удовлетворительная строевая подготовка при удручающей непроработанности действий у бронеединиц: занятие мест по боевому расписанию и покидание бронепоезда по команде выполнялись неуверенно. Также не все гладко было и с тактической подготовкой: приказ на марш был отдан нечетко, упущены вопросы организации разведки и тыла (место и действия на марше поезда, являвшегося базой дивизиона). Командиры бронепоездов показали себя безынициативными и нетвердо знающими свои обязанности — то есть штаб и командир 41-го дивизиона не продумали вопросы подготовки к применению своих бронепоездов в боях, не определили приоритеты и не заставили тренироваться своих подчиненных. Ко всему прочему, на полигоне обнаружилось, что комсостав 1-го БЕПО откровенно «плавает» в вопросах материальной части оружия и приборов для стрельбы и наблюдения, то есть не готов управлять огнем бронепоезда. Также были выявлены недостатки и в вопросах ухода за матчастью: при стрельбах было выявлено три неисправных пулемета.

Что такое недостаточно подготовленная, неуверенная в себе команда под управлением безынициативного, нетвердо знающего свои обязанности командира — описано в историческом формуляре 42-го ОДБП:

Это было 26 августа. 18-й Отдельный бронепоезд «Комсомолец Дагестана» выехал на боевой участок, в то время как «Металлург Кузбасса» заправлялся углем и водой.

Попав под сильный минометно-пушечный огонь, команда, не надеясь на броню, стала выпрыгивать из бронеплощадок, думая укрыться в кукурузе. Паника охватила всех. И совершенно целый, ничем не поврежденный бронепоезд покинул почти весь экипаж. Лишь отдельные растерявшиеся расчеты продолжали вести огонь.

Думая, что 18-й бронепоезд подбит, «Металлург Кузбасса» ринулся на помощь. Прицепив поезд, «Металлург» стал медленно выводить его из зоны обстрела. Но убедившись в полной исправности его, командир «Металлурга» посылает туда машиниста Пестерева. А сам, отстреливаясь и маневрируя, стал отходить от «Комсомольца», отвлекая тем самым огонь на себя.

Однако немец решил добить 18-й поезд, и весь огонь перенес на него. Возбравшись на паровоз и убедившись в полной его исправности, Пестерев зло прошептал:

— Сволочи. Бросили поезд, растерялись!

Огонь становился все сильнее и сильнее. Единственное спасение — немедленно убрать опустевший поезд из-под губительного огня немецкой артиллерии. Это нужно было сделать. И Пестерев сделал.

Командование высоко оценило поступок Пестерева, наградив его медалью «За отвагу».

Впрочем, при подготовке исторического формуляра офицеров штаба 42-го ОДБП память явно подвела — речь идет о сентябрьском бое, где участвовал не «Комсомолец Дагестана», имевший № 17. К тому же, как часто бывает, яркие, показательные и поучительные истории после проверки по отчетам и документам, составленным по горячим следам, несколько теряют свою красоту.

Наградные документы на замполитрука Ивана Ивановича Пестерева гласят:

В бою 25.9.42 в районе с. Плановское противник обрушил весь свой артиллерийский и минометный огонь на бронепоезда. Бронепоезд № 18, действовавший впереди БеПо № 2 (42-го ОДБП. — П. О.), был поврежден артогнем. Бронепоезд двигаться не мог, так как и паровозная бригада, находившаяся на БеПо № 18, была выведена из строя. Тов. Пестерев, узнав об этом, оставил на БеПо № 2 своего заместителя, под артиллерийским и минометным огнем и обстрелом автоматчиков сумел пробраться в БеПо № 18. Оказав первую медпомощь раненой паровозной бригаде, под огнем противника устранил повреждения в машине паровоза и вывел БеПо № 18 с поля боя. Только благодаря машинисту Пестереву БеПо № 18 был выведен и не оставлен противнику.

За проявленное мужество, инициативу и бесстрашие тов. Пестерев заслуживает правительственной награды медалью «За боевые заслуги».

И да, этот документ гораздо адекватнее описывает события — известно, что 25 сентября БЕПО № 18 вел бой с рвущимися к Эльхотову немцами и показал себя в нем неплохо.

Несмотря на то, что бронепоезда, которыми были укомплектованы сибирские дивизионы, считаются однотипными, разница между ними была иногда очень сильной. В 42-м ОДБП все сводилось к тому, что две построенные в Челябинске бронеплощадки «Металлурга Кузбасса» имели некаленую сталь в качестве бортовой брони и несколько пулеметов «Браунинг» наряду с обычными ДТ. Разница между БЕПО 41-го ОДБП была заметнее. Бронепоезд № 1 (по «Акту о состоянии боевой готовности...» построенный в Новокузнецке) имел такие же, как и в 42-м ОДБП, двухосные бронеплощадки с французскими пушками «Canon de 75 mle 1897» и каленой броней, а вот второй бронепоезд... Начнем с того, что здесь «Акт о состоянии боевой готовности...» и исторический формуляр дивизиона друг другу противоречат: по первому бронеплощадки (да и БЕПО в целом) построены в депо ст. Тайга, а по второму — в Новосибирске. Но главное — бронепоезд строился без оглядки на указания УБПиБМ и в нем для двухбашенных бронеплощадок применены четырехосные 50-тонные платформы, что делает его похожим на довоенный бронепоезд БП-35 (с двумя бронеплощадками). Броня установлена вертикально, хотя еще в начале работ по директиве № 22-сс поступило категорическое запрещение так делать. В качестве артиллерийского вооружения использованы танковые пушки 1927 года (КТ-28), а зенитное вооружение однотипно только местами: в 41-м ОДБП площадки ПВО имели 37-мм пушки, а в 42-м — сборную солянку из малокалиберных зенитных пушек и пулеметов.

В бронепоездах 1941—1942 годов постройкой поворот башен на 360 градусов занимал две-три минуты, что очень много для боя с маневрирующим противником, например, таким, как танки. Но иначе не получалось — мощных электрических или гидравлических систем на эти бронеединицы страна выделить не могла.

Каждый дивизион также получал автотранспорт — броневые автомобили для разведки (по одному Ба-20 из двух, положенных по штату), одну легковую автомашину М-1 (41-й ОДБП не получил), две «полторки» ГАЗ-АА (из трех, положенных по штату) и два мотоцикла ИЖ-9 (без коляски) для посыльных. Должны были поступить еще по два мотоцикла с коляской, но их не нашлось...

В базах имелось по одному классному 4-осному вагону, две-три 4-осные теплушки, по двенадцать 2-осных теплушек, по три крытых 4-осных вагона и по четыре 2-осных платформы. В 42-м ОДБП было семь крытых 2-осных вагона, в 41-м — три. Кроме того, имелись вагоны специальные: кухни 2-осные — по три штуки, мастерские 2-осные — по две и вагоны-склады технические 2-осные — по три-четыре единицы.

Общее количество выстрелов к главному калибру у 41-го ОДБП — 2 529 штук, у 42-го ОДБП — 2 525. Количество запчастей и принадлежностей к вооружению было очень невелико — 10—50 % от необходимого по табелям.

Командиром 41-го ОДБП стал капитан Измestьев Яков Иванович (1908 г. р., в армии с 1930 года, образование — 7 классов и артиллерийское отделение школы им. ВЦИК), комиссаром был назначен батальонный комиссар Старчевой Николай Михайлович (1907 г. р., в армии с 1929 года, образование — 8 классов и Ленинградское ВПУ); оба опыта боевых действий не имели. Командир первого бронепоезда — старший лейтенант Феоктистов Павел Филиппович (1912 г. р., в армии с 1934 года, образование — полное среднее и Омское объединенное артиллерийское училище), командир бронепоезда № 2 — старший лейтенант Толмачев Николай Николаевич (1913 г. р., в армии с 1935 года, образование — 9 классов и Тамбовские артиллерийские курсы); оба командира бронепоездов, в отличие от своих начальников, в войне уже участвовали.

Командир 42-го ОДБП — майор Аркуша Михаил Маркович (1908 г. р., в армии с 1930 года, образование — высшее и Киевское артиллерийское училище), комиссар дивизиона — старший политрук Лебедев Александр Иванович (1908 г. р., в армии с 1930 года, образование — 7 классов и Ленинградское ВПУ); оба без боевого опыта. Однако то, что и командир дивизиона, и его заместитель, капитан Мартыненко Тимофей Матвеевич, до этого назначения были преподавателями артиллерии в Киевском пехотном училище, явно сказалося на подходе к подготовке личного состава. Командир первого БЕПО — старший лейтенант Мудров Николай Сергеевич (1919 г. р., в армии с 1936 года, образование — полное среднее и Ленинградское артиллерийское училище, воевал в Финляндии и на фронтах Великой Отечественной войны), командир второго бронепоезда — капитан Губанищев Николай Алексеевич (1915 г. р., в армии с 1936 года, образование — среднее и Омское артиллерийское училище, участвовал в боях Великой Отечественной).

* * *

Весной 1942 года дивизионы уходят на Кавказ, где занимаются охраной железной дороги в окрестностях Батуми, а через несколько месяцев к ним приходит и война...

Серия летних поражений Красной армии на южном фланге советско-германского фронта приводит немецкие войска к Кавказу, захват которого считался одной из важнейших задач вермахта — учитывались и сырьевая значимость региона (нефть Закавказья, руда, хлеб), и возможность в перспективе через него выйти на ирано-иракскую границу, создавая угрозу позициям Великобритании в Азии, не исключалось также и вступление в войну Турции.

Непосредственно в районе, где находились наши бронедивизионы, действовали части 1-й танковой армии фон Клейста, и первым навстречу противнику отправляется 42-й ОДБП — в начале августа, после нескольких последовательных передач из армии в армию, он прибывает на станцию Беслан и 10 августа 1942 года входит в подчинение штаба АБТВ (авто-бронетанковых войск) 9-й армии. Первая задача — поддержка огнем отходящих из района Пятигорска частей группы генерал-майора Тимофеева. Вот что сказано о тех боях в «Обзоре № 2 действий бронепоездов в Великой Отечественной войне»: «Активные действия БП во взаимодействии со стрелковыми частями в полосе ЖД на Юго-Западном, Южном, Северо-Кавказском и Закавказском фронтах сводились в основном к прикрытию арьергардных частей, обеспечению их выхода из боя и занятию новых оборонительных рубежей».

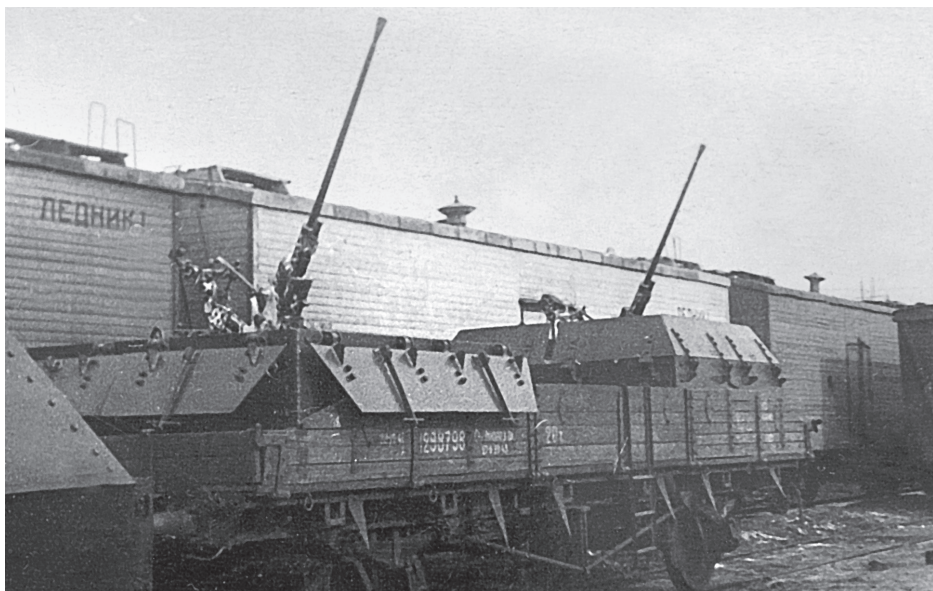
Исправное состояние железнодорожной сети позволяло бронепоездам применение основного вида боя — огневой налет. БП врываются в расположение противника и с близких дистанций расстреливали живую силу и технику врага».

Командование по мере возможности наращивает количество бронепоездов на этом участке, компенсируя затруднения с нехваткой пехотных и прочих частей. 13 августа (по информации из исторического формуляра) создается Эльхотовская группа бронепоездов из 42-го и 36-го ОДБП под общим командованием командира 42-го дивизиона. Здесь же, на участках Беслан — Прохладная — Солдатское — Аполлонская и Котляревская — Нальчик, воюют бронепоезда, входящие в 19-й ОДБП.

За 10 дней дивизион провел 30 огневых налетов на позиции противника, отчитавшись в сожжении двух танков, четырех автомашин, подавлении двух минометных батарей, уничтожении двух наблюдательных постов и живой силы до двух рот пехоты (все результаты боевой работы даются по историческому формуляру, который у 42-го ОДБП явно еще менее точен, чем у 49-го Шепетовского дивизиона). Кроме того, было отбито пять вражеских авианалетов и разбито два паровоза, использовавшихся немцами.

21 августа, исправив поврежденные железнодорожные пути под артиллерийским и минометным обстрелом, дивизион вывел со станции Нальчик два (по данным формуляра) эшелона со станками.

Из наградных документов лейтенанта Мальшева Василия Иосифовича, командира бронеплощадки 42-го ОДБП: «В бою с 10 немецкими танками и до 2-х рот автоматчиков 21 августа 1942 года в районе станции Котляревская — Дашукино тов. Мальшев своей бронеплощадкой создал мощный заградительный орудийно-пулеметный огонь по танкам и живой силе противника, благодаря чему дана возможность рем. бригаде исправить ж.д. путь протяжением до 30 метров и вывести эшелон с эвакуированным заводским оборудованием». На счет лейтенанта Мальшева в этом бою записали два подбитых танка и представили его к ордену Красной Звезды, но командование ограничилось медалью «За отвагу», а «Красную Звезду» он получил позже, уже будучи командиром бронепоезда. Отличившиеся участники ремонтных работ также получили медали.

Платформа ПВО бронепоезда «Сибиряк». ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11358

Август, сентябрь, октябрь 1942 года — жаркие дни для защитников Кавказа.

Танки фон Клейста яростно рвались к Баку. 10 августа на участок Котляревская — Прохладная — Георгиевск прибыл 42 ОДБП. Потянулись дни беспрерывных огневых налетов. Люди забывали о пище, в перерывах не успевали докуривать папиросу, а в ушах у каждого от грохота пушек, стрекотни пулеметов, разрывов мин стоял такой звон, что не слышал говорившего товарища.

20 августа на станции Прохладная бронепоезд «Сибиряк» был поврежден огнем тяжелых минометов. Поезд встал — прямым попаданием повреждена тормозная система. Машинист Третьяков просит разрешения выйти наружу для исправления системы. Вокруг рвались мины, осколки зло с визгом царапали бронь. Получив разрешение, Третьяков, приоткрыв тяжелую дверь, быстро спрыгнул вниз.

На миг его спина мелькнула и скрылась в дыму. С волнением команда ждала результатов — решался вопрос жизни «Сибиряка». Через десять минут дверь пропустила радостно улыбающегося Третьякова.

— Даешь! — Разобрали в рубке скорее по движению его губ, чем по звуку его голоса. «Сибиряк» получил возможность двигаться — значит жить! Все облегченно вздохнули. Через пять минут батарея противника замолчала. А через несколько дней на груди отважного машиниста засверкала медаль «За отвагу».

24 августа 36-й ОДБП уходит на другой боевой участок, а 42-й остается на участке Шарданово — Беслан. В период с 24 августа по 6 сентября дивизион произвел 23 огневых налета и отразил две танковые атаки противника. В историческом формуляре потери немцев показаны так: уничтожено четыре НП, одна минометная батарея, шесть автомашин, разбиты четыре подводы с боеприпасами (две подводы сожжено), рассеяно до двух рот пехоты (при этом до двух взводов — уничтожено), подавлен огонь одной артиллерийской и двух минометных батарей, обстреляна и рассеяна автоколонна. Огнем бронепоездов также отражено четыре авианалета, при этом один «Юнкерс» сбит, один самолет типа «Савойя» (итальянский трехмоторный бомбардировщик) подбит, а разведкой дивизиона пойман шпион — увы, эта история без детализации обстоятельств.

История поимки шпиона частично проверяется по наградным документам на старшину Гутеева Франца Филипповича (командира отделения разведки 42-го ОДБП), из которых следует, что 19 августа 1942 года в районе Карагач — Солдатское группа под командованием Гутеева во время разведывочной перехватила готовящуюся к проникновению на нашу территорию немецкую разведгруппу — были захвачены документы и не один, а четыре переодетых в гражданское немецких солдата.

Также в наградных документах обнаруживаются и рассеянная автоколонна, и сбитый и сгоревший бомбардировщик. Единственное «но» — все эти события относятся к периоду 13—23 августа 1942 года...

6 сентября 42-й дивизион был передан 37-й армии и, поддерживая огнем отступающие части 151-й стрелковой дивизии, отходил из района станции Прохладная вдоль реки Терек к Эльхотовским воротам — за это время дивизион произвел 18 огневых налетов и принял участие в отражении четырех танковых атак. Результаты записаны следующие: уничтожено пять танков (еще пять — подбито), две автомашины уничтожены, а колонна из девяти автомашин обстреляна и рассеялась, причем одна машина захвачена. Кроме того, два НП, одно пулеметное гнездо и до роты живой силы противника уничтожено, а три вражеских солдата взяты в плен.

Во время этих боев один из бронепаровозов получил прямое попадание снаряда и вышел из строя. К счастью, это не привело к гибели бронепоезда, сам же паровоз позже был отправлен на ремонт в Тбилиси. Также была повреждена бронеплощадка, а из личного состава дивизиона один человек убит, семь — ранено.

21 сентября авиация противника предприняла решительную попытку вывести дивизион из игры: бомбовым ударам подверглись и поезда-базы, и бронепоезда, причем последние — дважды. И если сами БЕПО, находившиеся на разъезде Урухский, отделались тремя ранеными, то базы от бомб и последовавших затем пожаров на станции Дарг-Кох пострадали гораздо сильнее. Полевые базы обоих бронепоездов были уничтожены вместе со всеми имевшимися там боеприпасами, продуктами, имуществом и «черными» (небронированными, использующимися БЕПО на маршах вне боевых условий) паровозами. У основной базы дивизиона были повреждены четыре вагона, а людские потери составили два человека убитыми и пять — ранеными.

* * *

Начались бои за Эльхотовские ворота...
Из исторического формуляра 42-го ОДБП:

В период с 22.9 по 28.9.42 дивизион действовал в районе ст. Урухский — Эльхотово во взаимодействии с частями 60 СБр (стрелковой бригады. — П. О.), 19 СБр и 75 СБр в подчинении АБТВ 9 Армии. Дивизиону были приданы 18-й ОБЕПО (отдельный бронепоезд. — П. О.) и бронепоезд № 2/36 ОДБП.

В задачу группы входило: взаимодействуя с вышеуказанными частями не допустить прорыва частей пр-ка в Эльхотовские ворота. БЕПО находились на участке Урухская — Эльхотово — Дарг-Кох.

За указанный период произведено 15 огневых налетов в результате которых сожжен 1 и подбито 2 танка пр-ка, уничтожено до 1-й роты и рассеяно до 2-х рот противника, уничтожена 1 автомашина с грузом, разрушен НП и уничтожено 1 пулеметное гнездо.

Особенно сильный бой произошел 25.9.42 г. у селения Плановское, во время которого оба бепе, находясь непосредственно под артиллерийским и минометным огнем пр-ка, совместно с 3-м батальоном 60 СБр отражали атаку танков и пехоты врага на северной окраине Плановской.

В результате боя оба бепе имели потери:

Убитыми — 2 человека.

Ранеными — 2.

И из числа приданной дивизиону десантной полуроты:

Убитыми — 1 ч.

Ранеными — 6.

Пропавшими без вести 16 человек.

Бои сибирских бронепоездов на Кавказе по накалу сильно отличались от того, что пришлось пережить нашему же 49-му ОДБП (см. «Сибирские огни», 2020, № 5) под Поньярями, где, казалось бы, в самом пекле крупнейшего танкового сражения, обороняя станцию, об которую «убились» новейшие тяжелые самоходки Гитлера в компании с тяжелыми же «тиграми», 49-й дивизион лишь пару раз видел вражеские танки на горизонте и просто методично отсекал огнем вражескую пехоту от техники. Здесь, на Кавказе, вражеские танки выходили на прямую наводку — или ты их, или они тебя.

Тут надо отметить, что старенькая французская пушка «Canon de 75 mle 1897» на тот момент еще не утратила окончательно свои противотанковые возможности — и она, и ее модификации в родном калибре ставились как на технику, так и на новые лафеты по обе стороны фронта. В отечественном трехдвойковом варианте эта пушка также оставалась весьма годным вооружением, вопрос, как правило, заключался лишь в боеприпасах: немецкие танки лета — осени 1942 года были вполне по зубам нашим бронебойным снарядам, а вот при их отсутствии начинались проблемы. Фугасным снарядом немецкий танк тоже можно подбить, но если поле боя останется за противником, то технику, скорее всего, за несколько дней вернут в строй ремонтные службы. Окончательно уничтоженный, мертвый танк — это танк или сожженный, или разнесенный взрывом детонировавших собственных снарядов. Поэтому в документах стараются разделить уничтоженные (сгоревшие) и подбитые.

«26.9.42 г. по приказанию Зам. Ком. Войск Северной Группы по АБТВ подполковника Титова 18-й бепе был отправлен в г. Грозный на ремонт, а бепе 2/36 ОДБП на участок Дарг-Кох — Аларгир в распоряжение АБТВ-37. С 29.9.42 г. на участок действия 42 ОДБП прибыл 41-й ОДБП».

Вот, наконец, на сцене появляется и 41-й дивизион, выполнявший до этого задачу по охране железной дороги в районе Батуми, в непосредственной близости от границы с Турцией, которую в тот момент не без причин подозревали в готовности напасть на СССР. Но потенциальная угроза — это одно, а непосредственная — совсем другое. Допустить потерю Владикавказа (в описываемое время — г. Орджоникидзе) было нельзя, поскольку он фактически являлся ключевой позицией для контроля дорог в Закавказье (к бакинской нефти, к границам с Турцией и Ираном), и в силу этого 41-й ОДБП уходит с границы на фронт.

Из исторического формуляра 41-го ОДБП:

23 сентября 1942 года на основании шифровки Штаба Закавказья № 00655 и приказа по 46 Армии за № 0276 от 23.9.42 г., дивизион был отправлен на фронт в распоряжение Командующего Северной Группы Закавказья, где по прибытии 27.9.42 г., согласно боевого распоряжения Заместителя

Командующего по АБТВ подполковника тов. Титова, получил боевой участок ст. Эльхотово — Дарг-Кох с задачей прочно оборонять Эльхотовские ворота и не дать возможности прорваться противнику через них.

Даты в формулярах дивизионов немного не совпадают и требуют сверки с отчетами, написанными «по горячим следам», но таковых в делах Управления бронепоездов и бронемашин не обнаружено; возможно, что-то найдется в делах командования АБТВ 9-й армии. Естественно, то же касается и результатов боевой работы, которые, по-хорошему, надо перепроверять еще и по документам противоположной стороны.

Так или иначе, первым днем боевых действий 41-й ОДБП считает для себя 28 сентября: «С первого дня прибытия на боевой участок 28.9.42 г. дивизион вступил в боевые действия и, взаимодействуя с 19 Курсантаской Стрелковой Бригадой, сделал 6 огневых налетов по скоплению танков, автомашин и пехоты противника в районе 2 км северо-восточнее Эльхотово».

Еще один нюанс, прослеживающийся в формуляре 41-го ОДБП — отсутствие каких-либо указаний на то, что Эльхотовская группа бронепоездов подчинялась командиру 42-го дивизиона. Взаимодействие в боях описывается, но нет ни слова о том, что майор Аркуша ставил задачи соседям или руководил ими. То же касается и упоминаемых в формуляре 42-го ОДБП прочих «подчиненных» дивизионов — в литературе часто ни слова не говорится не то что о руководящей роли командования 42-го дивизиона, а даже и о его участии в боях забывают упомянуть. Что, впрочем, не отменяет самого факта существования Эльхотовской группы — наградные документы на бойцов и командиров ее управления в архивах есть.

Бронепоезда 41-го ОДБП, «Советская Сибирь» и «Железнодорожник Кузбасса», попали, как говорится, с корабля на бал:

28.9.42 г. от командира 19-ой КСБр было получено приказание 41 ОДБП уничтожить скопление немецких танков и автомашин в р-не кустарника в 2 км северо-восточнее Эльхотово. Выполнение данной задачи было возложено на командира бронепоезда 1/41 капитана Клокоцкого. Предварительной разведкой бронепоезда было уточнено место концентрации танков и их пути подхода. Бронепоезд вышел в огневой налет, заняв ОП (огневую позицию. — П. О.), и вступил в бой с фашистскими танками. Бронепоезд был встречен сильным минометным огнем со стороны противника, но несмотря на интенсивный обстрел, бронепоезд продолжал выполнять поставленную задачу до поддержки со стороны второго БЕПО. В результате боев бронепоездами уничтожено три танка, шесть автомашин, свыше роты пехоты пр-ка и подавлена одна минометная батарея. Остальные танки и автомашины были рассеяны.

29.9.42 г. дивизион бронепоездов двумя бронепоездами отбивал две атаки противника в р-не «Пасика» (так в документе. — П. О.) 4 км северо-восточнее Эльхотово. В результате боев уничтожено два средних танка и свыше роты вражеской пехоты. Атаки немцев дважды были отбиты.

По описанию этих двух первых дней на фронте можно уверенно сказать, что при подсчетах вражеских потерь штаб 41-го ОДБП руководствовался легендарной фразой «пиши больше, чего их, басурман, жалеть»: за следующие три дня дивизион насчитал свыше батальона уничтоженной немецкой пехоты. Такие потери от огня двух бронепоездов вообще-то далеко выходят за рамки правдоподобия, даже если в это число включить раненых. Скажем так: заявленное примерно соответствует суммарным потерям постоянно пополняемого немецко-

го батальона (не только убитыми) в Ржевской мясорубке за август, сентябрь и первую половину октября 1942 года от огня отнюдь не восьми трехдюймовок с парой десятков пулеметов.

Кстати, 42-й ОДБП в своих подсчетах потерь противника явно скромнее:

С 29.9.42 г. по 30.9.42 г. оба бепо 42 ОДБП действовали на участке Беслан — Эльхотово.

Группа бронепоездов имела задачу не допустить прорыва частей пр-ка в Эльхотовские ворота. За этот период произведено пять огневых налетов на скопления танков, автомашин и пехоты пр-ка. Во время огневых налетов сожжен один танк, подбито три танка и две автомашины, уничтожено до одной роты и рассеяно до двух рот пехоты, подбит один самолет пр-ка.

Фактические потери пр-ка за весь период от огня наших орудий значительно больше, но установить точное число не представлялось возможным т. к. огонь велся не только по переднему краю, но и в глубину.

Подводя итоги непрерывных боев августа — сентября, штаб 42-го ОДБП составил сводную табличку, в которой указал следующее: произведено огневых налетов — 99, отражено танковых атак — 6, уничтожено танков — 9, подбито — 10, уничтожено автомашин — 15, подбито — 2, сбито самолетов-бомбардировщиков — 1, подбито — 2, отражено налетов авиации — 9, уничтожено минометных батарей — 1, разбито паровозов — 2, уничтожено пулеметных гнезд — 2, захвачено автомашин — 2. И так далее, и тому подобное... В результате почти за два месяца уничтожено живой силы противника — до четырех рот, то есть меньше, чем «настрелял» 41-й ОДБП за три дня!

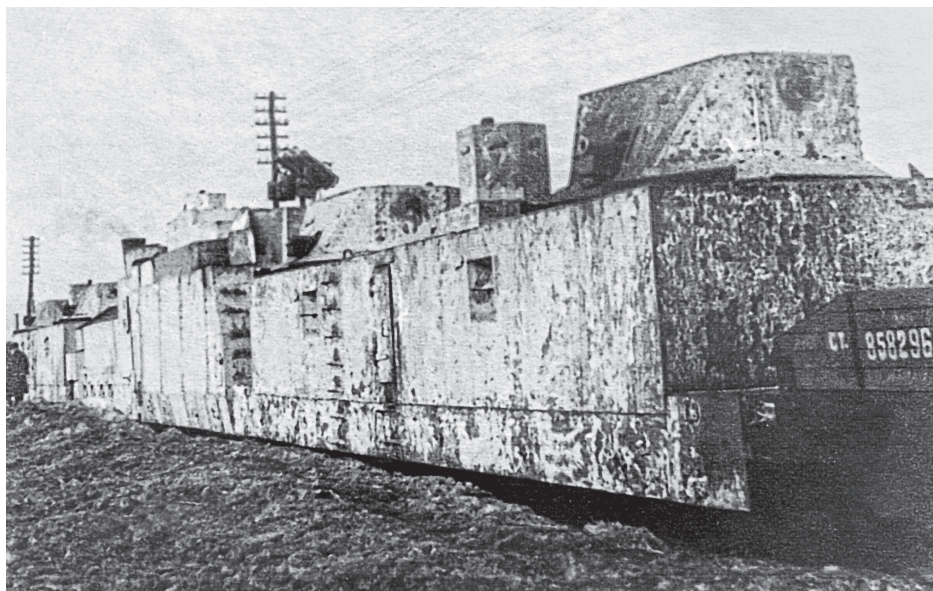
Потери личного состава 42-й дивизион указал (с учетом приданного десанта) такие: убитыми — 8 человек, ранеными — 32 человека, пропавшими без вести — 16. Кроме того, выведены из строя один бронепаровоз, два «черных» паровоза и одна автобронемашина.

* * *

С первых чисел октября 1942 года противник завяз в нашей обороне в районе Эльхотова. Дивизионы поддерживают огнем 19-ю КСБр и подошедшую позже 84-ю МСБр (морская стрелковая бригада, сформированная из курсантов морских училищ), обстреливая северную окраину населенного пункта, район элеватора и предпринимающую время от времени попытку вклинивания в наши боевые порядки атакующую немецкую пехоту.

Но основной угрозой на какое-то время становится вражеская авиация — 4 октября на огневых позициях и по пути с них нескольким атакам подверглись действовавшие совместно «Сибиряк» (42-й ОДБП) и «Советская Сибирь» (41-й ОДБП). У первого был поврежден паровоз и четыре контрольные платформы, осколками выведены из строя пушка и пулемет ДШК, совершенно разбита платформа ПВО, а потери составили 2 человека убитыми и 16 человек ранеными. Второй потерял возможность двигаться: были повреждены паровоз, бронеплощадка и две контрольные платформы, одна бронеплощадка была уничтожена. Потери личного состава — 11 человек убитыми и 18 ранеными. Ночью «Советская Сибирь» под прикрытием «Железнодорожника Кузбасса» была выведена на ремонт в Грозный, где находилась до 2 ноября 1942 года.

На какое-то время наступило затишье, за которое экипаж 42-го ОДБП, к примеру, успел отремонтировать своими силами поврежденные пушки

Бронепоезд «Советская Сибирь». ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11358

(76-мм и 25-мм зенитную) и крупнокалиберный пулемет, собрать новую платформу ПВО вместо разбитой, провести ремонт ходовой части бронепоездов.

Но 21 октября противник начал ежедневно обстреливать позиции, занимаемые 42-м дивизионом, а через несколько дней, перегруппировавшись, попытался прорваться к Владикавказу со стороны Нальчика.

27 октября 42-й дивизион сосредотачивается для поддержки 10-го стрелкового корпуса на участке Дарг-Кох — Ардон, имея задачу не допустить продвижения противника в направлении Змейск — Белореченская — Дигора, а 41-й ОДБП остается у Эльхотова.

...Утро 30 октября встретило «Металлург Кузбасса» на станции Ардон. Бойцы, глядя в синее безоблачное небо вспоминали родные места. К радостному чувству примешивалась тревога.

Хороший летный день. Жди самолетов — самых опасных врагов бронепоездов.

И они появились. Началась бомбежка. Бомбы рвались в десяти метрах от площадок, казалось все живое должно быть погребено в этом огне. Однако свершилось невероятное — поезд остался невредим. Израсходовав весь бомбовый груз Юнкеры улетели. До обеда время прошло спокойно.

В 15 часов появилось 35 немецких танков. Начался бой. Один за другим вспыхивали стальные фашистские танки. Горело 13 танков. Но и площадки бронепоезда потерпели изрядно: прямым попаданием две бронеплощадки были подожжены.

Но расчеты бронеплощадок продолжали расстреливать немецкие танки и только по приказу командиров оставляли свою боевую часть. Раненый замковый Андрей Черный заменил наводчика и до последнего снаряда не прекращал огня. В третьей бронеплощадке начали рваться свои снаряды, но горящий, израненный бронепоезд продолжал вести бой. Стойкость и упорство победили. Танковая атака была отбита с большими потерями для врага.

В документе между этим художественным описанием и следующими строками буквально три страницы, но количество нестыковок впечатляет.

31.10.42 г. около 15.00 авиация противника начала активную бомбежку обоих бепо и одновременно танки противника в количестве около 100 штук подошли под прикрытием авиации со стороны Белореченской к ОП бронепоездов. Оба бепо, несмотря на бомбежку и артобстрел, вступили в бой с танками. В результате 2-часового боя атака танков огнем бронепоездов была отражена, причем было сожжено 13 и подбито 10 немецких танков.

Наши потери: сгорело две бронеплощадки, повреждены один бронепаровоз и одна бронеплощадка.

А произошло вот что: прорвав оборону 37-й армии, немцы 28 октября взяли Нальчик и 29 октября вышли в тыл 10-го стрелкового корпуса, прорываясь к Ардону через Дигору. Фактически 41-й бронедивизион оказался на направлении главного удара, поскольку 52-я танковая бригада после боя за Дигору, задержав противника на 14 часов, отступила южнее. 42-й ОДБП после описанного боя за Ардон отошел севернее, за реку Терек, к станции Дарг-Кох.

Немецкие войска 1 ноября 1942 года подошли к Владикавказу и начали штурм, окончания которого 42-й ОДБП уже не дождался: 1 ноября в районе станции Шанаево один из его бронепоездов попал под бомбежку (было повреждено две бронеплощадки) и 4 ноября по приказу замкомандующего Северной группы войск по АБТВ подполковника Титова убыл на ремонт в Тбилиси, а оттуда — в депо станции Батуми. За 31 октября — 1 ноября дивизион потерял: убитыми и сгоревшими — 11 человек, ранеными — 24 человека.

Вероятно, именно к бою 31 октября и относится эта недатированная запись:

Трудно найти в поезде такого человека, который не знал бы сержанта-казаха Тюлюмбаева. Его легкая мускулистая фигура мелькала повсюду, а радостно-простодушное лицо заставляло, помимо воли улыбнуться в ответ. За последнее время он всем надоел одним вопросом:

— Скажи, мы на фронте? Это настоящий фронт?

И получив утвердительный ответ, он все-таки бежал за подтверждением к другому. Сколько мучился Тюлюмбаев до этого, получая письма от своей жены «Привет защитнику Родины», а вместо этого беспрерывное учение: «выходи, заходи, танки слева, справа». И он просиживал ночи напролет за ответами на письма жены, мучаясь, как написать правду. А сегодня он гордо вывел: «Привет с фронта! Дорогая жена, я сейчас на настоящем фронте и вижу, как под нашим огнем мечутся и падают битые фрицы, как...»

Продолжение письма прервала боевая тревога. Четыре коротких тревожных гудка — по местам! Захлопнулись тяжелые люки, казах прильнул к прорезям щели. Застучали колеса, загрохотали пушки — началась ожесточенная огневая дуэль с противником. Все смешалось в этом грохоте войны, дыме и огне. Тюлюмбаев забыл обо всем, лишь руки, быстро мелькая, подавали снаряды в башню. Дым ел глаза, он задыхался. Вдруг свежая струя воздуха обдала лицо казаха, и в то мгновение он понял, что это прямое попадание. Все шарахнулись из пулеметного отделения. Снаряд, пробив броню, попал в зарядный ящик. Перед глазами казаха на какую-то долю секунды промелькнули привольные степи Казахстана, лица жены, товарищей и вдруг, сжав зубы, блеснув раскосыми глазами, он ринулся вперед. Обжигая пальцы он, рывком схватив снаряд, выбросил его за борт.

— Подать снаряды! — Яростно кричали из башни и, точно очнувшись, Тюлюмбаев быстро заработал руками...

На стоянке после боя товарищи крепко жали ему руку.

— Вот так Тюлюмбаев! Вот так казах!

Вечером он закончил свое письмо. «Дорогая жена. Сегодня я был представлен к правительственной награде».

А через месяц он получил большое письмо, в котором весь коллектив завода, где до войны работал Тюлюмбаев, поздравлял его с достойной наградой и желал ему дальнейших успехов в его боевой жизни.

И по-прежнему легкая фигура Тюлюмбаева замелькала среди бойцов.

Тюлюмбаев Базин (по другим документам — Базим) был призван из Сталинского района Кемеровской (на момент призыва — Новосибирской) области и за этот подвиг награжден орденом Красной Звезды, а позже к нему добавились медали «За оборону Кавказа» и «За победу над Германией».

И это был действительно подвиг! Своими действиями пулеметчик (по штатному расписанию) Тюлюмбаев фактически спас бронеплощадку.

В отличие от танка, плотность компоновки которого велика, поэтому даже у одной не имеющей взрывчатки болванки калибра 45—50 мм есть большие шансы что-то серьезно повредить или вывести из строя экипаж, у бронепоезда много пустого пространства. Бронеплощадка вполне способна пережить несколько попаданий броневой снарядов наиболее распространенных в то время немецких танковых пушек без потери боеспособности. В 1941 году был зафиксирован случай, когда немецкие самоходчики отчитались в попадании в бронепоезд из 105-мм орудия, а бронепоезд в итоге вышел из боя без видимых критических повреждений. Наибольшую опасность в бою несет детонация или пожар с последующей детонацией артиллерийских выстрелов. В этом случае гибнет экипаж бронеплощадки, а сама площадка восстановлению не подлежит.

В бою 31 октября, как мы помним, именно эта участь постигла две из восьми имеющихся в дивизионе бронеплощадок. Скорее всего, все развивалось так же, как и в случае с Тюлюмбаевым: попадание в ящик со снарядами подожгло поврежденные, затем начали взрываться и остальные. У танка в этой довольно типичной ситуации срывает башню, иногда выламывает и верхнюю плиту корпуса, бронеплощадка же просто выгорает. Выбросив поврежденный, возможно, начавший гореть выстрел, Тюлюмбаев спас и людей, и технику.

Всего за период с 1 октября по 2 ноября 1942 года 42-й ОДБП произвел 19 огневых налетов, отбил 4 атаки и еще несколько сорвал. Уничтожил или сжег 14 и подбил 24 танка, уничтожил 10 и повредил 5 автомашин, сбил еще один самолет. Также огнем бронепоездов были уничтожены 4 пулеметных гнезда, 7 минометов, 9 артиллерийских орудий, 10 наблюдательных пунктов. Силами ПВО дивизиона отбито три налета авиации. Живой силы противника уничтожено 300 человек, но «фактические потери пр-ка... значительно больше, но установить точно ущерб, нанесенный противнику, не представилось возможным». Свои потери за тот же период: 13 человек убиты, 43 — ранены, из них 18 эвакуировано в госпиталь, остальные после оказания медпомощи вернулись в часть.

Из ремонта 42-й ОДБП вышел уже в сентябре 1943 года с новыми трехзначными номерами бронепоездов: № 1 «Сибиряк» — № 679, а № 2 «Металлург Кузбасса» — № 721. Вероятно, тогда же бронедивизион получил и новые танковые пушки Ф-34. На фронт 42-й ОДБП не возвращался, прикрывая границу с Турцией в районе Ленинанкана (сейчас — Гюмри).

Согласно историческому формуляру, 28 октября 1943 года 42-му ОДБП было вручено Боевое Красное знамя от имени Президиума Верховного Совета СССР, почетное наименование не присваивалось.

А теперь вернемся к 41-му ОДБП, который остался с одним бронепоездом прикрывать Эльхотовские ворота.

С 30 октября по 2 ноября 1942 года «Железнодорожник Кузбасса» произвел здесь восемь огневых налетов, срывая подготовки к атакам, и на свой счет записал 14 уничтоженных автомашин и до двух батальонов пехоты «рассеянными».

31 октября «на бронепоезд 2/41 было произведено 4 налета 6-ти вражеских бомбардировщиков, которые сбросили на бронепоезд 50 средних и 12 тяжелых бомб, но бронепоезд все же остался почти невредим, за исключением контрольной платформы, орудия ПВО и одной башни бронеплощадки. Убито 3 человека, ранено — 8».

Но теперь противник обходил позиции у Эльхотова с юга — возникла угроза прорыва немецких танков по железнодорожному мосту через реку Терек между станциями Эльхотова и Дарг-Кох. «Железнодорожник Кузбасса» выдвинулся им навстречу:

2.11.42 г. колонна немецких танков вклинилась в нашу оборону и продвигалась с боем для форсирования реки Терек в 2-х км западнее ст. Дарг-Кох. Одновременно впереди танков, под прикрытием их огня, действовала рота автоматчиков противника, которой удалось уничтожить охрану моста и расчеты противотанковой батареи 419 противотанкового полка. Рота автоматчиков поддерживалась огнем 6-тиствольной минометной батареи, последняя вела сосредоточенный огонь по мосту и высоте 458,3, чем препятствовала продвижению к мосту роты 84-й Морской Стрелковой Бригады, имеющей задачу отбросить немецких автоматчиков и овладеть мостом. Командиром 3 СК было приказано 41-му ОБДП подавить минометную батарею и не допустить продвижение немецких танков к переправе.

В наступлении на Владикавказ, кроме прочих частей противника, по советским данным, участвовал и полк «Бранденбург», специализировавшийся на подобных захватах мостов перед наступающими танковыми частями. Летом 1941 года эта связка сильно попортила кровь нашим войскам. Ну а шестиствольный реактивный миномет вел огонь 158-мм минами и являлся мощным (хотя и не дальнбойным) средством поддержки.

На рассвете 2-й БЕПО вышел в атаку в район моста, своим огнем рассеял танки противника, подавил минометную батарею, чем дал возможность роте 84 МСБр овладеть мостом. После 3-4 часового боя мост был взят. Бронепоездом уничтожено 3 танка, подбито 5 танков и рассеян батальон вражеской пехоты. В конце вышеуказанного боя на бронепоезд налетело 12 вражеских бомбардировщиков Ю-87. Несмотря на маневренность поезда и интенсивный огонь средств ПВО, авиация смогла произвести бомбежку бронепоезда. Прямым попаданием бомбы в площадку ПВО была выведена из строя зенитная пушка и боевой расчет, также был подбит бронепаровоз /попадание в котел/ и одна бронеплощадка.

Ситуация типичная — при возникновении сложностей немецкие танкисты вызвали пикирующие бомбардировщики, а те устранили препятствие. К счастью, добить «Железнодорожник Кузбасса» не удалось, и он был выведен на ремонт в Махачкалу. Мост остался в наших руках.

В числе бойцов, отличившихся в этом бою и при выходе с боевого участка под вражеской бомбежкой, следует особо отметить красноармейца Черноивана (так в тексте, без инициалов. — П. О.), предотвратившего детонацию снарядов бронеплощадки.

Потери в бою составили 6 человек убитыми и 10 ранеными.

Вернувшаяся с ремонта «Советская Сибирь» вступила в бой на участке Шенаево — Беслан, выполнив с 3 по 6 ноября 1942 года 18 огневых налетов по скоплениям танков, автомашин и пехоты в районах северной окраины Ардона, моста через реку Ардон и перекрестка дорог Ардон — Ардонский — Кадгарон. Также велся огонь по Гизельской группировке противника — 15 огневых налетов с корректировкой огня по скоплениям войск в районе селения и в роще севернее. За бои с 3 по 7 ноября 1942 года бронепоезд записал на свой счет 5 уничтоженных и 9 подбитых танков, 11 сожженных и 16 подбитых автомашин и более батальона уничтоженной пехоты противника.

Затем 41-й дивизион переключается на поддержку частей 3-го стрелкового корпуса, ведущих бои с наступающими от Ардона на Архонскую немецкими танками и пехотой. Противник, пытаясь расширить предельно узкий коридор, по которому велся штурм Владикавказа, захватил мост через реку Хаталдон примерно в 3 км северо-восточнее Ардона и продвинулся далее до кирпичного завода. Выбивал противника с захваченных позиций 984-й стрелковый полк. За четкую и эффективную поддержку частей 3-го стрелкового корпуса в этой операции личному составу 41-го ОДБП от командира корпуса была объявлена благодарность.

Вот как действия при поддержке атаки на мост описаны в формуляре: «Выполняя задачу по уничтожению противника в районе моста через реку Хаталдон, бронепоезд одновременно вел заградительный огонь по наступающим частям противника в районе Ардон — Ардонский — Кадгарон, чем предотвращено продвижение частей противника в район Ардонский — Архонская».

К этому моменту советское командование накопило силы и перешло в контрнаступление на флангах штурмующей Владикавказ немецкой группировки. Бои начала ноября за Орджоникидзе закончились разгромом блокированных у Гизели гитлеровцев к 16 ноября и снятием угрозы прорыва врага в Закавказье.

До своего ухода на ремонт 21 ноября 1942 года бронепоезд находился на участке Беслан — Шенаево, Шенаево — Дарг-Кох и за период с 7 по 20 ноября 1942 года произвел 25 огневых налетов, записав на свой счет уничтоженных и подбитых танков — 12, автомашин — 21, отбитых атак — 3, рассеянных колон танков и автомашин — 3 и «свыше 2-х батальонов немецкой пехоты». Также командованием 3-го стрелкового корпуса подтверждено уничтожение немецкого штаба — увы, без указания принадлежности части: артогнем было убито 7 офицеров.

В ремонте 41-й ОДБП застрял надолго: «Советская Сибирь» вышла на охрану побережья Черного моря от Туапсе до Хосты 13 июня 1943 года, а «Железнодорожник Кузбасса» — только 22 мая 1944 года, когда дивизион дислоцировался на станции Хашури. Бронепоезда дивизиона, как и бронепоезда 42-го ОДБП, перевооружались пушками Ф-34.

Оба дивизиона служили до конца войны и были расформированы в 1946 году.

В статье использованы документы и фотографии из различных дел описи Управления бронепоездов и бронемашин ГАБТУ КА.

Тамара БУСАРГИНА

МИР И ВОЙНА МОЕГО ДЕТСТВА

*Насущное отходит вдаль, а давность,
Приблизившись, приобретает явность.*

Геге, «Фауст»

Наш дворик с раскидистыми кленами, заросший травой и белыми, синими, желтыми полевыми цветочками, особенно красив в осеннюю пору. Сейчас он стал почти единственным местом моего вечернего общения с природой. С прогулки я приношу моему уже старенькому коту его любимую травку — пырей, а себе несколько веточек с цветами, дома их перебираю, собираю в букетик. Вот и на днях, пристраивая букетик в вазочку, я вдруг уловила щемяще знакомый запах, запах такого далекого и такого, как оказалось, близкого детства. Я опять перебрала цветы и, конечно, узнала этот запах — это был запах войны. Веточку лебеды, вроде бы совсем лишнюю, я оставила в букетике. Из благодарности.

Война застала нашу семью на севере Иркутской области, на руднике Колотовка. Там мои родители разведывали запасы слюды-мусковита. 22 июня 1941 года, когда наша черная тарелка голосом Вячеслава Молотова возвестила о вероломном нападении на СССР фашистской Германии, папа с отрядом геологов был на гольце. Мама в слезах, с криком: «Война!» — понеслась по коридору нашего общежития, из дверей повыбежали жены и дети геологов и техников отряда. Вскоре, заглушая плач и причитания взрослых, с криками «Ура! Война!», восторженно размахивая чем-то изображающим оружие, стали носиться по коридору мальчишки, в том числе мой четырехлетний брат Юра и его друг, пятилетний Костя Остроумов. Их отшлепали и растащили по комнатам.

Долго еще в нашем длинном коридоре пахло валерьянкой. На другой день все геологи, техники, рабочие спустились с гольцов. И хотя из базы экспедиции, из поселка Мама, распоряжений пока никаких не поступало, в тот же день папа, как военнообязанный и начальник партии, во главе отряда (все в ватных телогрейках, с охотничьими ружьями за плечами) вышагивал вдоль речки Колотовки — мужчины осваивали строевой шаг. Мы, ребятня, шагали рядом под бодрые звуки песни, которую тогда полагалось знать всем — и детсадовской, и школьной детворе. Я помню ее дословно. Называлась она «Письмо Климу Ворошилову». Как славно под нее шагалось!

Климу Ворошилову
Письмо я написал:
— Товарищ Ворошилов,
Народный комиссар,

В Красную армию
Нынешний год,

В Красную армию
Брат мой идет.

...Слышал я: фашисты
Задумали войну,
Хотят они разграбить
Советскую страну.

Товарищ Ворошилов,
Когда начнется бой,
Пускай назначат брата
В отряд передовой.

Почти весь папин отряд геологов вскоре мобилизовали на фронт, забрали и папу, но неожиданно осенью папа вернулся — бронь, войне нужна слюда. Нашей семье повезло — уже к началу 1942 года погибли почти все, кто был призван на фронт с нашего рудника в самом начале войны. Я помню, что особенно тяжело переживали гибель под Москвой двух мальчиков-геологов, только что окончивших Киевский горный институт, Саши Кузавкова и веселого хохла Миколы Крапивко (он всегда рекомендовал себя хохлом, поясняя, что украинец живет на Украине, а хохол где хочет, там и живет).

Поселок Колотовка прятался меж высокими и, как мне казалось, недоступными для немцев горами. В первые месяцы войны голода особого мы не знали. У местного населения все еще можно было купить орехи, грибы и ягоды, в речке водилась рыба, еще оставались от традиционного северного завоза сушеные овощи, рыбные и мясные консервы — геологов неплохо снабжали. А все-таки быстро пришло ощущение — что-то сильно поменялось в нашей жизни.

Уже зимой 1942 года в Колотовке появились несколько репрессированных семей с кучей детей (не то ингушей, не то чеченцев). Слух за ними шел недобрый, и мы сильно испугались, когда однажды вечером к нам пришли несколько бородатых мужиков и парнишка. Как выяснилось, они надеялись найти помощь, так как узнали, что у начальника партии жена какая-никакая, а землячка (у моей мамы грузино-осетинские корни). Еды они не просили — к этому времени вся летняя благодать куда-то исчезла. Просили теплые вещи для детей (вскоре всем поселком их приодели) и предложили помощь в отоплении жилья: кавказцы стали заготавливать в лесу дрова для себя и для барака, где жили семьи геологов и располагалась контора партии. Как прожили эту зиму — не знаю; помню смутно, что мама делала какую-то мучную затируху со свиным жиром, изредка в нее добавляла соленых или сушеных грибов, да много было мерзлой кроваво-красной брусники, ее раскатывали на столе, она подпрыгивала... Тем же самым подкармливали и репрессированных. Никакой вражды не было — все мыкали горе, каждый свое.

К осени 1942 года отца перевели в Мамское рудоуправление. Во-первых, нужно было подводить итоги изысканий (это называлось камералкой), во-вторых, мне надо было поступать в первый класс. Была и еще одна, может быть, самая главная причина нашего отъезда на Маму — геологов в самый тяжелейший период войны, когда еще только-только наметился ее перелом, начали готовить к восстановлению освобожденных районов Украины, украинской геологии. Хотя, как я понимаю теперь, немного поторопились со сборами из-за эйфории после разгрома немцев под Москвой.

На Украину мы отъедем из Иркутска позже, а пока я учусь в первом классе у худенькой, светлой во всех смыслах, незабвенной Валентины Ивановны Сазоновой, которая выпускала наш первый класс уже вдовой. Каким-то чудом моя бабушка сохранила похвальную грамоту с портретами Ленина и Сталина, выданную мне «за отличные успехи и примерное поведение»: она занимает почетное место в моей комнате. О «мамском» периоде моего детства я написала в очерке-рассказе «Платье с балаболками» (журнал «Сибирь», 2010, № 1). Но все-таки не могу удержаться от соблазна воспроизвести один эпизод из того очерка. «Каким-то чудом к школе мне раздобыли светло-сиреневый портфель, я до сих пор помню его дерматиново-карамельный запах. Наслаждалась я им всего-то недели две. После уроков я любила ходить на берег реки Витим: дома все равно есть было нечего и я тянула время до прихода родителей (их иногда отоваривали в конторе серой мукой с отрубями, сушеными овощами, хлебом). Пока я рассматривала камешки на берегу, портфель украли. Попыталась его найти, поплакала, да что делать — пошла домой. Там постояла у двери, мысленно готовясь к выволочке, открыла дверь и обомлела: посреди нашей кухни, держась за руки и закрыв глаза, синхронно, как два маятника, раскачивались, переминаясь с ноги на ногу, две прехорошенькие девочки лет шести-семи. На них были надеты волшебно-красивые, зеленые с искоркой платья. Платья были увешаны пушистыми балаболками цвета сосновой коры, и балаболки на шелковых витых веревочках тоже раскачивались под монотонный призыв девочек: «Мама, иди сюда! Мама, иди сюда!»

Качались близняшки, видимо, давно и походили на заводных кукол. На мой приход они никак не отреагировали, поняли — это не мать.

Мне здорово повезло. Моя скорая на руку мама почти безразлично выслушала мои оправдания, махнула рукой — сумку сошьем, а вот беда так беда! Мать девочек, врача, отправляют на фронт, отец девочек, тоже врач, давно воюет, а нам, как полной семье, препоручают этих детей на неопределенное время, а может быть, и до Победы, и, кто знает, может, и навсегда...

Приход своей матери девочки почувствовали еще в сених. Врачиха оказалась высокой, строгой и не очень разговорчивой. Мама уже топила печь, и мать девочек попросила у мамы кастрюлю и сковородку, отварила макароны и стала их жарить на рыбьем жире. Это было испытание. Мы с братом были не в силах покинуть кухню, пришлось уводить нас силой. Вечером, сидя с папой на диване, я, тайничая, шепнула ему на ухо: «Сталин, наверное, каждый день ест жареные макароны». Папа с улыбкой посмотрел на меня и отвернулся — я увидела в его глазах слезы».

Забегая вперед, скажу, что вопрос о посылке матери девочек на фронт был отложен — они уехали в Бодайбо. Узнав о моей беде, врачиха оставила мне вместо утерянного портфеля желтый деревянный санитарный чемоданчик с красным крестом на крышке. Я проходила с ним весь первый класс на Маме и прихватила с собой на Украину.

Есть примета — в лихолетье на помощь человеку по весне самой первой вылезает крапива. Со времен голодного детства на Кавказе мама знала, что, если намочить руки да насыпать на ладошки соль, можно скатать крапивный шарик и смело положить его в рот — тогда он совсем не жжет. Это полезно, а главное, хорошо заглушает голод. В это же раннее лето 1943 года мы опробовали супы с лебедой: другие составляющие варьировались в зависимости от обстоятельств, но чаще всего это были колючие клецки или перловка. Под окнами нашей квар-

тиры мама кое-что посадила, даже разрезанную на кусочки картошку. Но дождались мы только лука: в июле выехали в Иркутск.

Лето сорок третьего года в поселке Мама осталось в моей памяти еще и потому, что именно там я увидела первый в моей жизни фильм. О чем он — толком не знаю, запомнилась лишь смешная тетенька в длинном платье, которая все от кого-то убегала, попыталась перепрыгнуть через скамейку, упала и — о ужас! — у нее под юбкой оказались брюки! Тетенька оказалась дяденькой! Было очень смешно. Была еще попытка посмотреть фильм «Красавица Харита», но его до нас успели посмотреть взрослые, надеясь, что картина про любовь. Оказалось, что это вовсе даже не про любовь, а про колхозную корову-рекордсменку.

Нас посадили на глассер, небольшой такой громкоголосый катерок с пропеллером. Пока он разворачивался по Витиму, я успела в последний раз взглянуть на свою первую в жизни школу, хотя она вспоминается мне до сих пор еще и по другому поводу. Когда мне было около пяти лет, мы с мамой приходили к школе и по веревке, которую спускал папа со второго этажа, подавали ему передачу: почти весь инженерный корпус геологов был арестован. Кто-то оказался левым-правым троцкистом, кто-то «шпионом» или просто «вредителем». Уж не знаю, что их спасло, но папу выпустили и даже вернули партбилет.

Пароходом плыли до Киренска, по дороге часто останавливались, иногда из-за мелководья, но чаще из-за того, что для паровой топки нужны были дрова. Я с тех пор не была на Лене, но и сейчас помню ее необыкновенной красоты берега, ее леса и щеки*. В Иркутск прилетели на самолете.

Родители готовились к отъезду на Украину довольно долго, тщательно изучали ее геологию, особенно Донбасс, где им предстояло разведывать и подсчитывать запасы горючих сланцев да извести. Папа часто говорил: «Какая неинтересная по сравнению с сибирской эта геология». В Иркутске я целый месяц проучилась во втором классе. Чему я научилась за это время — толком не знаю, но, кажется, именно в этой школе мы разучили гимн Советского Союза. Да еще помню, как наша молодая учительница велела спрашивать у родителей слова только что появившейся песни «Вьется в тесной печурке огонь». Песню общими усилиями реконструировали и решили разучить всем классом, и когда учительница дошла до слов «между нами снега и снега», то разрыдалась и села. В этой школе, как и на Маме, нас кормили. При всех сталинских вывертах и невероятных тяготах войны власть думала о будущем, о детях, подкармливала как могла. Мне было очень жаль брата, но ни булочки, ни мерзлого пончика я ему принести не могла, за этим строго следили учителя: у детей случались голодные обмороки.

Короткое время учебы во втором классе связано с одним из самых ярких впечатлений от общения с настоящим искусством: учительница повела нас в Иркутский театр юного зрителя, где мы смотрели спектакль по сказке А. Толстого «Золотой ключик». Воспоминание об испытанном мною восторге от самого театра и от зрелища грело душу мою много лет — в Артемовске никаких театров не было. Я до сих пор помню папу Карло, свои переживания по поводу козней лисы Алисы и кота Базилио и, конечно, самого Буратино с его веселой песенкой:

Ничего не страшно мне
На дороге при луне.
Это очень хорошо,
Даже очень хорошо!

* Щеки — скалистые обрывистые берега реки в местах сужения ее долины.

В Иркутске все-таки было не так голодно, как на Маме. Бабушкины чаепития сравнивать с довоенными никак нельзя (где кисло-сладкие палочки в разноцветных полосках или «атласные подушечки», а халва?), но ближе к вечеру бабушка все равно ставила самовар. Вечернее чаевничанье было неотъемлемой частью общения семьи, хоть и изрядно к тому времени поредевшей (умер дедушка и баба Харитина, бабушкина сестра). На чаепитии, если повезет, случалась и обитательница «божедомки» еще с довоенных лет — Константиновна. Она приходила, снимала с себя кучу платков, усаживалась на сундук возле стола и ждала, когда закипит самовар. При этом, раздувая свои неимоверной величины ноздри, нюхала табак. Отчихавшись, она лезла в глубокий карман юбки, доставала оттуда грязноватую тряпочку, в которую был завернут сахар, колола его щипцами на кусочки с мизинчик, бабушка из туеска доставала какие-то травы, заваривала их. Константиновна одаривала всех сахаром, долго примериваясь, кому какой кусочек (нам с братом старалась выбрать те, что побольше), и начиналось чаепитие. Константиновна умудрялась со своим кусочком, который она упрятывала в какие-то потаенные закоулки своих впалых щек, выпивать по 10—12 стаканов. «Худа, да емка», — говорила обычно бабушка.

В сентябре 1943 года Харьков был освобожден, и, хотя еще долго война шла совсем рядом, мы, продав купленный еще до войны красивый дубово-бархатный мебельный гарнитур, выехали на Украину. В Иркутске нас посадили в битком набитый пассажирский вагон, и вот где пригодились деньги, вырученные за мебель. С нами нелегально ехала мамина шестнадцатилетняя сестра, не считавшаяся по закону членом семьи, и, если нашу Нину не удавалось спрятать от контролеров, приходилось платить штрафы.

Кажется, в Новосибирске нас пересадили в «пятьсот веселый» (так в то время называли плохо оборудованные и медленно ходившие поезда) товарный вагон, в котором уже было полным-полно всякого эвакуированного народа, в основном из Средней Азии. Среди них было много еврейских семей с детьми. Большинство ехали в Харьков, но были и те, кто решил в Харькове у родни или знакомых переждать, пока не освободят «красавицу Одессу», хотя до этого было еще ой как далеко!

В дорогу нас снабдили сахаром, какими-то консервами, чем-то еще. Мне больше всего запомнилось зеленое эмалированное ведро, доверху заполненное топленным маслом. Хлеб по талонам отоваривали на определенных станциях, кипятком в бидонах папа приносил почти с любой стоянки, а их было много. Когда взрослые говорили: «Нас опять в тупик», мы знали — это долгая стоянка: можно было вволю побегать и сделать все свои дела и делишки. Было тесно, взрослые спали по очереди на нарах, нам, ребятишкам, полагались кое-какие привилегии — наши места с самыми мягкими тюками взрослые не занимали.

За все время пути до Харькова (а ехали мы недели три, если не месяц) в память мне врезались два эпизода. Один запомнился потому, что на одной из станций, где-то за Уралом, папа потерялся — отстал от поезда. Я очень любила отца, да и что мы такое без него в нашем положении? Целые сутки панического страха за папу не прошли даром — у меня поднялась температура, мама была в отчаянии. Уж не знаю, какими путями, но папа нас догнал — мир не без добрых людей.

А вот еще картина, которую долго помнила вся наша семья.

Отъехали от Новосибирска, помаленьку угнездились, уторкались кое-как в теплушке, почти перезнакомились, и, как водится, все стали открывать свои мешки, корзины, баулы: время ужинать и как-то устраиваться на ночь. Кипятком на станции запаслись, мама достала хлеб, нарезала его, открыла зеленое

наше ведро и стала намазывать хлеб маслом. Успела намазать только два кусочка — мне и брату — и заметила, что возле нее оказалась целая толпа ребятишек, они протягивали к ней руки с хлебом, сухариками, а то и вовсе пустые ладошки. Родители часто вспоминали глаза этих детей. Надо ли говорить, что очень скоро зеленое эмалированное ведро стало использоваться только под кипяток.

По мере нашего хоть и черепашьего, но все же движения к Харькову росли и усталость, и напряжение. Со станционных остановок, а то и бог весть откуда приходили всякие слухи. Однажды, когда особенно долго мы стояли в каком-то тупике, началась паника — Харьков опять отдали (ведь он четырежды переходил из рук в руки). Пришлось самому начальнику поезда убеждать пассажиров не поддаваться на вражеские провокации — наши наступают по всем фронтам. А стоянки участились оттого, пояснял он, что тыл нашей Родины трудится ударно и посылает на фронт много новой техники. Действительно, мы часто пропускали эшелоны с новенькими танками на открытых платформах и с чем-то тщательно зачехленным — все знали, что это «катуши».

Было тревожно и неуютно, тогда я зарывалась на нарах в какое-нибудь тряпье и вспоминала, как сказку, свое скудное, прямо скажем, по сегодняшним меркам довоенное детство.

Самая длительная остановка была уже под Харьковом. Когда мы приехали в город, на огромной вокзальной, уже освобожденной от руин площади не было свободного места. Люди сидели на узлах, чемоданах или вовсе на земле, всюду бегали дети. Некоторые семьи, несмотря на осенние холода, провели на вокзальной площади уже не одну ночь — не у всех было жилье, город сильно разрушен, а если у иных квартиры и уцелели, то жильцы, вселившиеся в них при немцах, освобождали их неохотно. Без милиции не обходилось. Нас к вечеру поселили в сохранившееся здание треста «Укргеолнеруд» на Сумской улице, недалеко от памятника Тарасу Шевченко. Утром, выйдя на улицу, первое, что мы с братом увидели, — неимоверного обхвата дубы с бархатными темно-коричневыми стволами и необыкновенными листьями, что ковром лежали под ними. Желуди, которых тоже было много, оказались несъедобными.

Не знаю, какие работы по специальности выполняли мои родители, но приходили они к ночи уставшие, грязные и мрачные. Управление располагалось над большим оврагом, с которого открывался красивый вид на пригород Харькова — Журавлевку. Мы с братом живо обследовали все окрестности, но приближаться к оврагу нам не разрешалось — именно там и трудились родители. У этого оврага немцы расстреливали евреев, раненых, пленных. Родители, как и все геологи треста, откапывали трупы, грузили их по машинам и отвозили к месту захоронения. Мы боялись этого оврага и очень обрадовались, когда через несколько дней нас переселили в чудом сохранившийся высокий дом (кругом были развалины) на зеленой Девичьей улице.

Как теперь я понимаю, мы жили в мезонине когда-то богатого особняка до-революционной постройки. Наши две комнаты имели причудливые потолки, один потолок был в виде полубочки с хорошо сохранившимся на стене орнаментальным бордюром, потолок другой комнаты был с парусами, которые держали свод. Из комнат был выход на большую кухню, а с другой стороны — на балкон с видом на роскошный запущенный парк. Лежа как-то на железной кровати, я, воображая себя принцессой в каком-то заколдованном замке, уснула. Проснулись мы все от страшной канонады. Дом весь дрожал, казалось, зенитки бьют прямо из нашего сквера. Все выбежали в кухню, где более опытные, прошедшие оккупацию соседи успокоили нас: это не страшно, похоже, заблудились один-два

немецких самолета, скоро их собьют. И действительно, минут через пятнадцать все прекратилось. Было очень страшно — а что же настоящая война?

Много чего мы наслушались тогда от соседей. Одна пожилая женщина рассказала, что в здании треста «Укргеолнеруд» была немецкая комендатура, но гестаповцев они не так боялись, как бандеровцев. Немцы, прежде чем убить, иногда пытались (или делали вид, что пытаются) хоть в чем-то разобраться, а вот «бандера» не разбиралась. Харьковчан они не любили, это ведь русский город. Почитай, половина убиенных в овраге была на их совести.

Мама повела меня в школу, что была рядом с домом, но эту школу собирались открыть только после Нового года. А потому на семейном совете было решено, что уроки арифметики будет давать мне папа, чистописанием займется мама (она была чертежницей) и что вообще «чтение — вот лучшее учение». Тут меня заставлять было не нужно. Читалось все без разбору: от сказок Андерсена и братьев Гримм до Лермонтова, Тургенева и Толстого. Книгами (свой был только Пушкин) меня снабжала Нина, тоже большая любительница чтения. Уроки же арифметики и чистописания шли ни шатко ни валко, тут я не шибко преуспела. У родителей забот хватало.

Как хочет человек забыть свои горести! Как хотелось забыть войну! На первом этаже нашего дома уже работала парикмахерская, и мы с братом впервые увидели в окно, как делают маникюр, хотя не очень поняли, для чего. Приехал московский цирк, и хоть это было не первое знакомство с цирковым искусством (однажды из-за метеоусловий на Маму залетел иркутский цирк С. Ю. Шафрика, который должен был выступать в Бодайбо), но все же цирк в Харькове мне понравился больше — там были собачки и гимнасты под куполом.

В наши детские обязанности входило выкупать по талонам хлеб и сахар (вместо сахара обычно выдавали патоку). В этих длинных очередях частенько происходили потасовки. И вот в один из дней в разгар бабьих разборок и настоящей драки к прилавку подошел инвалид на деревяшке и зычно так прокричал: «Бабы! Наши Одессу взяли!» О господи! Что тут стало! Толпу как подменили — все обнимаются, плачут, кричат «ура!». В этот же вечер или чуть позже был большой салют и над нами пронеслась эскадрилья самолетов, выстроившихся в имя «СТАЛИН». Это был самый конец апреля 1944 года.

На Донбасс, а именно в Артемовск, куда нас определили уже в Харькове, отправились вскоре после взятия Одессы. Дом, в котором должна была размещаться контора экспедиции, еще освобождался по суду, и мы обосновались в селе Пшеничном — там предполагался главный пункт геологических работ. В хате, где нас поселили на житье, висели в рамках фотографии расстрелянных немцами мужа (председателя сельсовета) и сына хозяйки. Фотографии были изрешечены пулями. Мама с участием спросила: «И сына убили? Вот уж горе так горе». И вдруг лицо хозяйки как-то странно посуровело, и она процедила сквозь зубы: «Сынов я бы еще нарожала, был бы муж». Я до сих пор не могу определить своего отношения к ее высказыванию, но и забыть его не могу. Вспоминается рассказ хозяйки о постое румын в ее хате. Свободное от ратных дел время они проводили на заболоченной речушке (она была сразу за огородом), стреляли лягушек, затем, нанизав на прутики, жарили их на костре. Один рыжий румын, заходя в хату после лягушачьей охоты, обычно хлопал себя по животу и, закатив глаза от удовольствия, говорил: «Мати, карашо!»

На селе нам сразу же придумали дразнилку: «Геологи — белы ноги!» Впервые, это было правдой, а во-вторых, малороссийское фрикативное «г» как-то смягчало дразнилку, мы не обижались. К слову сказать — на Украине ругаются

со вкусом и обходятся без крепких выражений. «Шоб тобі повывлазыло, кытаець!» — кричал шофер экспедиции мужику, который вдруг вынырнул откуда-то и чуть не угодил под колеса его грузовика.

В Пшеничном, видимо, больших боев не было, и село не было разрушено. Красивые беленые хатки с садами почти все были крыты соломой. Через дорогу от села шли поля кукурузы, куда нам ходить не разрешалось, говорили, что там и сейчас прячутся беглые немцы. И действительно, мы видели, как их ловили и увозили из села. Летом 1944 года или чуть позже мы с братом оказались за селом, где нас застало полное солнечное затмение. Тьма подступила незаметно. Когда же из села послышался вой собак, рев коров и показались на небе звезды, да такие близкие — рукой достанешь, мы от испуга даже и не пытались бежать, поняли, что наступил конец света, которым нас часто пугала Лукьяновна, уборщица в конторе папы.

Городские, поселковые и рудничные дети, мы многое открыли для себя в этой малороссийской деревне.

Запомнилась чудная ночевка на бахче, куда в свой курень пригласил нас соседский дедушка, стороживший колхозные арбузы. На рассвете я проснулась от испуга — кто-то прямо у моего уха часто дышит, словно принохивается ко мне. Я решила, что это волк, их было много, однажды они чуть не загрызли моего отца, когда он ночью возвращался из соседней деревни с партийного собрания. Я разбудила деда. Он меня успокоил: у волка другие повадки, это лиса. И правда, когда мы вышли из куреня, ее рыжий хвост мелькал уже далеко.

В Пшеничном была школа-трехлетка, где преподавание велось на украинском языке. Я решила идти в третий класс. При немцах никто не учился, а чему детей учили до немцев — все было забыто. Я оказалась самой маленькой и, как теперь бы сказали, самой «продвинутой» по всем предметам. Ученицей я была неудобной, мне все казалось, что «вчителька» просто коверкает русские слова, пыталась ее поправлять. Однажды она объявила на уроке, что мы будем учить «байку Крилова “Мавпа і окуляри”». Мне «байка» показалась чем-то знакомой и очень смешной. Судите сами:

На старість мавпочка недобачати стала,
А у людей вона чувала,
Що то біда ще не яка,
Аби дістати окуляри.

Я потом оценила всю мелодичность и красоту украинской «мовы», а тогда от души повеселилась, возмутив национальные чувства учительницы. Не удивительно, что она обрадовалась, когда меня увезли из села, — наш дом в Артемовске был свободен.

Артемовск, где обосновалась контора и база экспедиции, был в те времена небольшим пыльным городом с одной главной улицей. Папа забрал с собой из Пшеничного Лукьяновну, женщину лет шестидесяти, напичканную всякими страхами и поверьями про оборотней и нехороших людей, которые запросто превращаются в свиней и медведей. Этот природный мистический настрой, свойственный вообще украинцам, укрепился с несчастьями, которые принесла война: муж, староста при немцах, спасший многих, в том числе и молодежь, от угона в Германию, сидел в тюрьме, а дочь совсем не по своей воле родила девочку от немца и покинула село. Ребенок был, видимо, не совсем здоров: с криком: «Немни, немни!» — девочка долго еще пряталась под кровать при любом шорохе. Лукьяновну все жалели. В папиной экспедиции она проработала семь лет.

Семейство, которое при немцах заняло дом нашей хозяйки Сарры Пинхусовны, сидело на узлах у крыльца и встретило нас враждебно. Старуха прошипела маме в лицо: «Все равно ты здесь жить не будешь!» И действительно, в доме поначалу было жить трудно — вечно что-то скрипело, слышались шаги, открывались сами собой двери, но наша Лукьяновна точно знала, как обороняться от нечистой силы, и вскоре все стихло. А дом был высокий, с большими окнами и планировкой, удобной для совмещения нашего жилища с конторой. К слову сказать, первое в моей жизни посещение церкви тоже связано с Лукьяновной. Однажды ночью мама разбудила нас с Юрой, и мы увидели — вся наша улица в движущихся дрожащих огнях: люди в Страстную седмицу несли свечи домой из церкви, которая, говорят, стала действующей при немцах. Принесла огонек и Лукьяновна, накопила в углах кресты, закрестила все окна. На Пасху я уговорила Лукьяновну взять меня на всенощную, где пряталась за ее спину, когда ко мне подходил батюшка с кадилом.

В Артемовске было несколько школ, одна из них украинская, но, поскольку желающих учиться в ней не нашлось, школа стала русской женской. Моя тетя Нина, которая приехала с Кавказа с пятью классами образования, в школу не пошла, стеснялась, что переросток, к тому же она плоховато говорила по-русски. Нина жила с нами на Донбассе до девятнадцати лет, до замужества, и, честно говоря, заменяла нам с братом вечно занятую маму. Нина сшила мне из какой-то дерюжки сумку с карманом для пузырька с чернилами, достала где-то дефицитный химический карандаш, из газет нашла тетрадок, и я, как и все, научилась писать между строк.

Однажды, когда урок уже шел, директор школы ввела в класс девочку. На ней было синее в светло-серую клеточку пальто, розовая пушистая шапочка с белым помпоном и белый пушистый шарф, тоже с помпоном. И вся-то она была такая розовая, пухленькая, просто девочка из сказки. «Дети, — обратилась к нам учительница, — с вами будет учиться дочь нашего прославленного паровозного машиниста Николая Кривоноса». Когда директриса сняла с нее пальто, мы впервые увидели школьную форму с кружевным воротничком. Самым же большим потрясением были ее тетради с разноцветными обложками — в прямую и косую линейку, в клеточку. Чувство социальной справедливости, конечно, разыграло, но девочку обижать боялись: фамилия завораживала, да и девочка была тихой и даже на перемене не выходила из класса. Ее увозили и привозили в одно и то же время: видно, подгадывали к расписанию папиного паровоза. Вскоре расписание его работы или маршрут изменились и наше небесное видение повезли учиться не то в Ворошиловград (ныне Луганск), не то в Сталино (ныне Донецк). Как мне тяжело думать сегодня о судьбе этих городов! Да и мой Артемовск и село Пшеничное не раз мелькали в сводках о боях в Донбассе.

До окончания войны выживали в Артемовске по-всякому, ждали победы. В экспедиции было подсобное хозяйство. Сеяли кукурузу, подсолнечник и еще картошку, хоть она и росла плохо. Подсолнечник экспедиция сдавала на маслобойку, а из кукурузы на городской крупорушке делали крупу и муку. Самое счастливое гастрономическое воспоминание — свежавыжатое ароматное подсолнечное масло с кукурузным хлебом. В войну хлеб получали по карточкам, а кильку (ее называли камсой) можно было, если повезет, купить без лимита. На маленьком огороде росли лук и всякая зелень, по обочинам огорода рос паслен, ранетки и даже яблоками наши мальчишки частенько разживались в соседских садах, а собирать «паданку» ребятишек даже приглашали. С маслобойки,

что была недалеко от нашего дома, часто возили жмых. Брат мой всегда дружил с мальчишками старше его. Пока Юра стоял «на шухере», его друзья умудрялись залезть в кузов при погрузке машины и выбросить пару-тройку кругляков этого жмыха — пир на весь мир. Так что в войну жизнь на Донбассе была вполне сносной. Самое голодное время будет впереди, но об этом чуть позже.

Донбасс — безлесная земля. Я помню только один Новый год с елкой, да и то нам повезло. Сестра нашей знакомой М. Д. Каманиной (о которой речь впереди) заведовала детским домом. Она принесла нам сосенку метра полтора высотой — в дом завезли лишнюю. Сколько было радости! Мы, за неимением игрушек, навесили на нее что попало, наскоро что-то смастерили сами, но главным украшением была вата. Родители приехали с рудника, и мама меня спросила: «Ты помнишь нашу елку на Маме? Этот дом тоже деревянный!» Еще бы я не помнила! Что спровоцировало меня тогда, в новогоднюю ночь 1941 года, на Геростратов подвиг — не знаю. Под елкой стоял большой ватный, покрытый слюдяным блеском Дед Мороз и было много ваты, прикрывающей крестовину. Я поняла, что фейерверк будет что надо, подошла к печке-голландке, открыла дверцу, подожгла лучинку, а затем и вату под елкой. Огонь медленно и очень красиво полизал ее, дошел до ствола — и елка вмиг вспыхнула до самого потолка. Спасла нас соседка, которая стирала белье. Мой брат заикался года два. Но зато как причудливо-красиво выгорел наш пол, по его линиям я танцевала, а Юра путешествовал на своем деревянном грузовике.

Радовала нас артемовская елка только в новогоднюю ночь: когда мы проснулись, ее уже кому-то отдали. И все-таки победный 1945 год мы встретили с елкой.

Миг, когда я узнала о победе, навсегда связан у меня со странным соседом Григорием Сметанкиным, здоровенным мужиком средних лет, благополучно пережившим в Артемовске оккупацию, да еще с женой-еврейкой. Лида при малейшей опасности пряталась в глубокий погреб, хотя вполне очевидно, что прятаться надо было ему — Лида не очень походила на еврейку. Позднее мы купили дом, в котором жили Сметанкины, на деньги, вырученные за персидский ковер, выигранный в военную лотерею (были такие), — и перебрались из конторы. Дом был выстроен из дуба, имел низкий потолок, маленькие окошечки и земляной пол. А погреб был действительно глубоким. Мы с девочками играли в «классики» на улице, когда из нашей ограды выбежал с красным полотнищем в руках Сметанкин и с диким криком: «Победа! Победа!» — помчался к школе, увлекая за собой толпу. Сердце просто выскакивало от счастья. У школы вмиг соорудили что-то вроде трибуны, откуда ни возьмись появились всякие начальники (хорошо говорили), нашелся и оркестр, музыка, танцы на всю ночь.

Вскоре стали приходиться с войны мужчины, и я помню, как в нашу усадьбу прибежала соседка Валя, стучала в окна и как полоумная кричала: «Вася, Вася приехал!» Когда мы выбежали, Вася, растерянный, стоял у калитки — ждал, когда жена придет в себя. Позже Вася вечерами часто играл на гармошке и пел нам разные песни из окопного фольклора. Одну из них я хорошо помню. Она о том, как солдат или младший офицер пришел с фронта, «а дома меня встретила жена, жена моя с погонами майора». Состроив страдальческую физиономию, он жаловался нам, ребятне:

Теперь я не курю, не пью вина,
Боюсь не принести домой полочки
И без жены боюсь ходить в кино —
Припишет самовольную отлучку.

Но мы-то знали: дядя Вася повеселиться и выпить не дурак и никакая Валя ни в чем ему не указ.

Стали возвращаться девушки, угнанные на работу в Германию. Помню одну стройную девицу, которая ежевечерне проходила мимо нашего дома в красивых шелковых платьях, юбки развевались колоколом, и, хоть она придерживала подол руками, мы успевали разглядеть широкие, причудливого плетения кружева ее комбинации. А уж туфель на высоких каблуках у нее было множество. Вероятно, она быстро обзавелась кавалером и исчезла из города. Понимаю, что это несправедливо, но скажу прямо — посматривали на нее косо, и уж точно никто не считал, как пелось в популярной тогда песне, что ей «положено по праву в самых модных туфельках ходить».

К сентябрю 1945 года моего брата Юру стали собирать в школу. Помогли нам в этом, представьте себе, американские подарки. Их в 1944—1945 годах экспедиция получала раза два. Называли их «второй фронт». Мне запомнилось мясо в банках (почему-то сладкое), жир, похожий на манную кашу, соленый жареный арахис и сухари, которые, что особенно ценно, в воде увеличивались в размерах, — все это делилось и съедалось работниками экспедиции быстро. Но были и подарки с одеждой. Помню, нам достался черный свитер с двумя белыми оленями на груди, мужская куртка с искусственным мехом, какое-то белье, еще что-то. Все это вместе с большим персидским ковром при обычной экспедиционной оказии в Ростов (оттуда возили трубы для бурения) свезли на ростовскую барахолку. В новых ботинках и хороших брюках, в перешитой по росту и перекрашенной в черный цвет военной гимнастерке, перетянутой ремнем с медной бляхой, подаренным соседом Васей, с папиной полевой сумкой Юра и пошел в школу.

Я до сих пор не совсем понимаю, почему после войны жить в Артемовске стало намного хуже. Да, было два подряд неурожайных засушливых года. Мы бродили по улице по колено в теплой мягкой пыли, воображая, что бродим по воде. Всякий день, придя в школу, мы рассказывали друг другу, где увидели умерших от голода людей, очень часто стариков. У ворот нашего дома был большой камень. На нем часто сидел и ждал хоть ложку мамалыги высокий сухой старик. Утром, отправляясь в школу, я обратилась к нему по обыкновению: «Дедусь, здравствуй!» Он мне не ответил. Когда я тронула его за плечо, он повалился на землю.

Однажды, в это самое голодное время, по нашей улице проехал цыганский обоз. Я с девочками сидела у калитки и заметила, как что-то выпало из кибитки. Мы еще подождали — пусть колымага отъедет подальше, вдруг там что-то интересное. Когда обоз отъехал на безопасное расстояние, подбежали и подняли сверток — а в нем мальчик, он свалился из рук задремавшей матери на нашу пыльную по колено улицу, как в перину. Бежать за цыганами было поздно, я понесла сверток маме. Мама моя тут же за него ухватилась. Дело в том, что по кавказским обычаям найденьши и подкидыши — дар Божий, к ним в семье отношение лучше, чем к своим. К тому же цыганенок был хорошенький, большеглазый. Не знаю, чем бы все это кончилось, если бы мы не увидели цыганок, бегущих в нашу сторону с воплями и причитаниями о пропаже.

Постоянное чувство голода мучило всех — и детей, и взрослых. Взрослые тоже вспоминали свое довоенное житье и часто по-детски явно его приукрашивали. Матаком по этой части была Неля, чернокудрая, с глазами навывкате львовская еврейка, приехавшая из Казахстана к сестре Лиде, нашей погребной сиделице. В ее рассказы мы плохо верили. По ее словам, во Львове по дороге

с фабрики она заходила в магазин, свободно покупала невиданные вещи и все съедала. Для наглядности она ставила свой сухонький кулачок на живот и была по нему, как по наковальне, другим кулаком, словно вколачивала в свой тощий живот все, что она накупила, — кулбасу, канклеты (именно так!), да туда же сыр, да напоследок пирожное. При этом в ее лице было столько блаженства!

Много разного интересного народа приехало в Артемовск после войны. Приехала к нашей соседке сестра. Она представилась: «Каманина Манюбочка». Но быстро поправилась: «Мария Даниловна. Манюбочкой звал меня муж». Мужа ее не было в живых уже шесть или семь лет. Генерал, родной брат знаменитого полярного летчика Николая Каманина, спасавшего челюскинцев, он был сброшен с балкона «дома на набережной», пока Мария Даниловна была на кухне, готовила мужу и пришедшим с ним мужчинам угощение. За нею пришли быстро. Мария Даниловна, решив, что ей просто предстоит беседа со следователем, оделась обычно, по-летнему. Тогда один из трех пришедших произнес: «Не забудьте паспорт». Отделился от группы, пошел за ней следом и тихо добавил: «Идешь на день — бери на неделю, идешь на неделю — бери на месяц, идешь на месяц — бери на год». Мария Даниловна все поняла: в сумку, помимо своих вещей, положила мужнино теплое белье и всегда с благодарностью вспоминала того человека. Ей дали десять лет лагерей, но выпустили раньше без права жить в Москве. Через некоторое время Каманина получила из Москвы кое-какие вещи из своей довоенной роскошной жизни генеральши: зимние пальто с горжетками из лис и песцов, с хвостами и мордами, необыкновенные шляпки с вуалями и перьями. Она устроилась на работу медсестрой. Вскорости все вещи, что ей прислали, были проедены. Мама, как могла, иногда ее подкармливала, и за это М. Д. Каманина подарила ей небольшой гобелен французской работы XIX века, изображающий Наполеона на белом коне. Это был подарок от самого Николая Каманина невестке, только потому он и был прислан Марии Даниловне. Он и сейчас у меня, хотя после войны мы снесли на барахолку все, что еще кому-нибудь могло пригодиться. Мне до сих пор жаль настоящего, правда в детском варианте, черкесского костюма с позолоченными газырями и кинжалом, с золочеными висюльками на поясе и кудрявой, барашковой белой папачкой. Какая-то толстая тетка, долго торгуясь и размышляя вслух, а зачем, собственно, ей эта черкеска, все-таки дала нам за нее булку хлеба и налила в железную баночку из-под американской тушенки темного самодельного жидкого мыла. Очень жаль и Пушкина 1937 года издания — во всех геологических странствиях он был с нами.

О бахмутской барахолке нельзя не рассказать. Она сохранила свое название потому, что попасть на нее можно было, лишь перейдя речку Бахмутку, по имени которой когда-то Артемовск назывался Бахмутом. Воды в ней было по колено, но перебраться на другой берег, не подцепив штук десять пивовок, было невозможно.

На этом базаре, по нашим понятиям, было все. Хозяйки, продающие молоко, спрашивали покупателей, будут они брать его «с холодильой», то есть с лягушкой, или так. Вариант «так» часто означал, что домой принесешь простоквашу. По базару бегали мальчишки с водой, рекламируя свой товар кричалкой:

Ну, кому воды холодной?
Есть холодная вода.
Рупь для пуза — не беда!

Вода в Артемовске плохая, известковая. Где брали мальчишки другую — не знаю. Мы же носили на базар надоевшую кукурузную крупу, которую с подсобного хозяйства экспедиции выдавали всем работникам. Ее продавали или меняли на какую-нибудь другую крупу, чаще перловку, или ржаную муку.

После демобилизации к нам приехал с Дальнего Востока мамин брат — Георгий Гахокидзе, по-домашнему — Жорик. На барахолке продавались ковры со всякими замками и лебедями. Это был ходовой товар, и наш Жорик тоже решил подзаработать. Мы сняли клеенку со стола, надавали ему каких-то тряпок, которые он грунтовал по одной ему известной технологии. Дядю подвели два курса художественного училища, что он прошел до армии во Владикавказе. Его картины с дворцами, озерами с лебедями и красавицами с амурами были какие-то не такие красивые. Их плохо брали. Жорик вскоре женился и укатил во Фрунзе.

Но уж никакой голод не смог нас лишить удовольствия смотреть трофейное кино. Нина устроилась контролершей в клуб. «Багдадский вор», «Флория Тоска», «Девушка моей мечты», «Индийская гробница», «Ромео и Джульетта» — я смотрела эти картины и позже, уже в Иркутске, но в памяти моей они навсегда связаны с Артемовском. Помню, как вся вжалась в сиденье, когда из ворот замка со зловещим ритмичным звоном лошадиных копыт надвинулась на меня вся закованная в латы конница семейства Капулетти. Что бы со мною стало (я росла впечатлительной), если бы тут же счастливо не отгородилась от этого ужаса спасительным образом — у нас есть Сталин. И я успокоилась.

Сэкономленные на билетах деньги шли на мороженое. Куда теперешнему до того мороженого! Оно так ловко вылетало (мы следили, чтоб с горкой да чтоб вафли были цельными) из квадратной или круглой железной формочки! А потому продавалось в квадратных или, что нам особенно нравилось, круглых вафлях. Львовская Неля фыркала: «Это мороженое? Так вы уж лучше возьмите в рот кусочек сахара и сядьте голой попой на снег».

В сорок восьмом, все еще голодном, несмотря на отмену хлебных карточек, году, когда постоянно задерживали зарплату и по-прежнему мамалыга из кукурузы была роскошью даже для работающего человека, на папу завели уголовное дело. Он, не считаясь ни с какими правилами документации, в 1946—1947 годах посылал к завхозу экспедиции очередного шатающегося от голода просителя с запиской приблизительно такого содержания: «Выдайте подателю сего килограмм кукурузной крупы (или муки, если есть). Бусаргин». Фамилией просителя он, как правило, не интересовался. Опытный завхоз не только записывал фамилию в свою тетрадь, но и у некоторых просителей брал подпись. Это его спасло, а папе дали три года «за халатность». Жить без папы стало совсем невмоготу. Мама, оставив нам килограмма два крупы и липкий комок карамели, уезжала на всю неделю в село Пшеничное, где шли основные работы. Вскоре маме пришлось сдать в наем нашу хату, взять Юру с собой, а меня отправить к бабушке и тете Зине. Я приехала в Иркутск самостоятельно, ведь мне шел уже четырнадцатый год. Вот так и закончилась моя украинская одиссея. А остальные — папа, мама и Юра — приехали в Иркутск года через два.

Вот вспомнила детство свое, тех, кого сейчас со мною нет, и оказалось — «вы снова здесь, изменчивые тени...»

Елена БОГДАНОВА

СИБИРСКИЕ ЛИЦА БОРИСА СМИРНОВА

Борис Васильевич Смирнов (1881—1954) — русский художник-живописец, член Товарищества передвижных художественных выставок, Объединения художников-реалистов, Союза советских художников.

Родился во Владикавказе в семье генерал-майора в отставке, преподавателя математики В. Ф. Смирнова, юные годы провел на Украине. Учился в Санкт-Петербурге, в Императорской Академии художеств по классу пейзажной живописи. Из-за туберкулеза вынужден был оставить академию и переехать на юг, но получил право преподавать в средних учебных заведениях.

Преподавал рисование, участвовал в создании Учительского (позже — Педагогического) института в Екатеринославе.

Еще в студенческие годы Смирнов начал экспонировать свои произведения на различных выставках, иллюстрировал детские книги и журналы. В годы революции создавал огромные агитационные панно. Написал большое количество декораций для оперного театра Екатеринослава.

Особое место в творчестве художника занимает природа и люди Украины, целая серия рисунков посвящена поэту Тарасу Шевченко.

Работы Смирнова хранятся более чем в пятидесяти музеях бывшего СССР, в том числе — в Государственной Третьяковской галерее.

В декабре—январе в Новосибирском государственном краеведческом музее прошла выставка графики Бориса Смирнова «Сибиряки». Экспозиция удивила жизнеподобием и тонкостью портретов, запечатлевших людей самых разных словий.

В 1904 году молодой художник Борис Смирнов совершил долгий и трудный путь по Большому Сибирскому тракту — из столицы в иркутскую ссылку. По официальной версии, он был осужден за сочувствие марксистам. И во время пути, и в самом Иркутске он рисовал людей, привлекавших его внимание. Правда, в этот период было сделано несколько рисунков, изображающих дома, пейзажи и сам тревожный Сибирский тракт, но самыми яркими работами «сибирской серии» Смирнова стали портреты. В поле зрения живописца попали купцы, чиновники, дворяне, военные, учителя, священник, монах, золотопромышленник, ссыльные,

заключенные, крестьяне, переселенцы с Украины и из Западной России. Эти работы и экспонировались на выставке «Сибиряки».

Новосибирский государственный краеведческий музей (НГКМ) приобрел коллекцию из девяноста девяти работ художника в 1950 году. В начале 2000-х коллекция была оцифрована и представлена в Мировой цифровой библиотеке. В выставках НГКМ последних лет предметы из фондов музея составляют не более сорока процентов экспонатов. Поэтому собственные коллекции всегда экспонируются с особой гордостью и удовольствием, отметила заместитель директора по научной работе музея Юлия Шуклина.

Работы Бориса Смирнова вызывают законную гордость и по другой причине — это очень живые и тонкие портреты с точно подмеченными особенностями, а иногда и внутренними противоречиями самых разных людей. Во взгляде золо-

топромышленника — и хитрость, и спря-
танная до поры озорная удаль, и надежда
на славный кутеж. Лицо ссыльного тол-
стовца выражает и несокрушимость воли,
и, похоже, внутреннюю душевную непод-
вижность. Во взгляде и во всей позе учи-
теля Иркутского городского училища — и
устремленность в будущее (то была пора
образовательных реформ), и недостаток
подлинной уверенности.

При этом Смирнов вовсе не был бес-
пристрастным наблюдателем, его социаль-
ные воззрения вполне очевидны. Людей
из высших сословий он нередко пишет с
иронией, а обездоленных — с глубоким со-
чувствием. Один из самых насмешливых
портретов называется «Его превосходитель-
ство простудился и отдыхает на даче
под Иркутском». Важный чин в мундире
и фуражке, откинувшись на подушку и
укрывшись клетчатым пледом, благодушно
взирает на мир из-под очков. Без особой
симпатии изображена и жена судейского
чиновника. Дама средних лет, полуобер-
нувшись, смотрит в лорнет с цепким и яз-
вительным любопытством. Впечатление от
самодовольной барыни усиливает чуть рас-
трепанное кокетливое перо на шляпке.

Совсем по-иному, с живым сопер-
еживанием написан «Крестьянин-пересе-
ленец, осевший в Иркутской губернии». Лицо
немолодого труженика изборож-
дено следами времени и горестей, но ос-
вещено по-прежнему ясными и умными
глазами. Без насмешки изображен и
уголовник из иркутской тюрьмы. В его
глазах — и легкое лукавство, и глубокое
сожаление, и тоска о давно минувшем.

По мнению кандидата искусствоведе-
ния, научного сотрудника НГКМ Татья-
ны Прохоровой, особенной вырази-
тельностью у Смирнова отличаются портреты
детей. В коллекции есть изображения и
учеников Иркутского городского учили-
ща, и босоногих, много испытывавших детей
переселенцев.

Сибиряков Смирнов изображал не
только в классических портретах, но и в
жанровых зарисовках. Таков, к примеру,
рисунок «В трактире на окраине Крас-
ноярска». Главный герой — покорного
вида половой с чайником и чашками на

подносе — вписан в привычную среду,
мы видим и посудные полки, и огромный
самовар, и бородатого гостя. Конечно,
половой попал «под прицел» художника
случайно, но некоторые персонажи по-
зировали специально. Так, для картины
«Иркутская модница» позировала жена
судейского чиновника, у которой соби-
рался кружок любителей рисования.

«Борис Смирнов показал сибиряков
в их неоднородности, — поясняет Юлия
Шуклина. — Мы исторически такие —
в нас смешаны европейские и азиатские
черты, корни ссыльных и добровольных
переселенцев с разных концов империи.
На портретах могут быть наши деды и
прадеды».

Материалы художник использовал
традиционные и разнообразные: и уголь,
и соус, и пастель, и цветные карандаши.
«Индивидуальная особенность Смир-
нова — в эффектном использовании бел-
лил, — говорит Татьяна Прохорова. —
Он применял их, чтобы подчеркнуть
белый воротничок, (“Иркутская модни-
ца”), белую рубашку (“Военный чинов-
ник”), или драгоценности».

Внимание посетителей к выставке
было закономерным: интерес к человеку
в разных ипостасях вечен. «Наверное, у
каждого зрителя свой объект присталь-
ного внимания. Мой любимый портрет —
“Учительница женской гимназии в Ир-
кутске”, — говорит Юлия Шуклина. —
В нем много энергии. Считывается на-
строение взлохмаченной учительницы,
которая успела провести несколько уто-
мительных уроков и сделать яростные
внушения воспитанницам. Причем в
лице дамы угадываются черты жены
художника. И это не единственная за-
гадка Смирнова. К примеру, на ученице
иркутского училища рубашка, которую в
то время могли носить только мальчики». Искусствоведы дают этим небольшим
странностям свое объяснение. Посколь-
ку Смирнов завершал некоторые работы
по прошествии времени, на сибирские
натурные наброски могли наслаиваться
другие образы и детали. И это делает на-
следие художника еще более интересным
и многогранным.

АВТОРЫ НОМЕРА

Андреева Татьяна Петровна родилась в 1952 г. в Кургане. Окончила режиссерский факультет ЛГИК (Ленинград), работала режиссером, актрисой, преподавателем, корреспондентом, заведующей литературной частью театра. Автор ряда сценариев документальных фильмов, пьес, инсценировок, книг. Печаталась в журналах «Тобол», «Наука и образование Зауралья», «Страстной бульвар, 10» и других. Живет в Кургане.

Бабиков Евгений Александрович родился в 1962 г. в р. п. Ордынское Новосибирской области. Окончил филологический факультет Новосибирского педагогического института, работал учителем, режиссером народного театра, сотрудником министерства культуры Новосибирской области. Автор четырех поэтических сборников, многочисленных сценариев и песен. Живет в Новосибирске.

Богданова Елена Юрьевна родилась в 1979 г. в Бийске. Окончила юридический факультет Международного института экономики и права. Журналист, литератор. Стихи и рассказы публиковались в журнале «Сибирские огни». Живет в Новосибирске.

Бусаргина Тамара Георгиевна родилась в Иркутске. Окончила Иркутский государственный университет и факультет теории и истории искусств Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина. Кандидат искусствоведения. Автор более сорока работ по истории искусства Сибири, детскому художественному творчеству. Живет в Иркутске.

Вегнер Александр Александрович родился в с. Кочки Новосибирской области в 1956 г. Окончил Новосибирский сельскохозяйственный институт. Работал в опытно-производственном хозяйстве «Кочковское». Публиковался в журнале «Сибирские огни». Живет в Кочках.

Зарубин Дмитрий Евгеньевич родился в 1962 г. в Саратовской области. Окончил факультет журналистики Воронежского государственного университета. Работал в СМИ Центрально-Черноземного региона. Публиковался в журналах «Волга», «Новая Юность», «Военно-исторический журнал». Автор детективов и краеведческих исследований. Живет в Старом Осколе.

Косогов Владимир Николаевич родился в 1986 г. в Железногорске Курской области. Окончил филологический факультет Курского государственного университета. Работает в СМИ. Победитель Волошинского конкурса, конкурса им. Н. Гумилева «Заблудившийся трамвай», лауреат премии «Лицей». Живет в Курске.

Орлов Павел Александрович родился в 1974 г. в Новосибирске. Окончил гуманитарный факультет Новосибирского государственного университета, направление «история». Научный сотрудник Новосибирского государственного краеведческого музея. Охотник, рыбак, участник археологических работ в Хакасии, Красноярском крае, Новосибирской области и на Земле Франца-Иосифа. Живет в Новосибирске.

Погожева Галина Юрьевна родилась в 1954 г. Москве. Училась во французской спецшколе, окончила Московский авиационный институт. Поэт, переводчик, эссеист. Участвовала в организации больших русских выставок в Париже и создании их каталогов. Многие годы сотрудничала с газетой «Русская мысль». Живет в Париже.

Прашкевич Геннадий Мартович родился в 1941 г. в с. Пировском Красноярского края. Прозаик, поэт, переводчик. Автор романов «Секретный дьяк», «Носорук», «Теория прогресса», биографических книг о Жюлье Верне, Уэллсе, Брэдбери и др. Заслуженный работник культуры РФ, лауреат ряда литературных премий. Живет в новосибирском Академгородке.

СИБИРСКАЯ ГОРНИЦА

МАГАЗИН

продает и покупает:

книги и подписные издания, газеты, журналы, почтовые открытки (до 1960 г.), старые фотографии, домашние архивы, коллекции почтовых марок, монеты, бумажные деньги;

статуэтки фарфоровые, бронзовые и чугунные, серебряные изделия, значки на винтах, портсигары и подстаканники, заводные игрушки и фарфоровые куклы, угольные самовары и патефоны, старинную мебель, старую военную форму и военную атрибутику и многое другое.

Работают отделы:

антиквариата, нумизматики, филателии и букинистической литературы.

Всегда в продаже журнал «Сибирские огни».

Работаем с 10 до 19 без перерыва, в воскресенье с 10 до 18

Адрес: ул. Романова, 26 (угол Советской и Романова)

☎ 227-18-37, 227-14-50

Сайт: www.gornitsa.ru E-mail: n_gornitsa@bk.ru

Частные лица и организации в Российской Федерации и в странах СНГ могут подписаться на журнал «СИБИРСКИЕ ОГНИ» в любом отделении связи — красный Объединенный каталог, подписной индекс — 46587.

ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕ 16 ЛЕТ

Учредители:

Союз писателей России, Администрация Новосибирской области.

Журнал зарегистрирован в Государственном комитете Российской Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации № 01302 от 27 ноября 1998 г.

Адрес редакции и издателя:

630007, г. Новосибирск, ул. Коммунистическая, 19, тел. (383) 223-10-15

E-mail: sibogni@sibogni.ru Сайт: сибирскиеогни.рф

Адрес типографии:

ООО «Новосибирский издательский дом»

630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

<http://книгосибирск.рф>

Сдано в набор 10.04.2021. Дата выхода № 5 за 2021 г. в свет 21.05.2021.

Формат 70x108/16. Печать офсетная. Усл. п. л. 8,7. Тираж 1500 экз.

Во всех случаях полиграфического брака просим обращаться в типографию.